

Р. П. КОНДАКЧЯН

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ (1950—1960)

Мировая капиталистическая система переживает третий этап своего общего кризиса, характерной особенностью которого является нарастание борьбы между трудом и капиталом, небывалое усиление внутренней неустойчивости и политической реакции, отказ от буржуазных свобод, установление в ряде стран тиранического режима, глубокий кризис политики и идеологии буржуазии. Поэтому исследование внутренней политики буржуазных государств составляет одну из важнейших задач советской исторической науки.

За последние годы советское востоковедение сделало значительный вклад в изучение экономических и политических изменений, происшедших после второй мировой войны на Востоке, в частности в Турции. Опубликовано несколько монографий, большое количество статей и брошюр, в которых рассматриваются в первую очередь экономические и военно-политические последствия экспансии американского империализма в Турции, состояние ее экономики, финансов, внешней политики, положение крестьянства и промышленного пролетариата, особенности развития капитализма и национальной буржуазии, вопросы внутренней политики после военного переворота 27 мая 1960 г. и др.

В целом внутренняя политика Турции после второй мировой войны, особенно в период правления демократической партии (ДП), еще не стала предметом специального исследования.

Научная важность и политическая актуальность этой проблемы заключается в том, что она связана с политикой новой буржуазной партии, впервые пришедшей к власти.

Изучение данной проблемы важно также для правильного понимания многих внутриполитических событий, имевших место в Турции после майского военного переворота 1960 г.

В работе делается попытка на основе конкретного исторического материала раскрыть классовую сущность и пресмысленный характер политики турецких буржуазно-помещичьих партий, показать причины перехода Турции к двухпартийной системе правления и разоблачить антинаучные концепции буржуазных историков в указанных вопросах.

Методологической основой работы послужили положения классиков марксизма-ленинизма о буржуазных партиях, о сущности их программ и целях оппозиционной борьбы, о характере двухпартийной буржуазной системы правления, о влиянии милитаризации на экономику и финансы капиталистических стран, об антинародной и реакционной внутренней политике их правящих классов.

При изучении внутриполитических проблем послевоенной Турции серьезным подспорьем явились материалы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий и Программа Коммунистической партии Советского Союза. В Программе КПСС получили глубокую марксистско-ленинскую оценку важнейшие вопросы внутренней и внешней политики стран мировой капиталистической системы и современного международного положения. Характеристика некоторых вопросов внутренней политики главных капиталистических стран, данная в Программе КПСС, полностью относится и к внутренней политике Турции.

Автор использовал работы советских туркологов: А. Ф. Миллера «Очерки новейшей истории Турции», Б. Данцига «Турция», П. П. Моисеева «Аграрные отношения в современной Турции», А. Шамсутдинова «Турецкая республика» и Ю. Н. Розалиева «Особенности развития капитализма в Турции».

В работах А. Ф. Миллера и Б. Данцига впервые сделана попытка обобщить внутреннюю и внешнюю политику Турции после провозглашения ее республикой.

П. П. Моисеев исследует аграрные отношения в турецкой деревне, сложившиеся после второй мировой войны. Особенно примечательна та часть его работы, где освещается процесс развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

В книге А. Шамсутдинова в общих чертах изложено экономическое и внутриполитическое положение Турции в период и после второй мировой войны, а внутренняя политика ДП дана в краткой форме.

Работа Ю. Н. Розалиева посвящена очень сложному и

малоизученному вопросу — развитию капитализма в Турции и экономическому положению страны.

Использованы коллективные труды сотрудников Института народов Азии АН СССР «Современная Турция» (1958) и «Политика США на Ближнем Востоке».

В первом из них освещено состояние экономики, культуры, внутренней и внешней политики страны. Внутренней политике ДП уделено здесь всего несколько страниц. Более того, в этой работе репрессии правительства Мендереса против компартии и демократических элементов рассмотрены заодно с репрессиями против оппозиционных буржуазных партий и их печати.

В книге «Политика США на Ближнем и Среднем Востоке» выделен специальный раздел, в котором авторы рассматривают вопросы политической, военной, экономической и идеологической экспансии американского империализма в Турции, не касаясь вовсе внутренней политики страны после второй мировой войны.

В работе использованы также материалы советской печати.

Основной фактический материал взят и критически проанализирован из литературы на турецком, английском и французском языках.

Из работ турецких историков привлечена книга проф. юридического факультета Стамбульского университета Т. З. Тунайы «Политические партии в Турции», содержащая богатый фактический материал о политических организациях и партиях, возникших за период 1859—1952 гг. Книга эта скорее сборник документов и материалов, нежели научное исследование. В ней уделено большое внимание образованию и деятельности народно-республиканской партии (НРП). Довольно много места отведено образованию ДП и ее оппозиционной деятельности. Хотя хронологические рамки книги доведены до 1952 года, все же автор не затрагивает внутреннюю политику этой партии. В книге Туная отсутствует характеристика послевоенной внутриполитической обстановки Турции.

Следует подчеркнуть, что Туная всячески игнорирует политические организации рабочего класса. У него нет упоминания о коммунистической партии Турции, а материалы, относящиеся к другим партиям рабочего класса, возникшим после второй мировой войны, ограничены лишь данными о времени их образования, запрещения и списками руководителей. Компартия Турции и другие политические организации рабочего класса подвергнуты явной дискриминации, что, несомненно, снижает ее ценность.

В трудах турецких историков Т. Юнала «Политическая история Турции в период 1700—1958 гг.» и Т. Демирая «Внут-

рения политика Турции за последние 50 лет» в очерковой форме изложена история внутренней политики послевоенной Турции, причем без достаточного фактического материала и научной аргументации. В книге Т. Юнала внутренней политике ДП отведено всего несколько страниц. То же самое можно сказать об учебниках по истории Турецкой республики (авторы—Э. З. Карал, М. К. Су и К. Су, Ф. Язган и М. Сердарлар).

В книгах Дж. Кутая, С. Парсадана, Дж. Юнджи и И. Гёктюрка содержатся политические биографии лидеров ДП Джелиля Баяра и Аднана Мендереса, всячески восхваляются их мнимые заслуги перед страной и государством до и после прихода ДП к власти. Так, например, Дж. Кутай пытается доказать, что Баяр, будучи одним из близких сподвижников М. Кемалья, после его смерти являлся наиболее подходящей кандидатурой на пост президента, однако был незаслуженно удален с политической арены.

Особо следует остановиться на сборнике опубликованных в разное время статей проф. Т. Фейзноглу «О демократии и диктатуре», в которых он резко критикует мероприятия правительства Мендереса, направленные на ликвидацию буржуазной оппозиции. Автор, однако, обходит такой важный вопрос, как репрессии правительства Мендереса против трудящихся, против членов компартии и сторонников мира, что, фактически, означало поддержку реакционных мероприятий правительства.

Обзор использованной турецкой литературы был бы неполным, если бы мы не остановились на книгах турецких авторов К. Х. Карпата и А. Э. Ялмана, изданных в США на английском языке. В книге К. Х. Карпата «Политика Турции» подробно освещены только вопросы внутренней и внешней политики НРП, как и образование ДП и ее борьба за власть.

Книга А. Э. Ялмана «Турция в мое время» содержит мало материалов о внутриполитической обстановке послевоенной Турции. Это в основном автобиографический очерк, изложенный на фоне событий, имевших место в Турции при его жизни. Будучи главным редактором и издателем газеты «Ватан», Ялман вначале поддерживал ДП, но впоследствии критиковал мероприятия правительства Мендереса, направленные на преследование оппозиционных буржуазных партий и печати. В дальнейшем перешел в оппозицию ДП.

Значительный интерес представляют материалы печати, в особенности оппозиционных буржуазных газет и журналов. Впрочем, турецкая официальная печать не освещала такие

важные вопросы внутривосточной жизни страны, как активизация крестьянской борьбы за землю, усиление борьбы рабочего класса против обнищания и несправедливости и обострение классовых противоречий.

Этот пробел в некоторой степени нами восполнен данными оппозиционной буржуазной печати, освещавшей борьбу трудящихся масс города и деревни, разумеется, не в целях защиты их прав, а лишь в интересах межпартийной борьбы.

Примечательны материалы судебного процесса над лидерами и активными деятелями ДП, организованного правительством Джемала Гюрсея на Ясыада.

После второй мировой войны на Западе, особенно в США, значительно расширилось издание различной литературы о Турции на английском, французском и других языках. Укажем, прежде всего, работы американских историков Э. Бисби «Новые турки», Дж. Ленцовского «Средний Восток в международных отношениях», Л. В. Томаса и Р. Н. Фрая «Соединенные Штаты и Турция и Иран» и другие. Из работ английских историков отметим книгу «Турция» Дж. Люкса, статьи Ф. Прайза, из французских авторов «Историю Турции» Р. Мантрана, «Современный Средний Восток 1946—1958» Ф. Люлиэ, «Ислам и мусульмане сегодня» П. Рондо и другие. Ни один из этих авторов не ставил себе целью изучение внутренней политики послевоенной Турции с тем, чтобы глубже вникнуть в происходящие события и дать им правильную оценку. Интересно исследование П. Рондо. В нем освещается политика правящих кругов послевоенной Турции по отношению к религии. Однако автор не сумел разглядеть причины и цели этой политики.

Турецкие и другие буржуазные историки занимались поверхностным изложением внутренней политики правительства ДП без глубокого анализа последней.

Подробная критика ошибочных взглядов буржуазных историков дается в тексте работы.

В работе использованы также газетные и журнальные статьи, опубликованные в американской, английской и французской печати. Печать монополий, как правило, поддерживала политику милитаризации Турции, преследования коммунистов и всех подлинных патриотов страны. Наряду с этим она то и дело осуждала политику подавления в стране буржуазной демократии, будто последняя и не связана с системой правления.

В мае 1960 г. в Турции побывала делегация французских журналистов, которая подробно осветила внутривосточную обстановку страны накануне военного переворота. К этому времени большинство оппозиционных и других турецких газет

было закрыто правительством ДП. Естественно поэтому, что данные французской печати позволили более полно осветить внутреннее положение страны в рассматриваемый нами период.

После военного переворота и в Турции и на Западе появилось множество газетных и журнальных статей, авторы которых делали попытку проанализировать правление ДП и причины ее политического краха. Но эти попытки оказались тщетными.

Г л а в а I

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРИХОД К ВЛАСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

В период второй мировой войны правящая народно-республиканская партия¹ проводила антинародную, антинациональную внутреннюю и внешнюю политику. Турция держала под ружьем миллионную армию. Непомерные военные расходы, составлявшие подавляющую часть государственного бюджета и национального дохода, явились главной причиной серьезных экономических и финансовых трудностей. Политика милитаризации страны обнажила и еще более обострила все противоречия турецкого общества.

Сельское хозяйство, будучи основой экономики страны, переживало значительные трудности. Преобладание крупнопомещичьего и кулацкого землевладения, наряду с феодальными пережитками и жестокой эксплуатацией миллионных масс безземельных и малоземельных крестьян, явилось одной из главных причин застоя сельского хозяйства. Посевные площади под зерновые культуры в 1945 г. составили 6894 тыс. га, что почти на 16% меньше, чем в 1940 г. В результате сокращения посевов и неурожая 1945 г. валовой сбор зерновых составил 4013 тыс. т против 8280 тыс. т в 1940 г. Сократились также урожай технических культур и поголовье скота. Турция испытывала острую нехватку зерна, в связи с чем в декабре 1941 г. в крупных городах была введена карточная система на хлеб. В 1942 г. последовала реквизиция хлебных запасов у крестьян, а через год—введение обязательных размеров посевов под зерновые и их поставок государству. Норма поставок составляла 10—20% всего урожая, что означало вос-

¹ После победы турецкого народа в национально-освободительной войне к власти пришла народная партия, впоследствии переименованная в народно-республиканскую. Основана Мустафой Кемалем.

становление натурального налога ашар. Были установлены также твердые закупочные цены на сельскохозяйственные культуры, принудительный труд крестьян в помещичьих и кулацких хозяйствах и на шахтах. Турция была вынуждена даже импортировать зерно. Однако все эти мероприятия правительства не смогли преодолеть продовольственные трудности страны.

В 1942 г. истек срок действия закона о поощрении промышленности, затем власти провели национализацию некоторых предприятий. Правительство ввело регулирование внешней торговли путем создания экспортно-импортных объединений. Было организовано 36 таких объединений², занимавшихся экспортом полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции, импортом текстиля, промышленного оборудования и пшеницы. В 1942 г. правительство ввело также новый налог — имущественный, взимаемый исключительно с национальных меньшинств и направленный на подрыв их экономических позиций и физическое подавление.

Примечательна политика правительства в рабочем вопросе. На основе закона «О защите нации», принятого в начале 1940 г., оно ввело принудительный труд на фабриках и шахтах, продлило рабочий день на 3—4 часа, отменило выходной день и оплату за сверхурочные работы, ввело труд женщин и детей в ночных сменах, распустило профсоюзы.

В стране постепенно нарастал серьезный финансовый и экономический кризис. В 1945 г. количество бумажных денег в обращении составило 944,4 млн. лир, или увеличилось почти в шесть раз по сравнению с 1938 г., дважды упала стоимость лиры. Сумма внутренних и внешних государственных долгов тогда же составила 870 млн. лир против 192 млн. лир в 1939 г. Одновременно ухудшилось материальное положение трудящихся — почти в четыре раза по сравнению с довоенным периодом³.

Многие турецкие и западноевропейские историки отмечали ухудшение экономического положения страны⁴.

«После войны, — писали турецкие историки М. К. Су и К. Су, — бедственное положение не изменилось. Дороговизна жизни с каждым днем все больше давала о себе знать. В области экономики не наблюдалось никакого ощутимого роста.

² А. М. Шамсутдинов, Турецкая республика, стр. 41.

³ Т. Geveci, İktisadi Kanunların Işığındaki Türkiye İktisadi politikası, s. 41.

⁴ Т. Ünal, 1700 den 1958-e Kadar Türk Siyasal tarihi, s. 282; М. К. Су К. Су, Türkiye cumhuriyeti tarihi, s. 176; S. Parsadan, C. Hunca ve İ. Gökürk, Adnan Menderes siyasal hayatı ve nutukları, s. 30; C. Brockelmann, Histoire des peuples et des Etats islamiques, p. 426.

Будучи сельскохозяйственной страной, Турция вынуждена была ввозить пшеницу из-за границы»⁵. Или: «После выхода из последней войны Турция оказалась бедной, разоренной и парализованной»⁶.

Однако выгодная военная конъюнктура явилась источником высоких прибылей турецких буржуа и помещиков. Сокращение импорта промышленных товаров, ослабление иностранной конкуренции и возросшие потребности армии и рынка явились некоторым стимулом к увеличению продукции текстильной, бумажной, пищевой, цементной промышленности, добычи бурого и каменного угля, железной и медной руд, выплавки металла⁷. Рост цен на местные потребительские и промышленные товары, спекуляция, экспорт полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции, усиленная эксплуатация рабочего класса и крестьянства, грабеж национальных меньшинств — все это не в меньшей мере способствовало обогащению буржуазии и помещиков.

В турецкой статистике отсутствуют конкретные сведения о растущих доходах правящих классов в период второй мировой войны, поэтому приходится обращаться к косвенным данным. В 1945 г. номинальный капитал турецких банков составил 487,3 млн. лир против 270,2 млн. лир в 1939 г.⁸, или увеличился более чем на 80% по сравнению с предыдущим периодом. Тогда же сумма частных банковских вкладов составила 582,2 млн. лир, дважды превысив вклады 1940 г.⁹. Увеличение сумм частных вкладов можно проследить и на примере Делового банка (основной частный банк), общий капитал которого в 1945 г. составил 182,5 млн. лир против 67,7 млн. лир 1934 г. и 2,4 млн. лир 1924 г.¹⁰. Одновременно шла концентрация банковского капитала: в 1939 г. число национальных банков составляло 34, в 1945 г. оно сократилось на 4¹¹.

Касаясь обогащения турецкой буржуазии в период войны, Т. Юнал пишет: «Рост цен, явившийся естественным результатом экономического кризиса, стал причиной возникновения буржуазии (речь идет о возникновении крупной буржуазии.— Р. К.). Среди определенной ее части появились такие богачи, которые, как говорил тогдашний министр финансов, смогли бы купить даже государство»¹².

⁵ М. К. Су К. Су, aynı eser, s. 176.

⁶ „Monde“, 1960, 29—30 mai.

⁷ Б. Данциг, Турция, 1949, стр. 171—182.

⁸ İstatistik yılı, 1942—1943, s. 261; 1951, s. 343.

⁹ К. Н. Карагаз, Turkey's politics, p. 92.

¹⁰ İstatistik yılı, 1942—1943, s. 261; 1951, s. 343.

¹¹ „Ekonomi gazetesi“, 1957, 12, şubat.

¹² Т. Юнал, aynı eser, s. 282.

В период войны в Турции усилились позиции реакции во всех сферах внутривластной жизни. Компартия продолжала оставаться вне закона, усилилось политическое бесправие рабочего класса, жестоким гонениям и репрессиям подверглись демократические элементы и национальные меньшинства — греки, армяне, евреи, курды, лазы и другие. Активную деятельность развернули пантюркистские организации. 20 ноября 1940 г. было введено осадное положение в шести вилайетах — Стамбул, Коджаели. Чачаккале, Текирдаг, Эдирне и Кырларели. Характеризуя разгул реакции ко времени окончания войны, А. Тунджер пишет, что правление НРП «ежеминутно напоминало форму правления последнего османского правительства»¹³. Обострились классовые противоречия. Внутренняя и внешняя политика НРП потерпела полное банкротство. В стране царил широкое недовольство против правящей партии¹⁴ и назревал глубокий внутривластный кризис, который тесно переплетался с экономическим кризисом.

Усилилась борьба крестьян за землю, участились случаи захвата помещичьих земель и вооруженные столкновения между крестьянами и полицией. Заметно оживилось и рабочее движение. Помимо экономических (повышение зарплаты, улучшение условий труда, страхование от несчастных случаев и др.), рабочие все чаще выдвигали политические требования — свобода организации рабочих профсоюзов и партий, легализация компартии и восстановление восьмичасового рабочего дня. В поддержку этих требований рабочие провели ряд стачек и забастовок.

Прогрессивная интеллигенция и другие демократические слои населения требовали прекратить разгул реакции и произвол властей, ввести свободные одностепенные выборы в меджлис, освободить политических заключенных, очистить государственный аппарат от профашистских элементов, отказаться от однопартийной системы правления и антисоветской внешней политики. Были предприняты шаги к созданию «Демократического фронта борьбы против фашизма и спекуляции».

Борьба турецкого народа за демократические преобразования развернулась в такой благоприятной внешней обстановке, как разгром германского фашизма и японского милитаризма, всеобщее ослабление капиталистического мира, образование и укрепление мировой социалистической системы и рост антиимпериалистической борьбы народов колониальных и зависимых стран.

¹³ А. Тунджер, *Modern Türkiye'nin mimarı Adnan Menderes*, s. 36.

¹⁴ См. Т. Унал, *aynı eser*, s. 282; М. К. Су К. Су, *aynı eser*, s. 176.

Аграрные и другие социальные преобразования в народно-демократических странах Юго-восточной и Восточной Европы оставили глубокое впечатление на крестьян и рабочих Турции.

Демократическое движение и аграрные преобразования, развернувшиеся в Иранском Азербайджане и Курдистане, также нашли благоприятный отклик среди безземельных крестьян Турции, в особенности у крестьян Восточной Анатолии. Заметный след в сознании турецкого народа оставили и другие события этого периода. У западной границы Турции греческий народ вел самоотверженную борьбу против английских порабощателей и местной реакции. Были выведены иностранные войска из Ливана и Сирии, получивших политическую независимость. Мощный подъем антиимпериалистической борьбы наметился в Египте и Ираке.

Внутриполитический кризис в Турции после окончания войны явился прямым результатом антинародной и антинациональной внутренней и внешней политики правящих кругов страны. На его развитие и углубление большое влияние оказали успехи мировой социалистической системы и рост освободительной борьбы в странах Востока.

Позиции правительства были сильно поколеблены недовольством самых широких народных масс политикой НРП, проводимой до, в период и после второй мировой войны. Этому не в меньшей степени способствовало также общее ослабление мировой системы капитализма и то обстоятельство, что турецкие правители потеряли своих покровителей в лице германских фашистов. «После поражения двух диктатур в Европе (речь идет о фашистских диктатурах в Германии и Италии. — Р. К.), — писал Т. Демирай, — диктатура в Турции осталась под открытым небом»¹⁵.

Об ослаблении позиций правящей партии свидетельствовал тот факт, что в декабре 1946 г. было продлено военное положение в вышеупомянутых вилайетах и предприняты новые репрессии против демократических сил.

Следует также отметить, что правление НРП вызвало недовольство и в некоторых кругах правящих классов. Мероприятия правительства в области сельского хозяйства, промышленности и торговли, осуществленные в период войны, несколько ущемляли интересы помещиков, кулаков и буржуазии.

Экономический и внутриполитический кризис вызвал брожение внутри НРП и господствующих классов. Турецкая буржуазия и помещики были сильно обеспокоены создавшейся обстановкой. В этих условиях в различных кругах правящих

---

¹⁵ Т. Демирай, *Türkiyede son 50 yıllık iç politika*, s. 36.

классов обнаружались серьезные тактические разногласия о путях и средствах дальнейшего сохранения власти в их руках. Эти разногласия касались лишь вопросов внутренней политики.

Основным из них было отношение к этатизму. Известно, что начиная с 30-х годов НРП проводила политику этатизма—государственного капитализма. Большую и бескорыстную помощь Турции в промышленном строительстве оказал Советский Союз. Политика этатизма исходила из интересов мелкой и средней буржуазии, не имевшей возможности самостоятельно взяться за крупное промышленное строительство. В Турции в то время не было крупной промышленной, торговой и финансовой буржуазии в силу общей социально-экономической отсталости страны.

Пытаясь опорочить политику этатизма, наиболее состоятельная часть буржуазии объясняла экономические и финансовые трудности, отталкиваясь именно от этой политики.

Выше указывалось, что выгодная военная конъюнктура способствовала концентрации частного капитала и обогащению буржуазии, среди которой выделилась сильная прослойка крупных торговцев и промышленников. Усилению их позиции в некоторой степени способствовало также снижение конкурентоспособности инациональной буржуазии. Крупные торговцы и промышленники активизировали свое стремление к свободному предпринимательству и повели решительную борьбу за строгое ограничение политики этатизма и поощрение частного капитала, в том числе и иностранного. Они считали, что только ничем не ограниченная частная предпринимательская деятельность и приток иностранного капитала могут вывести страну из экономических и финансовых трудностей, стимулировать ускоренное промышленное развитие. Борьба вокруг этатизма отражала борьбу между крупной торговой и промышленной буржуазией, с одной стороны, мелкой и средней, с другой. Выразителем интересов последней по-прежнему выступала НРП.

Экономические требования крупной буржуазии особенно ярко выявились во время обсуждения в меджлисе окончательного проекта закона об аграрной реформе и проекта закона о государственном бюджете на 1945/46 финансовый год и на конгрессе промышленников в Измире (февраль 1946 г.). В Измире крупные промышленники, банкиры, торговцы и купцы потребовали разграничения сфер деятельности государственного и частного капитала, передачи частному капиталу предприятий легкой и пищевкусовой промышленности и оставления в ведении государства отраслей тяжелой промышленности.

Разногласия вокруг политики этатизма в дальнейшем были дополнены противоречиями внутриполитического характера. Дело в том, что крупная торговая и промышленная буржуазия начала активнее стремиться к власти, заявляя, что дальнейшее сохранение однопартийного режима наносит ущерб всей буржуазной системе правления. Она добывалась разрешения новых буржуазных партий, обеспечения норм буржуазной демократии и свободы оппозиционной деятельности. Используя недовольство народных масс правлением НРП, буржуазная оппозиция повела атаки против правительства и, помимо своих классовых требований, выдвигала лозунги, ранее исходившие от подлинно демократических кругов. Это делалось с целью направить недовольство народа по выгодному себе руслу и одновременно выставить себя поборником интересов трудящихся, использовать в собственных интересах движение масс за демократические преобразования. После второй мировой войны Турция нуждалась в действительных демократических реформах, но об этом правящие круги и слушать не желали.

Выход из создавшегося внутриполитического положения турецкие правители решили найти в псевдодемократических уступках, которые ничего не могли дать народу, но укрепили бы диктатуру буржуазии и помещиков. Это были частичные уступки, рассчитанные на усиление позиции господствующих классов.

Одной из таких уступок явилась земельная реформа 11 июня 1945 г. Целью этой широко разрекламированной реформы было предотвращение борьбы безземельных и малоземельных крестьян за землю. Были и другие уступки: отмена натурального налога на продукты земледелия, учреждение министерства труда, принятие закона о создании общества страхования рабочих, введение системы одностепенных выборов в меджлис, «свободные» выборы депутатов на вакантные места и др.

Наиболее эффективным маневром явилось создание новой буржуазной партии. 19 мая 1945 г. президент Турции и генеральный председатель НРП Исмет Инёню заявил о возможности образования буржуазной оппозиционной партии¹⁶. Аналогичное заявление он сделал и 1 ноября 1945 г.¹⁷. В период 1945—1946 гг. в Турции были организованы следующие буржуазные партии: партия национального возрождения (18 июля 1945 г.), демократическая партия (7 января 1946 г.), либерально-демократическая партия (11 марта 1946 г.) и другие¹⁸.

¹⁶ A. H. Başar, Yaşadığımız devrin iç yüzü, s. 28.

¹⁷ G. Lewis, Turkey, p. 122—123.

¹⁸ T. Z. Tunaya, Türkiyede siyaset partileri 1859—1952, s. 639—634.

Правящие круги всячески препятствовали образованию партии рабочего класса. Тем не менее 14 мая и 20 июня 1946 г. были оформлены социалистическая партия и социалистическая рабоче-крестьянская партия. Во главе последней стал Шефик Хюсюн Деймер, ветеран рабочего движения, один из руководителей социалистической рабоче-крестьянской партии, организованной еще в 1919 г. Наряду с ними, с ведома властей, появилось множество псевдорбочих партий. Партия социальной справедливости (28 февраля 1946 г.), турецкая социал-демократическая партия (26 апреля 1946 г.), социалистическая рабочая партия Турции (24 мая 1946 г.) и рабочая и крестьянская партия (24 апреля 1946 г.)¹⁹. Основная задача этих партий заключалась в том, чтобы внести раскол в рабочее движение и выявить подлинно демократические элементы, чтобы затем спровоцировать их преследование.

Правящая партия стремилась лишить прогрессивные организации участия во внутривластной жизни.

16 декабря 1946 г. социалистическая партия и социалистическая рабоче-крестьянская партия были запрещены, а их руководители преданы суду за «коммунистическую пропаганду». Таким образом, на политической арене остались НРП и оппозиционные буржуазные партии. Среди последних выделялась и заняла особое место демократическая партия. Основателями ее были Джемаль Баяр (председатель ЦК), Аднан Мендерес, Фуад Кёпрюлю и Рефик Коралтан — эти наиболее типичные представители турецкой реакции.

Биографии основателей ДП свидетельствуют о том, что они либо являлись в прошлом активными деятелями младотурецкой партии, либо прошли ее школу. С начала 1945 г. все они развернули усиленную оппозиционную деятельность внутри НРП и меджлиса. Поводом для нападок на правительство оппозиция избрала обсуждение в парламентской фракции итогов конференции в Сан-Франциско, состоявшейся 27—28 марта 1945 г.

12 июня Баяр, Мендерес, Кёпрюлю и Коралтан внесли в бюро парламентской фракции НРП предложение о либерализации устава партии. Это предложение сразу же получило отпор со стороны фракции и премьер-министра Сараджоглу, заявившего, что такое требование может быть рассмотрено только съездом партии²⁰.

Несмотря на то, что первая попытка оппозиции оказалась безуспешной, в июне 1945 г. Баяр внес в президиум меджлиса

¹⁹ Т. З. Тунауа, *ayni eser*, s. 693—702.

²⁰ „Revue française de science politique“, 1954, janvier-mars, p. 140—141.

новое предложение об изменении закона о печати²¹, принятого в период, когда он был премьером. Суть предложения заключалась в расширении прав печати и ограничении цензуры, в изменении статей 17-й и 50-й закона о печати, согласно которым власти имели право на закрытие газет. Меджлис отклонил и это требование Баяра. Одновременно Мендерес и Кёпрюлю в газете «Ватан» подвергли критике внутреннюю политику правительства²², за что 21 сентября 1945 г. были исключены из партии²³, Коралтан, который защищал их, тоже был исключен из партии²⁴, но все трое сохранили за собой депутатские мандаты. 26 сентября Баяр, в связи с исключением из партии его единомышленников, сложил с себя депутатские полномочия²⁵ и затем, 3 декабря, вышел из НРП. Вскоре эта четверка заявила о своем намерении организовать новую партию под названием «Демократическая», о том, что она приступает к разработке устава и программы партии. В создании ДП принял активное участие также У. Авундук, один из представителей крупного частного капитала (Деловой банк). В начале января 1946 г. ДП оформилась официально—ее устав и программа были утверждены министерством внутренних дел и через несколько дней, 8 января, опубликованы в турецкой печати²⁶.

В своей программе ДП голословно декларировала, что целью ее является управление государством на демократических началах, ликвидация безработицы, установление социальной гармонии и удовлетворение потребностей всех членов общества, начиная от крестьянина и рабочего и кончая помещиком и капиталистом. Программа обещала улучшение дела национального просвещения, здравоохранения и юстиции, свободу религиозного верования, намечала ряд мер к улучшению состояния сельского хозяйства и повышению урожайности сельскохозяйственных культур. Что касается политики ДП в области промышленности, то в программе указывалось, что «частная инициатива и капиталы являются основой экономической жизни. Поэтому необходимо предоставить им новые сферы деятельности и условия при наличии свободы и безопасности. Мы убеждены, что при условии строгого раз-

²¹ „Vatan“, 1945, 13 haziran; K. N. Karpat, *ibid.*, p. 141.

²² A. E. Yalman, *Turkey in my Time*, p. 223.

²³ T. Z. Tunay, *ayni eser*, s. 648.

²⁴ „Vatan“, 1945, 28 kasim.

²⁵ „Vatan“, 1945, 29 eyül.

²⁶ Программа и устав ДП окончательно были приняты на первом конгрессе партии в 1947 г. Программу партии см. в „Türkiyede siyasi dernekler“, 169—171; T. Z. Tunay, *ayni eser*, s. 662—673.

граничения сферы деятельности возможно, и даже полезно, сотрудничество частной и государственной инициативы таким образом, чтобы они не препятствовали друг другу и оказывали друг другу помощь» (статья 43)²⁷... «В интересах стабилизированной и безопасной деятельности частной инициативы и капиталов необходимо строго определить границы экономической деятельности государства» (статья 44)²⁸. В программе выдвигались требования о составлении долгосрочного общего плана и предварительном определении основных направлений политики государства в области экономики, таможен, монополий и финансов. В соответствии с программой партии предусматривалось создание тяжелой промышленности и строительство крупных электростанций, железных дорог, портов, транспортных средств и водопроводов, крупных горнорудных предприятий и лесных хозяйств, словом — все то, что «частная инициатива и капиталы не в состоянии осуществить, либо не принесет им достаточной прибыли» (статья 45)²⁹. Программа требовала недопущения возникновения монополий и передачи частному капиталу на подходящих условиях государственных предприятий, которые могли бы работать более рентабельно³⁰. Далее следовал пункт о заключении долгосрочных внешних займов и девальвации турецкой лиры. Во всем этом учитывались стремления крупной турецкой буржуазии оставить государству малорентабельные предприятия, а себе — наиболее доходные отрасли промышленности.

Статья 12-я программы гласила: «Мы намерены считать вне закона те политические общества и партии, которые имеют своей целью нарушение независимости и территориальной целостности нашей страны, ограничение основных прав граждан, либо же связаны с политическими организациями, находящимися за пределами страны»³¹. Эта статья целиком была направлена против компартии и всех подлинных демократов и патриотов страны, против сторонников мира, которые якобы получают инструкции из заграницы. Программа не скрывала свое стремление к отуречиванию национальных меньшинств. Об этом в статье 13-й говорилось: «Наша партия считает турками всех граждан, независимо от их расовой принадлежности и вероисповедания»³².

Что касается внешней политики, то она была сформулиро-

²⁷ Т. З. Тунауа, *ayni eser*, s. 667.

²⁸ Там же.

²⁹ Т. З. Тунауа, *ayni eser*, 667—668.

³⁰ Т. З. Тунауа, *ayni eser*, s. 668.

³¹ „Türkiyede siyasî dernekler“, s. 170.

³² Там же.

вана следующим образом: «Наша внешняя политика должна основываться на юридическом равенстве народов, на международном политическом, экономическом и культурном сотрудничестве, коллективной безопасности и добрососедских отношениях»³³.

В программе ДП сквозит стремление демагогическими обещаниями как можно лучше приукрасить свою антинародную сущность. Программа ДП основывалась на «шести стрелах» конституции, а последняя, как известно, была разработана в соответствии с программой НРП. Стало быть, между НРП и ДП с самого начала не было существенных программных расхождений, и та и другая представляли и защищали интересы класса эксплуататоров, жизненно заинтересованных в сохранении власти в своих руках. Обе партии отпочковались от буржуазии и помещиков и были призваны служить им верой и правдой. Это обстоятельство находит свое подтверждение также у Т. Фейзиоглу³⁴ и А. Ялмана³⁵. Сам Баяр утверждал, что ДП отличается от НРП только лишь толкованием и применением принципов, изложенных Атаюрком³⁶.

Однако статьи программы ДП, в которых говорилось о строгом ограничении политики этатизма, о поощрении частного и иностранного капитала и девальвации лиры, соответствовали интересам крупной буржуазии. Таким образом, разница между двумя партиями заключалась в том, что НРП отстаивала интересы мелкой и средней, городской и сельской, а ДП — крупной торгово-промышленной и банковской буржуазии и помещиков. Следует сказать, что именно эти статьи соответствовали агрессивным устремлениям и интересам американских монополий, которые уже нацелились на Турцию для превращения ее в военно-политический плацдарм на Ближнем и Среднем Востоке. Не случайно поэтому, что в составлении устава и программы ДП принимали активное участие апологеты американских монополий. Об этом свидетельствует один из видных деятелей партии проф. К. Онер, который отмечал, что в составлении программы партии принимали участие один американец и А. Ялман³⁷. А. Х. Башар также подтверждает активное участие А. Ялмана в составлении программы³⁸.

³³ „Türkiyede siyasi dernekler“, s. 171.

³⁴ „Revue française...“, ibid, p. 176.

³⁵ А. Е. Ялман, ibid, p. 227.

³⁶ См. Г. Акопян, Турецкая реакция на службе американского империализма, стр. 6.

³⁷ „Vatan“, 1948, 18 оцак. А. Ялман был одним из сторонников принятия мандата США.

³⁸ А. Н. Вафар, аупи eser, s. 32.

Образование ДП по-разному истолковывалось в Турции и за границей. Исмет Инёню вопреки действительности в свое время говорил: «В период Республики всегда был сохранен принцип ее демократического характера. Диктатура никогда не была приемлема, более того, она была вредным и незаслуженным обвинением для турецкой нации. Единственным нашим недостатком было то, что против правящей партии в межджисе не было ни одной оппозиционной партии. Но ради потребностей страны, для создания естественной атмосферы свободы и демократии, необходимо создание *другой партии*» (подчеркнуто нами. — Р. К.)³⁹.

Некоторые турецкие и западноевропейские авторы одну из причин возникновения ДП видят в личной вражде к Инёню Баяра и Мендереса, с давних пор находившихся в оппозиции. Этого мнения, в частности, придерживаются А. Тунджер⁴⁰, «Монд» и другие. «Монд» прямо пишет: «С самого начала разногласия возникли на почве личной неприязни между Инёню и Баяром»⁴¹.

С. Парсадан, Ч. Юнджа, И. Гёктюрк, К. Карпат, Т. Туная и другие утверждают, что турецкое правительство разрешило образование политических партий, в том числе ДП, исходя из внешнеполитических соображений — выглядеть более или менее «демократично» после поражения фашистских режимов и вступления Турции в Организацию Объединенных Наций⁴².

Т. Туная пишет, что правительство разрешило ДП в то время, когда с окончанием второй мировой войны и созданием ООН возникла необходимость расширения рамок демократии⁴³. Ф. Люилиэ также пишет, что «великие либеральные обещания, опубликованные в Сан-Франциско, вдохновили политическую реакцию, чреватую после смерти Ататюрка: дебаты во время ратификации хартии... дали повод Баяру и Мендересу объявить о свободном режиме»⁴⁴. К. Карпат указывает, что турецкое правительство было озабочено тем, что трудно будет принять участие в конференции Сан-Франциско из-за реакционного режима в стране, что во избежание непри-

³⁹ Т. Z. Tunaya, aynı eser, s. 647.

⁴⁰ А. Tuncer, aynı eser, s. 9.

⁴¹ „Monde“, 1960, 29—30 mai.

⁴² S. Parsadan, C. Hunca ve I. Gökürk, aynı eser, s. 37; K. H. Karpat, ibid, p. 137; T. Z. Tunaya, aynı eser, s. 647; „The Middle East 1961“, p. 332.

⁴³ Т. Z. Tunaya, aynı eser, s. 647.

⁴⁴ F. L'Huillier, Le Moyen-Orient contemporain 1946—1958, p. 178.

ятностей оно дало указание своей делегации заявить конференции о либерализации режима⁴⁵.

Находятся, однако, авторы, которые объясняют образование ДП широким недовольством, возникшим в стране из-за отрицательных последствий однопартийной системы правления в экономической и политической жизни страны. К этим авторам относятся составители «Энциклопедического политического словаря» и Э. З. Карал⁴⁶.

Сама ДП следующим образом формулирует свои задачи: «Демократическая партия, верящая в необходимость руководства нашей политической жизнью с помощью партий, уважающих друг друга, создана с целью еще более широкого проведения демократизации Турецкой республики и развития общей политики на основе демократических взглядов и идеологии»⁴⁷.

Причиной, заставившей НРП допустить оформление новых буржуазных партий, в частности демократической, являлось стремление преодолеть обострившийся внутривластный кризис и кризис в правящих верхах псевдодемократическими уступками, упрочить власть господствующих кругов, подавить подлинно демократическое движение трудящихся масс. Как впоследствии признавал сам Инёню, для подавления возмущения народа «демократическая партия сделала больше, чем осадное положение»⁴⁸. Касаясь этого вопроса, турецкий коммунист С. Устюнгель пишет: «Когда почва стала уходить из-под ног народно-республиканской партии, а от авторитета Инёню не осталось и следа, буржуазия стала сколачивать новые партии, одну реакционнее другой. Это делалось для того, чтобы предотвратить окончательное банкротство реакционных правящих кругов, помочь им сманеврировать. Баяр и К° создали тогда так называемую демократическую партию»⁴⁹.

Образование ДП свидетельствовало о том, что турецкая буржуазия перестала быть однородным классом, что она уже раскололась со своими противоречивыми интересами.

Ее появление на политической арене было встречено с радостью оппозиционной буржуазией, торговыми кругами и крупными помещиками, особенно в западных районах страны, сравнительно больше развитых в капиталистическом от-

⁴⁵ К. Н. Каргал, *ibid.*, p. 141.

⁴⁶ „Ansiklopedik politika sözlüğü“, s. 96; E. Z. Karal, *aynı eser*, s. 218.

⁴⁷ Т. З. Типауа, *aynı eser*, s. 662.

⁴⁸ «За прочный мир, за народную демократию», 13 октября 1950 г.

⁴⁹ С. Устюнгель, В тюрьме и на «воле», стр. 33.

ношении. Т. Фейзиоглу пишет, что ДП «развивалась очень быстро, в особенности на западе страны»⁵⁰. «Монд» также отмечает эту деталь: «Демократическая оппозиция очень быстро нашла общий язык с желаниями городской буржуазии, земельной аристократии, средиземноморской интеллигенции, одним словом — со всеми классами, желающими стряхнуть анатолийскую опеку, навязанную основателями современной Турции»⁵¹.

В этих условиях лидеры ДП энергично взялись за организацию первичных ячеек. В партию в первую очередь вступали бизнесмены от политики, банкиры и промышленники, торговцы и купцы, подрядчики и инженеры, врачи и журналисты, помещики и кулаки, адвокаты и судьи, коммерсанты и лавочники, преподаватели университетов и другие. К ней же примкнуло множество разных политиканов и карьеристов, стремящихся в личных целях использовать любую оппозицию. В ДП вступали также рабочие и крестьяне, ремесленники и мелкие служащие, малоискушенные в вопросах межпартийной борьбы буржуазных партий, поверившие в ее социальную демагогию и обещание спасти от всех социальных бед. Наконец, в ряды ДП вошли представители национальных меньшинств, поверившие, что с приходом ее к власти им будут предоставлены права наравне с турками. Как видим, классовый состав этой партии оказался весьма разношерстным, члены ее принадлежали к разным классовым, религиозным, национальным и другим категориям. Руководство же прочно захватили представители крупной буржуазии и помещиков. Об этом красноречиво свидетельствовал список кандидатов в депутаты на досрочных выборах в меджлис 1946 г. Список этот пестрел воротилами бизнеса и торговли, крупными дельцами и представителями земельной аристократии. В числе 243 кандидатов в депутаты от ДП были 7 банкиров, 42 помещика и кулака, 39 коммерсантов, 2 губернатора, 15 генералов и офицеров, 52 адвоката, 40 врачей, 14 инженеров-подрядчиков, 6 профессоров, 5 фармацевтов, 8 журналистов (главным образом владельцев газет) и 13 учителей⁵².

28 июля 1946 г. состоялись прямые выборы в меджлис. Правящая партия, полиция и жандармерия оказывали грубый нажим на избирателей⁵³, что дало повод ДП объявить выборы в меджлис незаконными⁵⁴. Недовольство правлением НРП

⁵⁰ „Revue française...“, *ibid*, p. 141.

⁵¹ „Monde“, 1960, 29—30 mai.

⁵² А. Ф. Миллер, *Очерки новейшей истории Турции*, стр. 221.

⁵³ А. Tuncer, *aynı eser*, s. 45.

⁵⁴ E. Bisbee, *The New Turks*, p. 227; „Ansiklopedik politika sözlüğü“, s. 96.

было настолько сильным, что ДП удалось получить 61 депутатское место⁵⁵. И это было заработано за полгода оппозиционной деятельности. НРП потерпела поражение в таких важных вилайетах, как Стамбульский и Измирский, то есть там, где ДП с первого дня своего оформления имела прочную опору. В Стамбуле она получила 18 из 23 депутатских мест, в Анкаре победа ее была безраздельной. Выборы в меджлис показали серьезное ослабление позиций НРП, стоявшей у власти 23 года, и до конца обнажили недовольство, царившее в стране.

Лидеры НРП отдавали себе отчет в том, что шаткое положение их партии и правительства наносит огромный ущерб всей буржуазно-помещичьей системе правления. Чтобы преодолеть надвигавшийся внутривластный кризис, они решили заручиться поддержкой Соединенных Штатов Америки. Ставка на США была не случайной.

Еще в 1939 г. между Англией и Турцией был заключен договор о «дружбе» сроком на десять лет. Несмотря на то, что в период войны Турция нарушала этот договор, последний оставался в силе. Англия вышла из войны с сильно подорванными позициями, и поэтому она уже не годилась для роли «спасителя» и правящие круги Турции не решились прибегнуть к ее помощи. Франция, с которой Турция также имела договор о «дружбе», находилась в более тяжелом положении, нежели Англия, а разгром Италии и Германии лишил Турцию последней надежды найти опору в Европе.

США еще в конце 1941 г. распространили на Турцию закон о ленд-лизе, несмотря на то, что последняя не только не находилась в состоянии войны с Германией, но даже всемерно помогала ей. Ориентация на США окончательно определилась тогда, когда было уже ясно, что Советский Союз разгромит Германию. В 1943 г. в Каире состоялась встреча между президентами США и Турции, положившая начало американо-турецкому «сближению». США вышли из войны более сильными и богатыми, чем капиталистические страны — участницы антифашистской коалиции, и даже сильнее, чем все капиталистические страны, вместе взятые. Это обстоятельство укрепило уверенность правителей Турции в том, что США в состоянии оказать им помощь. После войны «экономический, а вслед за ним политический и военный центр империализма переместился из Европы в США»⁵⁶. Туда же переместился центр мировой реакции. США стали мировым жандармом, душителем освободительной борьбы народов ко-

⁵⁵ Т. З. Тунауа, *ayni eser*, s. 657.

⁵⁶ «Программа КПСС», 1961, стр. 31.

лониальных и зависимых стран. Монополистическая буржуазия США явилась главным оплотом международной реакции, взявшей на себя роль «спасителя» загнивающего капитализма⁵⁷. Все это полностью соответствовало интересам турецкой реакции, рассчитывавшей при помощи американских империалистов усилить свои позиции и покончить внутри страны с движением за демократию и свободу. Не менее важной причиной ориентации Турции на США явилась ее экономическая заинтересованность. Правящие круги Турции рассчитывали при помощи США преодолеть экономические трудности и сохранить уровень своих доходов. Таким образом, национальные интересы Турции приносились в жертву узкоклассовым интересам правящих кругов страны.

Известно, что в прошлом, кроме периода от провозглашения республики до середины 30-х годов, Турция ориентировалась на Францию, Англию, в первой мировой войне—на кайзеровскую Германию, в период второй мировой войны—на фашистскую Германию. Изменяя национальным интересам страны, правители Турции всегда шли на подчинение самой сильной, самой реакционной и агрессивной державе и поэтому в нынешней ее ориентации на США нет ничего случайного.

В начале марта 1947 г. правительство Турции официально обратилось к США с просьбой о помощи⁵⁸. Заокеанские империалисты, намного усилившие после второй мировой войны свою экономическую, политическую, идеологическую и военную экспансию во всем капиталистическом мире, охотно согласились предоставить «помощь» Турции. Две причины определили характер этой «помощи»: во-первых, особая заинтересованность США в тех капиталистических странах, которые граничат с Советским Союзом, и, во-вторых, интерес к природным богатствам Турции, как выгодной сфере приложения капиталов и экспорта товаров. Под флагом «помощи», указывается в «Программе КПСС», империалисты пытаются удерживать старые и захватить новые позиции, расширить свою социальную опору, перетянуть на свою сторону национальную буржуазию, насадить военно-деспотический режим, поставить у власти послушных марионеток⁵⁹. Эта характеристика целей империалистической «помощи» полностью относится к американо-турецким отношениям послевоенного периода. Следует также подчеркнуть, что агрессивные планы американской военщины, направленные против мировой социалистической системы, с самого начала соответствовали собственным за-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ „Ulus“, 1947, 19 mart.

⁵⁹ См. «Программа КПСС», стр. 46.

хватническим целям и вожделениям турецкой реакции. Классовые интересы обеих стран, преследующие одни и те же цели, явились основой послевоенного «сотрудничества».

12 марта 1947 г. президент США Трумэн обратился к конгрессу с посланием о предоставлении военной «помощи» Греции и Турции. В послании ясно говорилось, что США намерены оказать всемерную помощь этим странам в борьбе против «коммунистической угрозы».

В. И. Ленин отмечал: «Когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами»⁶⁰. Данная характеристика как нельзя лучше вскрывает тактику турецкой буржуазии сразу после окончания войны. Это был период, когда «по мере нарастания противоречий между трудящимися и имущими классами и обострения классовой борьбы внутри страны национальная буржуазия проявляет все большую склонность к соглашательству с империализмом и внутренней реакцией»⁶¹.

После провозглашения «доктрины Трумэна» с еще большей силой развернулась межпартийная борьба в Турции. И НРП, и ДП всячески старались заполучить поддержку правящих кругов США: первая — для сохранения власти, вторая — ради прихода к власти. Лидеры ДП на все лады восхваляли «щедрость» США в предоставлении военной «помощи» Турции. «США по достоинству оценили значение турецкого народа, — заявил Баяр, — как важнейшего фактора на Ближнем Востоке и, следовательно, во всем мире. Мы встречаем предложения Трумэна с большим удовлетворением и благодарностью»⁶².

Демократическая партия развернула широкую оппозиционную деятельность против НРП: устраивала публичные собрания, митинги, бурные парламентские дебаты. Очень часто депутаты от ДП покидали зал заседаний меджлиса, а также бойкотировали местные выборы. Для привлечения населения на свою сторону они подвергали критике любое мероприятие правительства в области внутренней политики и в самых мрачных красках выставляли и без того тяжелое положение страны. Лидеры «демократов» требовали прекращения произвола властей, отмены антиконституционных законов, поднятия роли меджлиса во внутриполитической жизни, улучшения жизненного уровня рабочих и крестьян, снижения цен на товары первой необходимости, предоставления рабочим

⁶⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 10.

⁶¹ См. «Программа КПСС», стр. 47.

⁶² „Vatan“, 1947, 14 mart.

права на забастовку, расширения прав печати и привлечения иностранного капитала. Атаки оппозиции особенно подкреплялись, когда затрагивались такие вопросы, как состояние просвещения и здравоохранения, коррупция и продажность государственного аппарата, превышение полномочий исполнительной власти и сращивание партийного аппарата с государством. Оппозиция обвиняла правительство в забвении принципов Ататюрка и поднимала много шума по поводу своей приверженности к его личности и принципам. На этом она спекулировала, чтобы приобрести поддержку тех людей, которые высоко ставили Ататюрка. Оппозиция выступала также за невмешательство президента республики в межпартийные дела, улучшение избирательного права, требовала тайных выборов и надпартийности административных органов⁶³.

Баяр и Мендерес поддерживали внешнюю политику правительства, в особенности враждебный курс в отношении Советского Союза, одобряли репрессии против компартии, рабочих и других прогрессивных организаций. Разумеется, оппозиционная деятельность ДП была направлена лишь к завоеванию власти, а не к искоренению социальных бед. Не случайно В. И. Ленин указывал, что буржуазные партии «в парламентах только болтают со специальной целью надувать «простонародье»⁶⁴. Вспышки ярости, резкость критики и «бунтарство» депутатов от ДП в меджлисе преследовали именно эту цель.

16 февраля 1950 г. был принят новый избирательный закон № 5545⁶⁵, согласно которому выборы в меджлис впредь должны были проходить по мажоритарной системе. После принятия закона началась предвыборная борьба между двумя ведущими буржуазными партиями. Лидеры ДП на предвыборных собраниях давали щедрые обещания — провести массовое переселение безземельных крестьян Черноморского побережья на плодородные земли между реками Кызыл-Ирмак и Ешил-Ирмак, придерживаться политики мира и дружбы со всеми странами.

Демократическая партия обещала ликвидировать безработицу, сократить налоги, ввести в оборот банковские вклады, привлечь иностранный капитал, осуществить крупные преобразования в области экономики и финансов, строгую экономию государственных средств, поскольку, заявил Баяр в одной из своих предвыборных речей, «деньги, расходуемые го-

⁶³ „Revue française...“, *ibid.*, p. 141.

⁶⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 46.

⁶⁵ Т. Z. Tunaу, *aynı eser*, s. 659.

сударством, являются народными средствами»⁶⁶. ДП обещала также предоставить рабочим право на забастовку⁶⁷. Лидеры ее остро критиковали правительство, имея в виду тяжелое экономическое положение страны, дефицит внешней торговли, рост государственных долгов и обесценение лиры. Они обещали прекратить произвол властей, обеспечить конституционные права граждан, провести амнистию политическим заключенных, отделить должность президента республики от должности генерального председателя партии⁶⁸.

В своей предвыборной платформе оппозиция выдвигала и такие, казалось бы, маловажные пункты, как ничем не ограниченная свобода религиозного верования, чтение молитв на арабском языке, объявление пятницы выходным днем, возвращение к мусульманскому летосчислению и т. п. Лидеры ДП предприняли специальное предвыборное путешествие по стране. «Баяр, несмотря на свои шестьдесят шесть лет, порой пешком обходил деревни, районы и даже города и агитировал за свою партию»⁶⁹. Касаясь предвыборной деятельности Мендереса, «Монд» писала: «Он без усталости обходил деревни и районы, проповедуя политическую и экономическую свободу, обещая конец ограничениям, свободное предпринимательство против этатизма, основанного Ататюрком. Он говорил, что промышленность, торговля и в особенности сельское хозяйство должны развиваться стихийно, не надо никакого плана, никакой доктрины, важны только цифровые результаты»⁷⁰.

Список кандидатов в депутаты от ДП пестрел теми лицами, которые прочно восседали на ее партийном седле.

14 мая 1950 г. состоялись выборы в меджлис, прошедшие в условиях полицейского нажима. Жандармерия приводила к урнам группы избирателей и заставляла их голосовать в пользу НРП. Выборы не обошлись без массовых подлогов избирательных бюллетеней. В них приняло участие около 75% всех избирателей⁷¹, остальные фактически бойкотировали выборы. Тем не менее правящая партия потерпела поражение. Инёню прошел в меджлис от Анкары и от вилайета Малатья, где он также баллотировался⁷². Ни один член правительства, кроме

---

⁶⁶ O. Şahingiray, Celâl Bayar, 1946, 1950 ve 1954 yılları seçim kampanyasındaki söylev ve demeçleri, s. 52.

⁶⁷ E. Bisbee, ibid, p. 107; S. Erdemir, İsmet İnönü muhalefette 1950—1956, s. 369.

⁶⁸ O. Şahingiray, aynı eser, s. 76.

⁶⁹ C. Kutay, Celâl Bayar, s. 94.

⁷⁰ „Monde“, 1960, 29—30 mai.

⁷¹ A. E. Yalman, ibid, p. 246.

⁷² Согласно заявлению Мендереса, Инёню не был избран депутатом.

Шамсетдина Гюналтая, не был избран⁷³. ДП получила 54,31% голосов, а НРП—41,05% голосов⁷⁴. Однако благодаря мажоритарной системе в меджлисе ДП заимела 434 депутатских мандата против 51-го, доставшегося НРП. В одном только Стамбульском вилайете демократы завоевали 27 мест.

Победа ДП на выборах и ее приход к власти были разным образом истолкованы в Турции и за ее пределами. Так, например, С. Парсадан, Дж. Юнджа и И. Гёктюрк объясняют это тем, что ДП не ставила себе целью захват власти, а стремилась якобы направить нацию на путь полной свободы и демократии, а также многопартийной политической борьбы⁷⁵. Ф. Язган и М. Сердарлар пишут: «С точки зрения развития демократии, выборы являются великой революцией в истории Республики»⁷⁶. М. К. Су и К. Су также находят, что выборы эти являются «великим подтверждением развития нашей демократической жизни»⁷⁷. Дж. Кутай считает, что они означают лишь «выигрыш турецкого народа против олигархии»⁷⁸. Р. Мантран: «Успех ДП на выборах 1950 года — новый этап в истории Турецкой республики, которая превратилась в настоящую демократию, где народ имеет возможность высказывать свое мнение, где общественное мнение играет все большую роль»⁷⁹.

Некоторые органы западной печати победу ДП объясняли главным образом поддержкой крупной буржуазии. Бывший посол США в Турции Дж. Макги пишет: «Появление группы предпринимателей, готовых и способных пойти на экономический риск и взять на себя экономическую ответственность, в значительной степени содействовало приходу к власти в 1950 году демократической партии, на основе программы максимального поощрения свободного предпринимательства и иностранных капитальных вложений»⁸⁰. Совершенно иную точку зрения высказал «Экономист», который писал: «В 1950 году демократы были неизвестной величиной; их призвали к власти не за то, что они что-то обещали, а потому, что турецкий

от Анкары, что было предметом длительного спора между ними. См. S. Erdemir, *aynı eser*, s. 119.

⁷³ «Вопросы экономики», 1950, № 7, стр. 100.

⁷⁴ „Seçim neticeleri üzerinde bir inceleme 1950, 1954, 1957 Milletvekili seçimleri“, Tablo.

⁷⁵ S. Parsadan, C. Huncavef. Gökürk, *aynı eser*, s. 51.

⁷⁶ F. Yazgan, M. Serdarlar, *aynı eser*, s. 170.

⁷⁷ M. K. Su, K. Su, *aynı eser*, s. 176.

⁷⁸ C. Kutay, *aynı eser*, s. 94.

⁷⁹ R. Mantran, *Histoire de la Turquie*, p. 126.

⁸⁰ „Foreign Affairs“, 1954, July, p. 627.

избиратель решил насладиться новым ощущением, которое доставляет возможность прогнать людей от власти»⁸¹. Английский турколог Ф. Прайз приход к власти ДП характеризует как «олицетворение реакции на чрезмерный экономический контроль и «этатизм» со стороны популистского режима Ата-тюрка»⁸². Весьма оригинально объясняет «Перспектив» победу ДП. «Эта победа, — пишет он, — была неожиданностью как для победителей, так и для побежденных»⁸³.

Результаты выборов вызвали восторженные отклики в правящих кругах США. Так, сенатор Фулбрайт заявил, что выборы в меджлис явились чрезвычайно важным событием в жизни стран «свободного мира» и поворотным пунктом в истории Турции. Он считал, что с приходом к власти ДП в Турции установилась демократия, и никто впредь не сумеет обвинить ее в реакционности⁸⁴.

Высказывания турецких и других историков и органов печати не вскрывают подлинных причин победы ДП на выборах 1950 года. Эта победа не открыла никакой новой эпохи в истории страны и вообще не привела к расширению демократии.

Одной из главных причин победы ДП было недовольство и разочарование широких слоев турецкого народа долголетним правлением НРП, не сумевшей и не желавшей разрешить коренные социальные проблемы страны. Другая причина заключалась в том, что массы поверили в социальную демагогию ДП и надеялись, что она обеспечит экономический подъем, улучшение условий жизни и демократические свободы. Отсутствие легальных возможностей для компартии и других прогрессивных организаций не дало турецкому рядовому избирателю свободно выразить свою волю, и его голоса были фактически разделены двумя этими партиями. ДП пришла к власти при активной поддержке торговой и промышленной буржуазии и крупных помещиков, интересы которых она представляла и защищала. Определенную поддержку оказали ей правящие круги США, которые учитывали непопулярность НРП и считали, что не стоит будущее американских интересов ставить под сомнение, связав себя с НРП. К тому же руководство ДП обещало содействовать привлечению иностранного капитала и следовать за внешней политикой США, что отвечало интересам американских деловых кругов. Победа ДП соответствовала общим классовым

⁸¹ „Economist“, ibid, p. 1.

⁸² „Spectator“, 1960, 2 december, p. 889.

⁸³ „Perspective“, 1956, 10 mars, p. 3.

⁸⁴ „Ulus“, 1950, 31 mayıs.

интересам правящих классов страны — власть опять оказалась в руках турецкой буржуазии и помещиков. Тем самым была оправдана одна из целей образования новых буржуазных партий.

Основоположники марксизма разоблачали всю фальшь, которой прикрывается буржуазия, передавая власть от одной партии другой. «Олигархия увековечивает себя не только при помощи постоянного сохранения власти в одних руках,—писал Маркс,— но также и тем, что она попеременно выпускает власть из одной руки, чтобы подхватить ее тут же другой»⁸⁵. То же самое произошло в мае 1950 г. в Турции. С приходом к власти ДП было положено начало двухпартийной системе правления, издавна практикуемой в Англии и США. В. И. Ленин отмечал, что система «двух партий» необычно выгодна для эксплуататоров⁸⁶, что посредством эффективных и бесспорительных дуэлей двух буржуазных партий правящие круги США обманывали народ и отвлекали от их насущных интересов⁸⁷.

В Турции двухпартийная система правления с самого начала приобрела такой же антинародный реакционный характер, как и в других странах капитализма.

Переход к двухпартийной системе свидетельствовал об определенном кризисе правящих верхов Турции, о том, что прежние методы правления изжили себя. После объявления итогов голосования меджлис избрал президентом республики Баяра, а председателем меджлиса — Коралтана. Мендересу было поручено формирование правительства, в котором Кепрюлю занял пост министра иностранных дел.

29 мая 1950 г. на заседании меджлиса Мендерес изложил программу правительства, в которой предусматривались такие мероприятия, как ликвидация безработицы, оздоровление экономики и финансов, снижение цен, установление справедливых налогов, право рабочих на организацию забастовок и свободных профсоюзов, свобода слова и печати, упрочение национальной независимости. В программе отмечалось также, что новое правительство будет добиваться расширения экономических, политических и культурных связей с США и привлечения иностранного капитала, установления дружественных отношений с соседними государствами и упрочения мира во всем мире. Вместе с тем Мендерес особо подчеркнул, что его правительство будет проводить в жизнь американо-турец-

⁸⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. II, т. 11, стр. 372.

⁸⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 68.

⁸⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 193.

кое соглашение, подписанное на основе «доктрины Трумэна», и осуществлять дальнейшую милитаризацию страны. В программе ясно говорилось, что правительство намерено принять строгие меры к подавлению демократического движения внутри страны. Что касается политики в области религии, то последняя не должна была использоваться как средство политической борьбы и пропаганды против других религий или «свободного мышления». Баяр заявил, что правительство ДП продолжит курс внешней политики бывшей правящей партии⁸⁸.

Г л а в а II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Одной из самых главных проблем для Турции оставался аграрный вопрос. Земельная проблема имела жизненно важное значение для самого многочисленного класса турецкого общества — крестьянства, как и для социально-экономического развития всей страны.

По данным сельскохозяйственной переписи 1952 г., в Турции насчитывалось около 2900 тыс. крестьянских семейств. Из них 403 тыс. семейств, или 13,7% всех крестьянских хозяйств, не имели земли, 773 тыс. семейств обрабатывали землю в размере от 0,1 га до 2 га и 797 тыс. — от 2,1 га до 5 га. Таким образом, на 1973 тыс. безземельных и малоземельных семейств, 67,3% из общего числа, приходилось 18,6% всей земельной площади. Крестьянские хозяйства, обрабатывавшие от 5,1 га до 10,0 га, составляли 18,9%. Мелкие и крупные помещики (2,6%) обрабатывали 32,6%, а 328 тыс. кулаков (11,2%) — 28,1% земли¹.

Положение в сельском хозяйстве страны и аграрные отношения достигли такой остроты, что правящие верхи не могли отмахнуться от этой проблемы.

В 1950 г. наступил второй этап аграрной реформы, когда правительство НРП отказалось от отчуждения помещичьих земель. Новый земельный закон, принятый в марте 1950 г., по существу соответствовал программе ДП. Правительство начиная с мая 1950 г. и по 1959 г. выделило 333292 крестьян

⁸⁸ Вскоре Баяр ушел с поста председателя ЦК партии, чтобы подчеркнуть свою «нейтральность» в межпартийных вопросах. Но он остался членом ЦК. На его место был избран Мендерес, занявший руководящее положение в партии и правительстве.

¹ П. П. Моисеев, Аграрные отношения в современной Турции, стр. 33.

янским семьям 16813 тыс. денюмов земли². В среднем каждая из них получила 5,4 денюма земли. Это мероприятие осуществлялось, главным образом, за счет пустующих государственных земель. Иначе говоря, правительство не тронуло крупные помещичьи и кулацкие владения и не освободило крестьян от оков феодально-помещичьей эксплуатации.

В 1950—1957 гг. увеличилось кредитование сельского хозяйства, что выразилось в сумме 1912 млн. лир³.

Крестьянские хозяйства, наделенные землей в период 1950—1956 гг., получили 9746 тыс. лир кредита против 3080 тыс. лир, выделенных в связи с аналогичными мероприятиями в 1945—1950 гг.⁴. Большая часть сельскохозяйственного кредита досталась помещичьим и кулацким хозяйствам, составлявшим опору ДП в деревне.

Правительство Мендереса импортировало большое количество сельскохозяйственных машин. В 1959 г. в стране насчитывалось уже более 44000 тракторов и 5000 комбайнов против 3000 тракторов и комбайнов в 1950 г. Значительная их часть попала в руки помещиков и кулаков. Беднейшее же крестьянство обрабатывало землю примитивными способами.

В сельском хозяйстве происходило дальнейшее усиление капиталистических тенденций, не приведшее, однако, к значительным качественным изменениям.

В результате указанных выше мероприятий, общая площадь под зерновые, технические и другие культуры в 1959 г. составила 23164 тыс. га против 14542 тыс. га в 1950 г.⁵. Увеличился валовый сбор всех сельскохозяйственных культур. Так, например, в 1959 г. урожайность зерновых культур составила 14250 тыс. т против 7769 тыс. т 1950 г.⁶. Начиная с 1954 г. Турция импортировала большое количество пшеницы и других зерновых культур за счет американской «помощи». К 1960 г. она все еще оставалась сельскохозяйственной страной со слабо развитой промышленностью. Удельный вес продукции сельского хозяйства составлял больше половины всего национального производства.

В период правления ДП значительно расширил свою деятельность турецкий частный капитал, принимавший активное участие в строительстве промышленных объектов, в том числе государственных. Правительство Мендереса разработало план строительства сахарных, цементных, текстильных предприятий, гидроэлектростанций, теплоцентралей и т. д.

² Один денюм равен почти 1 га.

³ „Türkiye nasıl ilerliyor“, 1950—1957, s. 5.

⁴ Там же.

⁵ „1960 yılının denk, yapıcı ve örnek bütçesi“, s. 7.

⁶ Там же.

В 1951 г. была основана Всетурецкая компания сахарных заводов с участием государственного и частного капитала. На строительство этих предприятий было ассигновано 440,7 млн. лир. Новые сахарные заводы вступили в эксплуатацию в Эрзруме, Эрзинджане, Малатье, Амасье, Кайсери, Адане, Мерсине, Анкаре, Адапазаре, Кастамону и Кьютахье. В 1959 г. производство сахара составило 500 тыс. т против 137 тыс. т в 1950 г.

Программа правительства предусматривала строительство более двадцати цементных заводов. В 1953 г. была основана Всетурецкая компания цементной промышленности, в которой, наряду с государственным капиталом, принял участие и частный капитал. Цементные заводы были построены в Измире, Анкаре, Тарсусе, Эскишехире, Адане, Афьоне, Чоруме, Балыкесире, Пинархисаре, Элязиге, Кайсери, Диарбекире, Мараше, Ване, Эрзруме и Мардине. С вводом в эксплуатацию новых и реконструированных старых предприятий производство цемента в 1959 г. составило 1963 тыс. т и превысило в пять раз уровень 1950 г. Общие ассигнования на расширение этой отрасли составили более 500 млн. лир⁷.

Увеличилось также количество предприятий текстильной промышленности. Новые капиталовложения составили 1768 млн. лир, из коих 1370 млн. лир принадлежали частному капиталу, построившему текстильные комбинаты в Балыкесире, Айдыне и Пергаме. Предприятия текстильной промышленности создавались также в Манисе, Анталье, Эскишехире, Мараше, Карамане и других городах. Подвергались реконструкции и расширяли производство государственные текстильные комбинаты в Кайсери, Назилли, Эрегли, Бақыркее, Анталье и Адане. К концу 1959 г. производство текстильных тканей составило 785 млн. м, т. е. увеличилось в три раза по сравнению с 1950 г.⁸ На долю частного капитала приходилось 70% всех веретен и 80% всей продукции текстильной промышленности.

В период правления ДП было введено в эксплуатацию несколько крупных гидроэлектростанций и теплоцентралей. Расходы на их строительство составили 1640 млн. лир включая иностранные займы. В 1959 г. производство электроэнергии составило 2550 млн. квт/ч и превысило в три раза уровень 1950 г.

Значительные сдвиги произошли в добыче угля, хромовой руды, железа и меди, в производстве стали, кокса, бумаги, целлюлозы и т. д.

⁷ „1960 yılı için...“, s. 8.

⁸ „1960 yılı için...“, s. 9.

Как видим, вложения частного и государственного капитала менее всего коснулись металлургической и машиностроительной промышленности. Они в основном направлялись в те отрасли производства, которые требовали меньше расходов и приносили больше прибыли.

За период правления ДП соотношение между государственным и частным секторами в промышленности изменилось в пользу последнего. По нашим подсчетам, ему принадлежали почти две трети всей продукции фабрично-заводской промышленности.

Правительство Мендереса осуществило ряд мероприятий по привлечению иностранного монополистического капитала в экономику страны.

1 августа 1951 г. меджлис принял закон о поощрении иностранного капитала, согласно которому последний получал свободный доступ в энергетическую промышленность, в связь, в общественные и туристические организации. Закон разрешил капиталовложения в строительство новых, в расширение и реконструкцию старых промышленных предприятий. Иностраный капитал мог вкладываться валютой, а также в форме строительного и машинного оборудования и стоимости фабрично-торговых марок и патентов. На особенно льготных условиях предусматривался ввоз строительных материалов, главным образом для предприятий, работающих на экспорт. Закон предоставил право министру финансов гарантировать долгосрочные иностранные займы турецким фирмам в пределах 1 млрд. лир. По истечении пятилетнего срока после инвестиции иностранный капитал получал право на перевод вложений за границу в той валюте, в какой они первоначально исчислялись.

Иностранные фирмы могли переводить свои прибыли за границу в размере не более 10% вложенного капитала⁹.

Закон намного расширил и облегчил возможности для свободной деятельности иностранного капитала в Турции. Некоторые ограничения предусматривали последние два пункта. В целом проникновение иностранного капитала в Турцию после принятия указанного закона усилилось по сравнению с прошлым периодом относительно. Так, например, число американских компаний и фирм, действовавших в 1953 г. в Турции, составило 180, а сумма вложенного капитала — 33 млн. долларов.

Тем не менее закон не полностью удовлетворил требования иностранного капитала. Не случайно бывший посол США в Анкаре Дж. Макги писал, что «закон 1951 г. не соз-

---

⁹ R. Senani, „Foreign Capital Investments in Turkey“, p. 17—22.

дает надлежащих стимулов для иностранных вкладчиков капитала»¹⁰.

18 января 1954 г. меджлис принял новый закон о поощрении иностранного капитала, согласно которому прямые иностранные капиталовложения ничем уже не ограничивались. Они могли быть также реинвестированы. Закон разрешил перевод за границу иностранного капитала в валюте по существующему курсу и прибыль — в неограниченном размере. Иностранный капитал гарантировался от обесценения денег. Новый закон приравнивал все права турецкого государственного и частного капитала с иностранным, что с нескрываемым удовлетворением было принято монополистическими кругами западных стран. Дж. Макги писал, что этот закон — один «из самых либеральных законов об иностранных капиталовложениях».

Принятие закона привело к дальнейшему расширению экспансии иностранных монополий в Турцию. В период 1951—1958 гг. прямые иностранные капиталовложения составили номинально 216,6 млн. лир, а совместные инвестиции иностранного и турецкого капиталов — 288,8 млн. лир¹¹.

Почти половина иностранных капиталовложений приходилась на долю американских монополий.

Монополии западных стран свою экспансию осуществляли посредством прямых и косвенных инвестиций, создания смешанных акционерных обществ с турецким государственным и частным капиталом, заказов на строительство промышленных и других предприятий. Вложения этих стран в основном охватывали производство цемента, химикалий, жиров, лекарств, фруктовых соков, пряжи, серной кислоты, минеральных удобрений, тракторов и грузовиков, бумаги, электроэнергии, электротехнических средств и другие отрасли промышленности. Часть иностранных вложений правительство направило на капитальное строительство. Был построен ряд промышленных предприятий: завод сельскохозяйственного машиностроения близ Анкары («Миннеаполис Молин тюрк А. Ш.»), фабрика по производству бумаги в Измите («Парсонс Витманн» и «Эгейское общество бумажной промышленности»), фабрика по производству полотна («Парутек трейдинг адженси и турецкие предприниматели Дилбер и Шованн»), завод минеральных удобрений в Александретте («Фортилайзер корпорейшн оф Америка» и «Гюбре фабрикалары тюрк А. Ш.») и другие.

Значительно усилили свою экспансию в Турцию английские, французские, итальянские и особенно западногерманские

¹⁰ „Foreign Affairs“, ibid, p. 627.

¹¹ „Ekonomi gazetesi“, 1958, 7 şubat.

монополии. После американского капитала они занимали второе место как по количеству различных фирм и компаний, так и по сумме вложенного капитала. Иностраный капитал осуществлял свою экспансию также через Банк промышленного развития Турции.

Следующим мероприятием турецкого правительства в области поощрения иностранного капитала явилось принятие закона о нефти от 7 марта 1954 г. По этому закону правительство получило право на сдачу нефтяных концессий местным и иностранным компаниям сроком на 40 лет с последующим продлением его, в случае повторных заявок, еще на 20 лет. До принятия этого закона нефтеразведочными работами и добычей нефти занимался государственный капитал Турции. Теперь иностранные концессионеры обязывались выплатить Турции 12,5% стоимости добытой нефти за аренду и эксплуатацию нефтяного участка. Прибыль от нефти подлежала распределению поровну между правительством и концессионерами, но только после возмещения расходов. Согласно закону, на территории Турции были выделены девять нефтеносных районов — побережье Эгейского моря, побережье Мраморного моря, Анкара, Адана, Анталья, Диарбекир, Сирд, Сивас и Эрзрум со своими окрестностями. Кроме последних двух, остальные районы были объявлены открытыми для изыскательских работ. Закон о нефти вступил в силу 6 мая 1954 г. и в тот же день «Сокони вакуум ойл» получила первую концессию на нефтеразведочные работы. Впоследствии концессии получили «Стандарт-ойл оф Нью-Джерси», «Калифорния-Техас ойл», «Ройалл-датч Шелл», «Дейче Эрдол» и другие иностранные монополии. К осени 1957 г. правительство выдало 188 разрешений на проведение геологоразведочных работ на территории общей площадью 8724560 га¹². К этому времени капиталовложения иностранных и местных монополий составили 42 млн. лир¹³.

В целом иностранный капитал слабо проникал в экономику Турции. Основными причинами этого были узость внутреннего рынка и низкий процент извлекаемой прибыли.

Строительство новых и реконструкция старых предприятий, рост валовой продукции промышленности и сельского хозяйства не изменили слаборазвитый характер экономики Турции. Более того, страна переживала серьезные финансовые и экономические трудности.

Начиная с 12 июля 1947 г., когда между США и Турцией было заключено первое соглашение о военной «помощи» на основе «доктрины Трумэна», между правительствами обеих

¹² „Ekonomi gazetesi“, 1957, 1 ekim.

¹³ „Ekonomi gazetesi“, 1957, 25 ekim.

стран была подписана целая серия соглашений, касавшихся практического осуществления американской военной, экономической, технической и иной «помощи» Турции. Одновременно США вовлекли Турцию в агрессивные военные блоки: Северо-Атлантический (февраль 1952 г.), СЕНТО (бывший Багдадский пакт, февраль 1955 г.) и заключили с ней двустороннее военное соглашение (5 марта 1959 г.), в рамках которых осуществлялась усиленная милитаризация страны.

Американская военная и экономическая «помощь» Турции подразделяется на следующие виды: безвозмездные дары, займы, кредиты, техническая «помощь» и «помощь» сельскохозяйственными излишками.

В турецкой и американской печати, в выступлениях экономистов и государственных деятелей очень часто приводились данные об американской «помощи». Но эти данные не всегда соответствовали друг другу. Поэтому мы взяли наиболее точные, на наш взгляд, и последние данные.

По данным «Нью-Йорк таймс», официальная военная «помощь» США Турции с 1 июля 1945 г. по 30 июня 1960 г. составила 1924700000 долл., или около 7% всей суммы военной «помощи» США, предоставленной иностранным государствам¹⁴. В августе 1960 г. посол США в Турции Ф. Уоррен сделал специальное заявление об американской «помощи» Турции. Согласно его данным, общая сумма «помощи» за 12 лет, начиная с 1948 г., составила: 1878300 тыс. долл. военной «помощи» в виде дара, 628000 тыс. долл. экономической «помощи» в виде дара, 150000 тыс. долл. в кредит, 29214 тыс. долл. технической «помощи» и 200 000 тыс. долл. сельскохозяйственными товарами¹⁵.

Турция получила также «помощь» и займы от Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Экспортно-импортного банка (ЭИБ) и Международного валютного фонда (МВФ), находящихся под влиянием США и являющихся рычагами проведения их захватнической политики за рубежом. По данным на ноябрь 1957 г., Турция получила от МВФ беспроцентных кредитов на сумму 48,5 млн. долл. и 21,5 млн. долл. «на определенных условиях»¹⁶. Займы и кредиты МБРР и ЭИБ к 1 июля 1959 г. составили соответственно 58,5 млн. долл. и 24,2 млн. долл. Таким образом, общая американская «помощь» Турции в период 1945—1960 гг. составила 3.084.614.000 долл.

Очень важно отметить, что более половины американской

¹⁴ „New York Times“, 1961, 21 may.

¹⁵ „Akşam“, 1960, 25 agosto.

¹⁶ „Yeni gün“, 1958, 8 mart.

экономической и технической «помощи», а также «помощи» от различных международных банковских и финансовых корпораций шло на строительство шоссейных и железных дорог, аэродромов и портов, имеющих стратегическое значение, и поэтому ее следует рассматривать как часть военной «помощи».

Военная, экономическая и техническая «помощь» сама по себе свидетельствовала о том, какое важное значение придавал американский империализм превращению Турции в свой плацдарм.

Придя к власти, ДП начала проводить политику усиленной милитаризации страны. В результате Турция была превращена в плацдарм американского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. Правительство Мендереса ежегодно ассигновывало огромные суммы из государственного бюджета. Составить полную картину всех военных расходов почти невозможно, так как они в завуалированном виде производились через различные министерства и ведомства. Эти расходы отнюдь не ограничивались прямыми расходами по линии министерства национальной обороны. Следует учесть также расходы на вспомогательные вооруженные силы (органы безопасности, полицию и жандармерию), косвенные военные расходы (погашение и уплату процентов государственного долга, пенсии и пособия бывшим военнослужащим и их семьям) и скрытые военные расходы (строительство шоссейных и железных дорог, портов и аэродромов, имеющих военное значение, но осуществлявшееся по линии других министерств). По данным турецкой официальной статистики, прямые военные расходы министерства национальной обороны в период 1946—1960 гг. составили 11,283 млн. лир¹⁷. Согласно сведениям министра финансов Х. Полаткана, в 1960/61 финансовом году на прямые военные расходы было ассигновано 1468 млн. лир — на 9,7% больше, чем в предыдущем году, и на 182% больше, чем в 1950 г.¹⁸ В том же финансовом году на общие военные расходы было ассигновано почти 3 млрд. лир. Когда в 1957 г. прямые военные расходы Турции составляли 26,3% всего государственного бюджета, она занимала четвертое место в мире после США (62,6%), Канады (32,8%) и Франции (26,5%)¹⁹. За последующие годы эти расходы поглотили более 30% государственного бюджета, и Турция заняла в системе НАТО второе место после США. За этот же период расходы ее на вспомогательные вооруженные силы и

¹⁷ Сумма прямых и других военных расходов Турции подсчитана по данным „T. C. Resmî gazete“ за соответствующие годы.

¹⁸ 1960 yılının ... s. 6.

¹⁹ „Monde“, 1959, 19 mai.

косвенные цели составили более 5,5 млрд. лир. Таким образом, в период 1946—1960 гг. прямые и косвенные военные расходы и расходы на вспомогательные вооруженные силы составили около 17 млрд. лир. Если учесть и скрытые военные расходы, то выходит, что в изучаемый период около 60% государственного бюджета — свыше 25 млрд. лир направлялись на военные цели. Эта сумма намного превышала расходы на мирные отрасли экономики, просвещение и здравоохранение, вместе взятые.

Изучение доступных данных показывает, что в период правления ДП военные расходы Турции постоянно увеличивались.

Достаточно отметить, что прямые военные расходы ежегодно поглощали около 10%, а общие — 20% национального дохода страны, что значительно превышает соответствующие данные развитых капиталистических стран²⁰.

Сопоставление общих военных расходов Турции с американской военной, экономической и технической «помощью» показывает, что правительство ДП израсходовало на милитаризацию страны почти в три раза больше, чем вся эта американская «помощь». Наши подсчеты одновременно свидетельствуют о том, что США основное бремя военных расходов взвалили на Турцию.

Огромные военные расходы Турции всегда вызывали одобрение американской военщины, чей рупор журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» писал: «Здесь (т. е. в Турции. — Р. К.) никто не говорит о сокращении военных ассигнований или уменьшении вооружений»²¹.

Государственный бюджет Турции в период правления ДП смело можно назвать бюджетом гонки вооружений и «холодной войны», рассчитанным на милитаризацию страны. В истории Турции не было правительства, которое так разбазаривало бы государственные средства, как правительство ДП.

Непомерные военные расходы нанесли огромный ущерб финансам и экономике Турции прежде всего потому, что политика милитаризации вызывает наиболее отрицательные последствия в слаборазвитых странах.

Милитаризация в Турции осуществлялась на основе слаборазвитой экономики при отсутствии крупной военной промышленности, способной производить новейшие виды оружия. По этой причине военные расходы не могли служить здесь временным стимулирующим фактором расширения производ-

²⁰ О сумме национального дохода см. стр. 56.

²¹ „United States News and World Report“, 1954, 13 august, p. 38.

ства. К тому же Турция импортировала большое количество оружия, и часть ее военных расходов оседала в сейфах военно-промышленных монополий США и других западных стран. Военные расходы Турции сокращали возможности финансирования промышленности госсектора. В то же время под удар ставилось финансирование частной промышленности. Между тем турецкая буржуазия еще не так сильно, чтобы без поддержки госбюджета обеспечить расширенное воспроизводство и те прибыли, которые она могла получить из других сфер экономики.

Турция держала под ружьем одну дивизию на миллион населения. Стало быть, значительное число людей было переведено из сферы производства в сферу потребления.

Одной из важных причин отрицательных последствий гонки вооружений явилось то, что экономика Турции, не преодолев последствий непроеизводительных и непомерных военных расходов периода второй мировой войны, после окончания войны сразу же вступила в новый и более тяжелый этап милитаризации страны. Таким образом, политика милитаризации продолжалась почти четверть века и притом без всякой передышки.

Чрезмерный рост прямых, косвенных и всякого рода скрытых военных расходов привел к разбуханию расходной части государственного бюджета. Если к началу правления ДП она составляла 1423 млн. лир, то проект бюджета на 1960/61 финансовый год предусматривал ее в сумме 7,2 млрд. лир²², то есть в пять раз больше, чем в 1950 г. При изучении структуры расходной части бюджета за вышеуказанные годы бросается в глаза, что ее разбухание начинается сразу же после прихода к власти ДП и вступления страны в НАТО и СЕНТО.

Рост военных расходов привел к постоянному дефициту бюджета. Последний достиг наибольшей суммы в 1955/56 финансовом году — 547 млн. лир, что в 16 раз превышало сумму дефицита 1950 года.

В период 1958—1960 гг. правительство Мендереса представляло на обсуждение меджлиса проекты сбалансированного бюджета. В дальнейшем итоги его практического выполнения показывали, что расходная часть всегда превышала сумму государственных доходов. Так, по данным печати, дефицит бюджета на 1960/61 финансовый год намечался в сумме 500 млн. лир²³. В целом за все время правления ДП бюджет Турции сводился с хроническим дефицитом. Согласно за-

²² „Ulus“, 1959, 18 aralık.

²³ „Ulus“, 1960, 9 şubat. См. об этом также заявление министра финансов в правительстве Гюрселя Э. Алджана. „Ulus“, 1960, 18 haziran.

явлению Э. Алиджана, общий дефицит за это время составил 2141 млн. лир²⁴.

Военные расходы явились причиной увеличения государственных долгов Турции (внешнего и внутреннего). В целях милитаризации приходилось все чаще обращаться к внешним и внутренним займам. По заявлению министра финансов в правительстве Мендереса Полаткана, государственные долги на 31 октября 1959 г. составили 4894 млн. лир. Такая сумма получалась по старому курсу: один доллар—2,8 лиры. Если же подсчитать эту сумму по новому курсу (один доллар—9,2 лиры), то она составит 7925 млн. лир²⁵.

Оппозиционные партии и газеты не раз отмечали, что государственные долги Турции составляют более крупную сумму, нежели официальные данные, что при подсчете правительство прибегает к явной фальсификации. Депутат меджлиса от НРП Ф. Мелен, выступая в прениях по проекту бюджета на 1960/61 финансовый год, заявил, что внутренний государственный долг составляет 7219, а внешний—12475 млн. лир²⁶. Согласно его подсчетам, в 1950 г. государственные долги составляли 26,7 всего национального дохода, а в 1959 г.—55%²⁷. «Миллиет» сообщила также, что внешний государственный долг страны в 1960 г. составил около 13 млрд. лир²⁸. После свержения правительства Мендереса выяснилось, что сумма государственных долгов намного превосходит все прежние официальные данные. Например, по данным Э. Алиджана, внешний долг Турции на 27 мая 1960 г. составил 12191 млн. лир²⁹ против 775 млн. лир в 1950 г.³⁰.

В период правления ДП внешняя задолженность Турции возросла в абсолютных цифрах более чем в 15 раз. По данным Ш. Инана, государственного министра в правительстве Гюрсея, общая сумма долгов на то же время составила 18959 млн. лир³¹. По его подсчетам, в период 1960—1965 гг. Турция должна была выплатить в счет погашения внешних долгов ежегодно по 1 млрд. лир. Другими словами, на погашение только внешних долгов в 1960/61 финансовом году предстояло выделить около 15% всей расходной части бюджета, вместо 271,3 млн. лир, предусмотренных правитель-

²⁴ „Ulus“, 1960, 18 haziran.

²⁵ „Ulus“, 1959, 18 aralık.

²⁶ „Ulus“, 1960, 20 şubat.

²⁷ Там же.

²⁸ „Milliyet“, 1960, 2 nisan.

²⁹ „Ulus“, 1960, 18 haziran.

³⁰ „Ulus“, 1957, 17 haziran.

³¹ „Ulus“, 1960, 22 haziran.

ством Мендереса для этой цели³². «Миллиет» еще в апреле 1960 г. писала, что на погашение внешнего долга в 1960 г. Турция, вместе с процентами, должна выделить 1058 млн. лир³³. Ш. Инан заявил также, что погашение государственных долгов продлится до 2008 г., что последние в 25 раз превышают наличные запасы золота и валюты³⁴.

Фактически государственные долги Турции, в особенности ее внешний долг, стали неоплатными. Поэтому в начале 1958 г. правительство Мендереса объявило о прекращении выплаты процентов по кредитам и займам, полученным от западных стран.

В 1950 г. общая сумма внутреннего государственного долга Турции составляла 1791 млн. лир³⁵, к концу правления ДП, к 1960 г., она возросла более чем в четыре раза. Характерна и другая картина. Если в 1950 г. внутренний государственный долг более чем дважды превышал сумму внешнего долга, то в последующие годы происходит обратный процесс — внешний долг начинает превалировать над внутренним. Это подтверждается также данными Э. Алиджана и Ш. Инана. В 1960 г. внешний долг почти в два раза превышал сумму внутреннего долга, что явилось одной из причин осложнения финансового состояния Турции и усиления ее зависимости от «союзников» по НАТО. Правительство Мендереса втянуло страну в такие неоплатные внешние долги, которые воскрешают в памяти самые мрачные времена финансовой зависимости Османской империи от западноевропейских держав. В период правления ДП долг Турции иностранным государствам превышал сумму пресловутого оттоманского долга. «За десять лет правления демократов, — писала «Монд», — Турция влезла в долги, которые превосходили долги Оттоманской империи за всю ее историю»³⁶. Приведенные цифры свидетельствуют о том, какое огромное бремя ввалило на плечи турецкого народа правительство Мендереса. Такой итог деятельности ДП находит свое наиболее яркое подтверждение в следующих словах К. Маркса: «Единственная часть так называемого национального богатства, которая действительно находится в общем владении современных народов, это — их государственные долги»³⁷.

Наряду с резким увеличением государственных долгов Турции увеличился также дефицит ее внешней торговли. Это

³² Ulus, 1959, 18 aralık.

³³ „Milliyet“, 1960, 2 nisan.

³⁴ Ulus, 1960, 22 haziran.

³⁵ „Ulus“, 1957, 17 haziran.

³⁶ „Monde“, 1960, 3 août.

³⁷ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 757.

явилось результатом торговой экспансии монополий США, ФРГ, Англии и других западных держав, как и следствием неэквивалентного характера внешнеторгового оборота. Несмотря на ряд ограничительных мероприятий, проведенных правительством Мендереса в последние годы своего пребывания у власти, внешняя торговля Турции в период 1950—1960 гг. имела хронический дефицит, составивший в целом 3096 млн. лир³⁸. Наибольших размеров он достиг в 1952 и 1955 гг., соответственно 540,6³⁹ и 515 млн. лир⁴⁰. В остальные годы дефицит внешней торговли колебался от 145 до 401 млн. лир⁴¹. Как видим, в рассматриваемый период внешняя торговля Турции также переживала значительные затруднения. Вследствие односторонней внешнеторговой ориентации и неэквивалентного торгового баланса, Турция оказалась в полной внешнеторговой зависимости от США и других западных держав.

«Турция,—писал «Экономист»,—приобретает дурную славу у своих торговых партнеров»⁴². Дело дошло даже до того, что некоторые торговые контрагенты Турции прекратили экспорт без наличного расчета, поскольку не оплачивалась сумма ранее импортированных товаров. Например, нефтяные компании США и Англии соглашались выгружать горючее только при получении наличных денег в твердой валюте⁴³.

Не в лучшем положении оказался и платежный баланс, который сводился с огромным дефицитом. Только в 1960 г. дефицит этот составил 210 млн. долл.⁴⁴.

Вследствие постоянного дефицита государственного бюджета, внешнеторгового и платежного балансов и увеличения государственных долгов сократился золотой запас Турции. Если в 1950 г. он составлял 138 т⁴⁵, то в 1960 г. снизился до 118 т⁴⁶. Согласно официальным данным, из этого количества золота 102 т были заложены в иностранных банках под краткосрочные кредиты и авансы. Только на проценты за займы, авансированные под заложенное золото, Турция должна ежегодно выплачивать 4,5 млн. долл.⁴⁷. Таким образом, за время

³⁸ „Ulus“, 1960, 16 kasım.

³⁹ Там же.

⁴⁰ „Ulus“, 1957, 9 şubat.

⁴¹ „Three Monthly Economic Review Turkey“, ann. supp. 1960, p. 8.

⁴² „Economist“, ibid, p. 11.

⁴³ „New York Times Magazine“, 1957, 17 november.

⁴⁴ «Экономическое положение стран Азии и Африки в 1960 г.», стр. 274.

⁴⁵ «Бюллетень иностранной коммерческой информации», 1953, № 72, стр. 1.

⁴⁶ „Ulus“, 1960, 18 haziran.

⁴⁷ Там же.

правления ДП золотой запас страны сократился на 20 т, а остальное золото, за исключением 16 т, заложено в иностранных банках. Сокращение золотого запаса Турции также послужило одной из причин усиления ее валютной и финансовой зависимости от США и других западных стран, куда и перекочевало турецкое золото.

Следует сказать, что с погашением долгов и дефицита внешней торговли Турция лишится и этого количества свободного запаса золота.

Правительство Мендереса часто прибегало к выпуску бумажных денег. За время с 1950 до конца 1960 гг. бумажная масса в денежном обращении увеличилась с 1 млрд.⁴⁸ до 3891 млн. лир⁴⁹. Отмечены факты, когда количество бумажных денег в обращении за неделю увеличилось более чем на 200 млн. лир⁵⁰. Годовое увеличение бумажной массы в обращении также достигло большой суммы. Например, в 1956 г. оно составило 555,5 млн. лир⁵¹, или эмиссия денег увеличилась на 18% по сравнению с 1955 г.⁵² Данные за период 1950—1960 гг. показывают, что количество бумажных денег в обращении увеличилось почти в четыре раза.

Штамповка бумажных денег диктовалась отнюдь не потребностями экономического развития страны, а только стремлением избавиться от хронического дефицита бюджета.

Но эта попытка привела лишь к обесцениванию турецкой лиры, к дальнейшему расстройству финансов и обнищанию трудящихся масс Турции.

Первая послевоенная девальвация турецкой лиры имела место в 1946 г., когда 2,8 лиры были приравнены 1 долл. Хотя в период правления НРП правительство всячески поддерживало официальный курс лиры, последний все же не отражал ее фактического соотношения к доллару. Уже в 1950 г. доллар на «черном рынке» покупался за 4 лиры⁵³, или на 1,2 лиры дороже его официального курса. В последующие годы, в связи с дальнейшим расстройством финансов, курс лиры постепенно падал; в 1958 г. на «черном рынке» стоимость доллара подскочила до 10—13 лир. Чтобы сократить количество бумажных денег в обращении и приостановить обесценение лиры, правительство Мендереса в то время провело вторую девальвацию. Для внутренних расчетов курс лиры оставался

⁴⁸ T. Geveci, aynı eser, s. 41.

⁴⁹ „Cumhuriyet“, 1960, 9 ocak.

⁵⁰ „Ulus“, 1958, 5 temmuz.

⁵¹ „Economi gazetesi“, 1957, 2 ocak.

⁵² „Vatan“, 1957, 3 ekim.

⁵³ T. Geveci, aynı eser, s. 41.

прежним, но для внешних расчетов 9,2 лиры были приравнены 1 долл.⁵⁴. Таким образом, после второй девальвации стоимость лиры по отношению к доллару упала более чем в три раза. Однако новый официальный курс все равно не отражал фактического соотношения лиры к доллару — на «черном рынке» он покупался за 13—15 лир. Последствием обесценивания лиры явилось также повышение цен на золото в слитках и «решадие» — золотой лиры. Обесцениение лиры продолжалось и в последующие годы, когда инфляция приняла уже катастрофический характер.

Девальвация лиры оказалась на руку американским и другим империалистическим монополиям, получившим возможность за более низкие цены скупать турецкое сырье и по более высоким ценам продавать свои товары на турецком рынке. Собственно, этого и добивались западные державы во главе с США.

Обесценивание лиры, явившееся прямым результатом усиленной милитаризации страны, привело к разбуханию расходной части государственного бюджета, к росту его дефицита и долгов, в особенности внешних. Так, например, после второй девальвации внешние долги сразу возросли более чем в три раза, что не учитывалось официальной статистикой.

Характеризуя экономическое и финансовое положение Турции, «Ля трибюн де Насьон» писала: «Экономический кризис начался принимать форму национального бедствия. Промышленность работала медленно, сельское хозяйство приходило в упадок из-за нехватки удобрений и машин, дефицит внешней торговли возрастал, а импорт сокращался, с одной стороны, из-за правительства, бедного девизами, а с другой, — из-за иностранных поставщиков, которым надоели неоплаченные счета»⁵⁵. «Монд» в свою очередь писала: «Экономика страны в течение последних лет без всяких промежуточных периодов переходила от инфляции к спаду»⁵⁶. О серьезных экономических трудностях, переживаемых Турцией, писал также журнал «Перспектив»⁵⁷.

Девальвация лиры привела к дальнейшему росту цен на товары первой необходимости, удорожанию квартирной платы, коммунальных услуг и, следовательно, стоимости жизни.

Как отмечал Международный валютный фонд, в 1956 г. в Турции имело место наиболее сильное повышение цен на

⁵⁴ „Resmi gazete“, 1958, 4 agosto.

⁵⁵ „La Tribune des Nations“, 1958, 5 septembre.

⁵⁶ „Monde“, 1960, 3 août.

⁵⁷ „Perspective“, 1956, 10 mars, p. 1.

товары первой необходимости по сравнению с остальными странами Ближнего и Среднего Востока⁵⁸.

Согласно данным газеты «Дюнья», в 1957 г. по сравнению с 1938 г. цены на хлеб повысились в 5 раз, на мясо, молоко и сахар—в 9 раз, на картофель—в 11 раз, на сливочное масло—в 16 раз, на маслины—в 15 раз, на оливковое масло—в 16 раз, на фасоль—в 20 раз и т. д.⁵⁹.

В августе 1959 г. Главное статистическое управление Турции опубликовало данные, показывающие, что цены на продукты питания в Стамбуле по сравнению с 1938 г. повысились на 961%, цены на одежду—на 830%⁶⁰. По сравнению с уровнем 1950 г. цены на продукты питания и товары первой необходимости в 1958 г. повысились почти в два раза⁶¹, а в 1959 г.—в три раза⁶². Однако зарплата рабочих по сравнению с довоенным периодом увеличилась в один-два раза, составив в среднем от 100 до 250 лир⁶³. В условиях резкого удорожания жизни это, разумеется, не означало повышения их реальной заработной платы, особенно если учесть, что постоянно повышались также цены на питьевую воду, мыло, электричество, газ, дрова, уголь, газеты, средства связи и транспорт, что, наряду с взвинчиванием цен на товары первой необходимости, очень часто ощущался их острый недостаток, приведший к расцвету спекуляции.

Положение широких масс ухудшилось и в связи с резким повышением квартирной платы. В 1959 г. в Стамбуле она повысилась более чем в четыре раза по сравнению с 1938 г.⁶⁴. В среднем на наем жилплощади уходила одна треть месячной зарплаты рабочего. В то время как многие частные жилые дома пустовали из-за высокой платы, в окрестностях крупных городов сотни тысяч людей жили в ужасных жилищных условиях, в так называемых геджеконду. Согласно официальным данным, в Анкаре имелось 45850 геджеконду, где ютились 222.275 человек, или почти половина населения города⁶⁵. По тем же данным, в трех крупных городах—Анкаре, Измире и Стамбуле насчитывалось 90425 геджеконду, в них разместилось более 500 тыс. жителей⁶⁶. Подсчита-

⁵⁸ „Vatan“, 1957, 3 ekim.

⁵⁹ „Dünya“, 1957, 20 ekim.

⁶⁰ „Vatan“, 1959, 19 agustos.

⁶¹ „Ulus“, 1958, 16 agustos.

⁶² „Ulus“, 1959, 1 eylül.

⁶³ «Политика США на Ближнем и Среднем Востоке», стр. 150.

⁶⁴ „Vatan“, 1959, 19 agustos.

⁶⁵ „Ulus“, 1958, 16 ocak.

⁶⁶ Там же.

но также, что в каждой из этих хибарок проживало минимум 5—7 человек в условиях полной антисанитарии.

Правительство Мендереса увеличило налоговое бремя трудящихся. Достаточно сказать, что поступления от налогов составляли до 50% доходной части государственного бюджета. К концу 1959 г. прямые и косвенные налоги на душу населения возросли в 8 раз по сравнению с 1939 г., причем сумма косвенных налогов, взимаемых с трудящихся, почти в два раза превышала сумму прямых налогов. «Турция превратилась в налоговый ад», — писала в свое время газета «Улус»⁶⁷.

О тяжелом материальном положении трудящихся говорит их доля в общем национальном доходе. Так, например, в 1958 г. доля 536 тыс. турецких рабочих, на которых распространялся закон о труде, составила 1.878 млн. лир, или почти четвертую часть прибылей от промышленности⁶⁸. Более четкое представление об этом даст годовой доход одного рабочего, который едва выходил за пределы 3500 лир, в то время как месячный прожиточный минимум семьи в три-четыре человека составлял 2000—2500 лир⁶⁹. Но это означает, что месячная зарплата рабочего в семь—десять раз ниже официального прожиточного минимума.

Прямым результатом хронического повышения цен и усиления налогового пресса явилось удорожание стоимости жизни. Например, согласно данным турецкого статистического управления, индекс жизни в Стамбуле в 1958 г. повысился на 652% по сравнению с 1938 г.⁷⁰ Такова была картина и в других городах страны, в частности в Анкаре, Измире, Кайсери, Сивасе, Адане, Эрзруме и т. д.

В турецких, западноевропейских и американских газетах часто печатались статьи о тяжелом положении населения крупных городов Турции. Так, например, «Фигаро» очень метко описала положение столицы Турции—Анкары. Она писала: «Однако Анкара — город бедный. Лавки пусты настолько, что в них бесполезно искать чай, кофе или просто бумагу для пишущих машин. На улицах теснятся бедно одетая, мрачная толпа. Ежедневная пища крестьян и рабочих продолжает оставаться очень скудной; хлеб с луком, помидор и несколько маслин»⁷¹.

В январе 1960 г. из официальных турецких источников

⁶⁷ „Ulus“, 1958, 1 mart.

⁶⁸ „Ulus“, 1960, 23 şubat.

⁶⁹ «Проблемы мира и социализма», 1960, № 8, стр. 42.

⁷⁰ „Vatan“, 1959, agosto.

⁷¹ „Figaro“, 1957, 17 mars.

стало известно, что по дороговизне жизни Турция заняла второе место в мире после Бразилии⁷². Однако воинствующие апологеты крупной буржуазии демагогически заявляли, что «турецкая нация при Мендересе переживает свои самые сладкие дни»⁷³.

Антинародная политика правительства Мендереса привела к росту безработицы, о чем свидетельствуют официальные данные. Так, например, в течение восьми месяцев 1958 г. в Общество найма рабочей силы обратилось 136486 безработных, за такой же период 1959 г.—421936 человек, из них только половина смогла получить работу⁷⁴. Ежемесячно в общество обращалось более 50—60 тысяч человек⁷⁵. В Анкаре за десять месяцев 1959 г. было зарегистрировано 26282 безработных — вдвое больше, чем за соответствующий период 1958 г.⁷⁶. Число безработных увеличилось не только в результате свертывания некоторых отраслей промышленности, но и вследствие притока крестьян, гонимых нуждой и жестокой эксплуатацией. В 1955—1960 гг. бросили свое хозяйство и переселились в города 410 тыс. крестьянских семей⁷⁷. В городах их ожидала та же участь. «Монд», описывая положение турецких крестьян, покинувших деревню, сообщала: «Насчитывается около двух миллионов крестьян, которые в течение последних 10 лет вынуждены покинуть деревни и искать счастье в городах. Десятки тысяч этих «йорганлы» (людей, укутанных одеялом. — Р. К.) продолжают скитаться по Турции в поисках сезонных работ»⁷⁸.

Таким образом, проблема занятости и спасения сотен тысяч людей от перспективы полугодного существования стала одной из жгучих.

В марте 1959 г. правительство приняло решение об увеличении зарплаты рабочим некоторых отраслей промышленности, в том числе рабочим военной промышленности на 20%, машиностроительной и химической — на 25—35%, государственных монополий — на 20%, сахарной промышленности — на 30—40%, железнодорожного транспорта — на 25—30% и рабочим государственных предприятий — на 20—40%. Одновременно была увеличена зарплата служащих государственных учреждений на 10% и денежное содержание офицерскому со-

⁷² „Cumhuriyet“, 1960, 12 ocak.

⁷³ S. Parsadan, C. Hunca ve I. Gökürk, aynı eser, s. 70.

⁷⁴ „Yeni gün“, 1959, 5 ekim.

⁷⁵ „Akşam“, 1959, 19 ekim.

⁷⁶ „Vatan“, 1959, 4 aralık.

⁷⁷ «Проблема мира и социализма», 1960, № 8, стр. 42.

⁷⁸ „Monde“, 1960, 4 août.

ставу, а депутаты меджлиса получили надбавку к своей основной зарплате в сумме 2000 лир. Это мероприятие, однако, не распространилось на рабочих частных предприятий. К тому же оно было предпринято в условиях резкого повышения цен на товары первой необходимости, когда продолжал возрастать разрыв между стоимостью жизни и доходами трудящихся.

Общеизвестны причины, вынуждающие правительства капиталистических стран идти на частичное повышение зарплаты трудящимся. «Страх перед революцией,— указано в Программе КПСС,—успехи социалистических стран, давление рабочего движения вынуждают буржуазию идти на частичные уступки в отношении заработной платы, условий труда, социального обеспечения»⁷⁹. К тому же «растущая дороговизна и инфляция сплошь и рядом сводят на нет эти уступки»⁸⁰.

Турецкие, западноевропейские и американские буржуазные историки, экономисты и органы печати главную причину экономических и финансовых трудностей Турции объясняют непродуманной экономической политикой правительства Мендереса, ошибочной практикой строительства промышленных предприятий и их географического распределения. Этому мнению придерживались также оппозиционные партии и органы их печати, на страницах которых поднималось много шума об ошибках правительства Мендереса в области экономического планирования, о нерентабельности строительства некоторых предприятий. Эрбил указывает, что американские экономисты, ознакомившись с положением дел в стране, говорят об отсутствии в Турции экономической сообразительности⁸¹. Он приводит слова Р. Дора—главы американской экономической миссии в Турции, что «в любом министерстве Турции имеются планы экономического подъема на несколько сот миллионов лир, но между этими планами и программами нет координации»⁸². К. Рендолл—председатель комиссии конгресса по внешнеэкономическим связям и личный советник президента Эйзенхауэра, побывав в начале 1956 г. в Турции, «разъяснял» турецким министрам, что выход Турции из экономических и финансовых затруднений в свертывании строительства промышленных предприятий. Ф. Люилиз, в свою очередь, писал, что «было объявлено множество планов строительства железных дорог, гидроэлектростанций на Сакарье, не считая честолюбивых набросков вроде строительства ан-

⁷⁹ «Программа КПСС», стр. 31.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ H. Erbil, *Nayat pahalılığı azaltılabilir mi?*, s. 6.

⁸² Там же.

карской оперы и висячего моста через Босфор»⁸³. Этот автор самым серьезным тоном утверждал, что Турция страдает также от сохранившегося обычая — «мужчины в кафе и на улицах, в то время как женщины работают на поле»⁸⁴. «Экономист» считал основной причиной расстройств финансов и экономики Турции бесплановое строительство промышленных предприятий и причиненный ими убыток. Журнал прямо писал: «Почти полная бесплановость экономики (Турция построила 15 сахарных заводов, причем сырьем обеспечены лишь пять, задумано строительство такого большого числа гидроэлектростанций, что потребуется 80 лет, чтобы их энергия была материализована) привела к появлению долгов, инфляции и других затруднений»⁸⁵. «Экономисту» вторил Ф. Прайз: «Крупные суммы из иностранной помощи брошены на ветер. Предприятия, в том числе сахарные заводы, построены на местах, где невозможно их эффективно использовать»⁸⁶. Но неправильно утверждение Прайза, будто на строительство промышленных предприятий затрачены крупные суммы из иностранной помощи, поскольку на это ушло гораздо больше собственных турецких средств. Касаясь ошибок правительства Мендереса в географическом распределении сахарных заводов, «Монд» писала: «Завод в Эрзруме был построен, несмотря на возражения иностранных экспертов. Он работает всего лишь несколько дней в году за неимением сахарной свеклы, которая не культивируется в этом горном районе в необходимых количествах. Таково положение и с электростанциями, построенными в районах, где почти не было никакой промышленности»⁸⁷. Далее газета указывала, что «разумное планирование было оставлено, и экономика страны пошла по пути анархии и спекуляции»⁸⁸.

Журнал «Нью-рипэблик» пошел еще дальше в неправильном объяснении причин расстройств экономики и финансов Турции. «Иногда говорят, — читаем на его страницах, — что громоздкость турецкой армии является главной причиной экономических трудностей Турции, приведших ее в прошлом году к краху. Это миф»⁸⁹. После этого повторяется тот тезис, что трудности в большинстве своем вызваны бесплановым развитием экономики, что военные расходы, составляющие якобы

⁸³ F. L'Huillier, *ibid*, p. 179.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ „Economist“, 1958, 22 november, p. 706.

⁸⁶ „Spectator“, 1960, 2 december, p. 889.

⁸⁷ „Monde“, 1960, 3 août.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ „New Republic“, 1959, 26 january, p. 9.

не более 5—6% национального дохода страны, отнюдь не могут служить их причиной⁹⁰. Высказывалось также мнение, будто тяжелое экономическое положение страны—результат низкой урожайности зерновых и других сельскохозяйственных культур⁹¹. Правда, в 1959 г. сбор зерновых снизился почти на 10% по сравнению с предыдущим годом⁹², но это не могло быть главной причиной создавшихся трудностей. А. Х. Башар, один из бывших активных членов ДП, причину кризиса видел в политике правительства, взявшего линию на ускоренное экономическое развитие⁹³. Министры правительства Гюрсея — Э. Алиджан и Ш. Инан прикрывали действительную причину кризиса рассуждениями о расточительной и показной экономико-финансовой политике правительства Мендереса⁹⁴. В частности, Э. Алиджан еще в прениях по бюджету 1957/58 финансового года указывал, что основной причиной тяжелого экономического положения страны являются «беспланные, беспрограммные и нерентабельные капиталовложения в промышленность»⁹⁵.

Несомненно, в этих рассуждениях имеется доля правды. Правительство Мендереса, планируя строительство промышленных предприятий, не всегда исходило из принципа рентабельности, допускало грубые просчеты в их географическом распределении и тем самым наносило ущерб экономике страны. Слишком дорого обходилось строительство гидроэлектростанций. Например, окончание строительства Сарьерской электростанции было запланировано на 1954 г. со стоимостью в 150 млн. лир. Фактически ее сдали в эксплуатацию в 1956 г., а строительство обошлось в 270 млн. лир⁹⁶. Аналогичным примером может служить также строительство Сейханской электростанции, завершение которого намечалось в 1954 г. Между тем строительство завершилось лишь в 1956 г. с повышением стоимости станции на 44 млн. лир⁹⁷. Строительство промышленных и других предприятий, как отмечалось в зарубежной печати, зачастую преследовало политическую цель — поднять авторитет правительства и лично Мендереса.

⁹⁰ „New Republic“, *ibid.*, p. 9.

⁹¹ „Middle Eastern Affairs“, 1958, January, p. 4.

⁹² «Экономическое положение стран Азии и Африки в 1959 году», стр. 232.

⁹³ A. H. Başar, *Demokrasi buhranları*, s. 79.

⁹⁴ „Ulus“, 1960, 18 ve 22 Haziran.

⁹⁵ „Görüşümüz“ (Hürriyet partisi meclis grubu), s. 30.

⁹⁶ Aynı eser, s. 30.

⁹⁷ Там же.

Приверженцы ДП дали Мендересу кличку «зодчий»⁹⁸. Страдая манией величия, Мендерес во время своих зарубежных поездок по телефону вносил коррективы в планы строительства предприятий. Его указания немедленно принимались к руководству. Баяр, Мендерес и их окружение принимали участие в пышных торжествах при закладке и пуске новых заводов и фабрик, гидроэлектростанций и железных дорог, используя это для восхваления своей экономической политики. Мендерес демагогически заявлял, что страна не развивается, а заново строится⁹⁹.

Объяснение экономических и финансовых трудностей Турции главным образом ошибками и недочетами строительства преследовало единственную цель — всячески оправдать военные расходы и доказать, что якобы при правильном размещении промышленности можно предотвратить кризисные явления в экономике. Внушая массам эту идею, правительство пыталось ослабить их борьбу против превращения страны в плацдарм американского империализма.

Основоположники марксизма давно разоблачили всю фальшь подобных утверждений. К. Маркс указывал, что военные расходы и производство на войну — «в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала»¹⁰⁰. Эта мысль К. Маркса получила свое дальнейшее развитие в Программе КПСС. «Милитаризм, — говорится в ней, — ведет к истощению наций, разорению народов, изнывающим под бременем налогов, растущей инфляции и дороговизны»¹⁰¹. Экономические и финансовые последствия политики милитаризации, которую проводило правительство Мендереса, полностью подтверждают этот вывод. Факт ухудшения экономического положения Турции вследствие политики милитаризации не признавал и сам Мендерес. Как ни парадоксально, даже такой ярый милитарист и вдохновитель западногерманского реваншизма, как Аденауэр, причину экономических затруднений Турции видел в чрезмерных военных расходах и содержании большой армии¹⁰². «Вашингтон пост энд Таймс геральд» в этой связи также выдвигала на первый план непомерные военные расходы Турции¹⁰³.

⁹⁸ A. Tunçer, Modern Türkiyenin mimarı Adnan Mendares.

⁹⁹ A. H. Başar, aynı eser, s. 90.

¹⁰⁰ «Архив Маркса и Энгельса», т. 4, стр. 29.

¹⁰¹ «Программа КПСС», стр. 29.

¹⁰² „Vatan“, 1958, 29 temmuz.

¹⁰³ „Washington Post and Times Herald“, 1959, 9 december.

В поисках выхода из создавшегося экономического и финансового положения правительство Мендереса неоднократно обращалось к США с просьбой расширить экономическую «помощь» (300—500 млн. долл.). «Американцы оплатят, думал Мендерес, и проблема будет в общем решена» — так писала «Монд» об умонастроениях турецких правителей, стремившихся за счет американской «помощи» преодолеть экономические трудности. Но все попытки Баяра, Мендереса, Полаткана, Зорлу и других, предпринявших в период 1953—1957 гг. специальные поездки в США для переговоров на эту тему, кончились неудачей¹⁰⁴. США были против предоставления широкой экономической «помощи» Турции. Такое поведение правящих кругов США нашло свое обоснование в так называемой «доктрине Рокфеллера». Имея в виду Турцию, один из столпов американского империализма писал, что «пойманная рыбка в приманке не нуждается» и что Турции следует оказать «помощь» только в той мере, какой хватило бы на то, чтобы правительство смогло остаться у власти и подавило оппозицию¹⁰⁵. И только в августе 1958 г. США и другие западные страны согласились предоставить Турции экономическую «помощь» в сумме 359 млн. долл. Значительную часть этой суммы — 234 млн. долл., предоставили США в качестве военной «помощи». Остальную часть предоставили МВФ (25 млн. долл.) и ЕПС (100 млн. долл.), причем половину суммы ЕПС предоставила Западная Германия. Касаясь причин предоставления этой «помощи», «Ное Цюрихе» писала, что в данном случае была предпринята попытка спасти турецкую экономику, которая села на мель¹⁰⁶.

«Помощь», разумеется, была предоставлена на очень жестких условиях. Монополистические круги США и других западных держав потребовали от правительства Мендереса девальвации лиры, что было осуществлено в начале августа 1958 г. Далее оно обязывалось ввести новый внешнеторговый режим, обложить налогами доходы с сельского хозяйства, прекратить выдачу кредитов государственным экономическим организациям и средств на строительство новых и завершение ранее начатых промышленных предприятий, не имеющих военного значения. Условиями займа предусматривались также сокращение кредитов частных банков и увеличение ставок на них, отказ от контроля над ценами и прибылями. Кроме того, Турция испытала дополнительный нажим со стороны Западной Германии. Бюджетная комиссия бундестага

¹⁰⁴ „Monde“, 1960, 4 août.

¹⁰⁵ «Правда», 17 февраля 1957 г.

¹⁰⁶ „Neue Zürliche Zeitung“, 1958, 30 Juli.

потребовала от Турции вернуть немецкое имущество в сумме почти 120 млн. марок, конфискованное турецкими властями в период второй мировой войны. Далее ФРГ потребовала, чтобы половина товаров, экспортируемых в Турцию, перевозилась западногерманскими судами. Правительство Мендереса приняло эти требования, и бундестаг решил предоставить Турции «помощь» в вышеуказанной сумме, равной 210 млн. марок¹⁰⁷.

На основе продиктованных условий правительство Мендереса принялось за подготовку трехгодичного плана капиталовложений, названного «программой стабилизации». Последняя предусматривала сокращение государственных капиталовложений, сбалансирование бюджета, приостановку инфляции и роста государственных долгов, а также увеличения налогового бремени. Особое внимание уделялось сельскому хозяйству, разработке полезных ископаемых, в частности хрома, угля и развитию туризма. ОЕЭС одобрила программу «стабилизации» с тем, чтобы Турция через полгода возобновила уплату торговых долгов.

«Помощь» западных держав не улучшила экономическое положение страны, поскольку продолжалась политика милитаризации. Как писала «Монд», эффект этого переливания (заем в сумме 359 млн. долл. — Р. К.) исчез быстро, экономический упадок повлиял особенно на наемных рабочих и на тех, кто имел неизменные доходы¹⁰⁸. Эта же газета, касаясь «программы стабилизации», писала, что последняя «вызвала упадок и крах мелких предприятий, увеличение безработицы и головокружительный рост стоимости жизни. Классы с неизменными доходами стали ее первыми жертвами»¹⁰⁹.

Сокращение банковских кредитов с одновременным повышением учетной ставки привело к нехватке оборотных средств у частных предпринимателей, торговцев и коммерсантов, что в свою очередь явилось причиной свертывания производства в ряде отраслей промышленности, банкротства множества крупных и мелких фирм, роста безработицы и дальнейшего перенапряжения финансов. Так, например, в 1959 г. добыча хромовой руды по сравнению с 1958 г. упала на 15,6%, железной руды — на 7,9%, меди — на 38,7%. Сократилось также производство резино-технических изделий, разорилось большое количество кустарей, ремесленников и надомников. Что касается состояния финансов, то сам Мендерес в начале

¹⁰⁷ „Financial Times“, 1959, 2 december.

¹⁰⁸ „Monde“, 1960, 29—30 mai.

¹⁰⁹ „Monde“, 1960, 3 août.

1960 г. заявил: «Турция находится на краю финансового банкротства»¹¹⁰.

Одновременно правительство Мендереса решило присоединить Турцию к Общему рынку. Оно рассчитывало таким путем добиться широких возможностей для экспорта сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых в страны, входящие в Общий рынок. Оно надеялось также получить от этих стран новые кредиты на осуществление трехгодичного плана капиталовложений.

Программа «стабилизации» и решение о присоединении к Общему рынку были обсуждены с вице-канцлером и министром хозяйства ФРГ Эрхардом во время его визита в Турцию летом 1959 г. Эрхард одобрил план капиталовложений и обещал поддержку ФРГ при обсуждении этого плана в ОЕЭС. Он обещал также поддержать решение правительства Мендереса о присоединении к Общему рынку, исходя из следующих соображений. Во-первых, Западная Германия имеет более сильную и развитую экономику, нежели страны НАТО, кроме США¹¹¹, а также страны, входящие в этот рынок. Во-вторых, она имеет сильные позиции во внешней торговле, промышленности и разработке полезных ископаемых Турции, поэтому вступление последней в Общий рынок приведет к усилению ее позиций. Таким образом, Западная Германия поддержала решение правительства Мендереса о вступлении в Общий рынок в целях дальнейшего усиления своей экономической экспансии в Турции.

Военные расходы явились источником высоких прибылей для турецких промышленников, купцов, торговцев, коммерсантов, подрядчиков, помещиков и кулаков.

Процесс обогащения турецкой буржуазии можно проследить по росту абсолютных цифр национального дохода, за средними величинами которого скрывается обогащение эксплуататорских классов и обнищание трудящихся масс. По заявлению Э. Алиджана, национальный доход на душу населения в 1958 г. составил 552 лиры против 440 лир в 1950 г. в ценах 1948 г.¹¹², общая ее сумма — 15455 млн. лир против 9088 млн. лир в 1950 г.¹¹³.

Долю эксплуататорских классов в национальном доходе страны подсчитал депутат от НРП Р. Текели. По его данным, в 1958 г. три четверти прибылей от промышленности (всего более 5,6 млрд. лир) пало на долю буржуазии и государства¹¹⁴.

¹¹⁰ „Neues Deutschland“, 1960, 31 mai.

¹¹¹ «Правда», 15 января 1960 г.

¹¹² „Ulus“, 1960, 18 haziran.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ „Ulus“, 1960, 23 şubat.

Другим источником для изучения процесса обогащения турецкой буржуазии и движения национального дохода могут служить данные о количестве промышленных и торговых обществ, о сумме их основного капитала и прибылей, а также число миллионеров. В 1957 г., согласно данным статистического управления, в стране имелось 1444 разных обществ с чистой годовой прибылью в сумме 448.526 тыс. лир¹¹⁵.

Сюда входили 464 акционерных общества с общим капиталом в 200 млн. лир, 580 обществ—лимитед с общим капиталом в 77 млн. лир, 100 государственных предприятий с годовой прибылью 135 млн. лир, 35 иностранных обществ и другие¹¹⁶. В вилайетах Стамбул, Измир, Анкара, Бурса, Эскишекир, Коджаели и Сакарья число промышленных предприятий в 1957 г. возросло в 4 раза по сравнению с 1949 г. и составило 27248 единиц¹¹⁷.

Не менее красноречивым свидетельством обогащения буржуазии явилось увеличение количества банков и банковских вкладов.

В 1957 г. сумма этих вкладов составила 5331 млн. лир¹¹⁸ против 990 млн. лир 1949 г.¹¹⁹. Данные об этом приводятся также К. Карпатом. Согласно его подсчетам, банковские вклады в 1957 г. составили 6 млрд. лир против 702,8 млн. лир в 1947 г.¹²⁰. В старейшем турецком частном банке Ишбанкасы, в 1956 г. общая сумма вкладов составила 1,1 млрд. лир против 282,5 млн. лир в 1950 г.¹²¹ (увеличилась почти в четыре раза). Наряду с этим возросли размеры банковского и другого кредита. На 31 марта 1957 г. сумма торгового, промышленного, сельскохозяйственного и ипотечного кредита составила 7278 млн. лир против 1588 млн. лир в 1950 г.¹²². По данным Х. Полаткана, в 1957 г. банковский кредит выразился в сумме 7701 млн. лир против 1330 млн. лир в 1950 г.¹²³. В период правления ДП было основано множество банков — Райбанк, Памукбанк, Экспресс, Эснафкреди, Бугдай, Стамбул, Демир, Вакуф, Санайи, Халк, Денизджилик, Догу и другие. Кроме того, в разных частях страны появилось более 100 агентств старых и новых банков.

¹¹⁵ „Ekonomi gazetesi“, 1957, 12 şubat.

¹¹⁶ „Ekonomi gazetesi“, 1957, 12 ocak.

¹¹⁷ „Türkiye nasıl ilerliyor“, s. 43.

¹¹⁸ „İstanbul“, 1957, 19 decembre.

¹¹⁹ M. Atalay, Türk millî bankacılığı, s. 60.

¹²⁰ K. H. Karpat, ibid, p. 92.

¹²¹ „Ekonomi gazetesi“, 1957, 12 şubat.

¹²² „Türkiye nasıl ilerliyor“..., s. 111.

¹²³ „İstanbul“, 1957, 19 decembre.

Помимо данных об увеличении сумм частных вкладов и банковских кредитов, свидетельствующих об обогащении турецкой буржуазии, об этом говорят также данные о прибылях отдельных промышленных предприятий и обществ.

Например, за 1956 г. Турецкое нефтяное общество получило 13,4 млн. лир, Карабюкский сталелитейный завод — 10 млн. лир, Измитская бумажная фабрика — 6,8 млн. лир прибыли¹²⁴. Особенно высокие доходы имели сахарные заводы, например, завод Адапазара, получивший за сезон 1954 г. 10 млн. лир прибыли¹²⁵.

Важным источником для изучения этого вопроса могут служить планы строительства промышленных и других предприятий, в которых подсчитывались также их прибыли.

Было подсчитано, что годовичная прибыль 11 сахарных заводов, построенных после 1950 г., составит приблизительно 200 млн. лир¹²⁶, прибыль цементных заводов — 170 млн. лир¹²⁷. Продукция хлопчатобумажных фабрик, построенных за тот же период, сулила 338 млн. лир прибыли¹²⁸, производство искусственного волокна — 18 млн. лир¹²⁹, производство стали и труб — 233 млн. лир¹³⁰, производство бумаги — 100 млн. лир¹³¹.

В рассматриваемый период появились новые миллионеры. В 1960 г. их число достигло 100 против 13 в 1953 году¹³². Среди них У. Авундук, К. Ташкенд, В. Коч, Ш. Зюмре, Ш. Кочак, Сазаки и другие. В период избирательной кампании 1957 г. Мендерес хвастливо заявил, что теперь в каждом квартале имеется по 10—15 миллионеров¹³³. Правда, приведенные им данные несколько преувеличены, но факт остается фактом, что политика милитаризации страны и усиления эксплуатации трудящихся привела к обогащению верхушки турецкой буржуазии.

За время правления ДП огромные богатства нажили помещики и кулаки. Достаточно сказать, что прибыли от сельского хозяйства составили более половины национального дохода (см. стр. 33, 56). Если учесть, что основными произво-

¹²⁴ „Ekonomi gazetesi“, 1957, 3 nisan, 21 ocak ve 12 mart.

¹²⁵ „Ekonomi gazetesi“, 1954, 2 kasım.

¹²⁶ „Türkiye nasıl ilerliyor“... s. 16.

¹²⁷ Aynı eser, s. 22.

¹²⁸ Aynı eser, s. 25.

¹²⁹ Aynı eser, s. 33.

¹³⁰ Aynı eser, s. 37.

¹³¹ Aynı eser, s. 40.

¹³² „Cumhuriyet“, 1962, 17 aralık.

¹³³ К. Н. Карпат, *ibid.*, p. 119.

дителями товарной продукции сельского хозяйства являлись помещики и кулаки, то ясно, что им и досталась значительная часть прибыли. Обогащению земельной аристократии содействовали высокие цены на сельскохозяйственные товары, реализуемые на внутреннем рынке. Да и политика правительства вела к этому. Оно закупало продукцию сельского хозяйства по более высоким ценам, по сравнению с ценами на экспорт, покрывая дефицит за счет государства.

Все эти явления и факты, ставшие характерными для турецкой действительности, свидетельствовали о значительной концентрации частного капитала и усилении позиций торгово-финансовой и промышленной буржуазии.

Разбазаривание государственных средств создало самые благоприятные условия для личного обогащения министров и депутатов правящей партии. Эта категория людей нажила огромные капиталы путем различного рода махинаций, взяток и грабежа казны.

К примеру, Баяр, находясь в течение десяти лет на посту президента республики, нажил капитал в сумме 103 млн. лир¹³⁴. Он брал крупные взятки от иностранных фирм, в частности, в 1956 г. получил взятку от шведской телефонной компании «Л. М. Эриксон»¹³⁵. Не отставал и Мендерес. Личный долг его казне составлял 13.462.249 лир¹³⁶. Мендерес превратил «специальный фонд» при премьер-министре в своеобразную кормушку, откуда брал деньги на личные расходы. В течение долгого времени он безвозмездно снимал сорокакомнатный этаж в доме, находящемся в Парк-отеле (Стамбул)¹³⁷. Х. Полаткан брал взятки от двух акционерных обществ — «Винилкекс» и «Стандарт» за обеспечение кредитов и сырья на льготных условиях. Сумма взяток, полученных Х. Полатканом только от «Винилкекса», составляла 110 тыс. лир¹³⁸. Он присвоил также два парохода, купленных на средства государства¹³⁹. Зорлу, который сравнительно недолго находился на посту министра иностранных дел, назвали «господином 10 процентов» за получение комиссионных от разных лиц. Накануне свержения правительства ДП он уже именовался «господином 50 процентов»¹⁴⁰. Зорлу занимался также валютными махинациями. Во время ареста у него оказались расписки, свидетельствующие о получении им 4,5 млн. лир

¹³⁴ «Международная жизнь», 1960, № 12, стр. 114.

¹³⁵ „1962 Türkiye yılığı“, s. 78.

¹³⁶ „Ulus“, 1960, 25 kasım.

¹³⁷ „Ulus“, 1959, 8 aralık.

¹³⁸ „1962 Türkiye yılığı“, s. 81.

¹³⁹ „Ulus“, 1960, 2 haziran.

¹⁴⁰ „Monde“, 1960, 3 août.

взятки и 2,5 млн. лир за «содействие» строительству Мерсинского порта¹⁴¹. Он присвоил 7 пароходов, приобретенных за счет государства¹⁴². Казнокрадством и взяточничеством занимались и остальные члены верхушки ДП. В течение семи лет Сельскохозяйственный банк предоставил 75 млн. лир кредита двум обществам — «Кромит лимитед» и «Истанбул демирчелик санайи», так как в этом были лично заинтересованы С. Агаоглу, Э. Калафат и М. Сароль¹⁴³. С. Агаоглу допускал также злоупотребления в Управлении целлюлозной и бумажной промышленности. Министр внутренних дел Н. Гедик и министр торговли Х. Эркмен за счет банковских кредитов построили большой доходный дом в Анкаре, который сдавался по найму¹⁴⁴. Министр сельского хозяйства Н. Окмен продал Деловому банку земельный участок жены и получил 500 тыс. лир. Этот же банк предоставил ЦК ДП 5 млн. лир на избирательные цели¹⁴⁵. Всеми этими злоупотреблениями занимались и рядовые депутаты меджлиса, губернаторы вилайетов, сотрудники аппарата правящей партии, словом—все те, в чьих руках находилась власть. Коррупция и взяточничество, грабеж казны стали общим явлением, поощряемым верхушкой правящей партии, пронизывающим весь государственный и управленческий аппарат сверху донизу. Характеризуя атмосферу всеобщей коррупции, Ф. Прайз писал: «Стремление к «освобождению народа», однако, скоро вылилось в систему, способствовавшую процветанию спекуляции, коррупции и растратам государственных средств»¹⁴⁶.

«Это разбазаривание средств, — писала «Монд», — не было случайным. Зачастую правительственные решения диктовались избирательными соображениями. Взятка стала всеобщей. Тот, кто добивался лицензии на импорт или на предоставление валюты; делец, желающий заключить соглашение с каким-нибудь государственным учреждением; богатый крестьянин, хлопочущий о проведении воды или прокладке дороги около его земли, — все они должны были для достижения своих целей уметь постучаться в нужную дверь. Некоторые руководители ДП превратились в коммерсантов. За вознаграждения они добивались для своих «клиентов» благосклонности власти».

В политике милитаризации правящие круги Турции видели источник легкой наживы и прибыли, она содействовала их обогащению за счет трудящихся масс.

¹⁴¹ „Ulus“, 1960, 2 haziran.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ „Ulus“, 1960, 3 haziran.

¹⁴⁴ „Akis“, 1960, 30 mayıs, s. 8.

¹⁴⁵ „Ulus“, 1960, 18 haziran.

¹⁴⁶ „Spectator“, 1960, 2 december, p. 889.

ПОЛИТИКА ПОДАВЛЕНИЯ ПРОГРЕССИВНЫХ
И ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ

Внутриполитическая линия правительства Мендереса и демократической партии была направлена на укрепление буржуазно-помещичьей формы правления, усиление позиций реакции в стране. Она соответствовала взятому правящей верхушкой курсу на участие страны в агрессивных военных блоках.

Непосредственно после прихода к власти правительство Мендереса встало на путь организации репрессий и гонений против демократических сил. Свой основной удар оно сконцентрировало против Коммунистической партии. Тем самым ДП стала прямым продолжателем реакционной политики антикоммунизма, проводимой НРП.

Антикоммунизм в Турции имеет свою историю. Как известно, в начале 1921 г. руководители турецкой компартии во главе с Мустафой Субхи были зверски убиты и брошены в море. В 1925 г. компартия в Турции была объявлена вне закона. После второй мировой войны, в мае 1948 г., в Турции была создана специальная организация — «Комиссия по борьбе с коммунизмом» во главе с махровым реакционером Ялчином, депутатом меджлиса от правящей партии.

В июле 1948 г. правительство инсценировало судебный процесс против руководителей социалистической рабоче-крестьянской партии во главе с Шефиком Хюсюн Деймером. 44 человека были приговорены к тюремному заключению от одного до четырех лет, а Деймер, несмотря на престарелый возраст, к пяти годам ссылки. Был также организован ряд других судебных процессов против деятелей профсоюзов и представителей прогрессивной интеллигенции, обвиненных в «коммунистической деятельности».

В начале 1951 г. меджлис возобновил обсуждение законопроекта, направленного на ликвидацию компартии. Эта кампания сопровождалась усилением антикоммунистической истерии в печати, арестами коммунистов и других патриотов. В октябре 1951 г., когда обсуждение законопроекта подходило к концу, в Стамбуле, Анкаре, Назилли, Кайсери, Измире, Адане, Зонгулдаке, Карабюке и других городах была арестована группа лиц, которых обвинили в «коммунистической деятельности».

Характерно, что аресты производились не гражданскими властями, а военной прокуратурой.

В печати была поднята шумиха по поводу «коммунистической опасности» с тем, чтобы оправдать принятие закона. 53 депутата меджлиса от правящей партии во главе с известным реакционером Ш. Моджаном начали кампанию за предание арестованных суду до утверждения законопроекта. Они потребовали также пересмотра соответствующих статей уголовного кодекса, добиваясь применения смертной казни в отношении лиц, обвиненных в коммунистической деятельности.

28 ноября 1951 г. меджлис утвердил этот законопроект. В своей новой редакции первый параграф статьи 141 уголовного кодекса предусматривал, что руководители и активные члены организаций, целью которых является подрыв господства одного класса над другим и свержение существующих в стране экономических и социальных порядков, впредь должны приговариваться к смертной казни¹.

При подготовке законопроекта из первоначального текста параграфа были изъяты слова «насильственным образом», что намного расширяло рамки применения закона и предоставляло властям неограниченные возможности для обвинения в антигосударственных преступлениях лиц, поднимающих голос в защиту трудящихся. 30 ноября меджлис одобрил второй, третий, четвертый, пятый и шестой параграфы статьи 141 уголовного кодекса. Согласно второму параграфу, лица, занимающиеся пропагандой с целью «установления господства одного класса над другим, ликвидации какого-либо класса, свержения основ экономических, социальных, политических и правовых порядков государства», впредь должны приговариваться к каторге сроком от пяти до десяти лет².

В тексте нового закона отсутствуют слова «коммунист», «компартия». Они изъяты, видимо, с той целью, чтобы дать возможность правительству обвинять в таких «преступлениях» не только коммунистов, но и всех тех, кто выступает в защиту демократии.

Принятие закона вызвало возмущение среди трудящихся и прогрессивной интеллигенции. Закон носил столь архиреакционный характер, что против него вынуждены были выступить и некоторые депутаты меджлиса. Они указывали, что новый закон — это копия антикоммунистического закона, принятого в Италии времен Муссолини. Один из депутатов меджлиса Дж. Тюрк заявил, что закон предоставляет правительству возможность оклеветать любого человека и совершить

---

¹ „Zafer“, 1951, 29 kasım; K. N. Karpat, *ibid.*, p. 371.

² „CHP'nin El Kitabı“, s. 133.

над ним расправу, что с его принятием «в Турции начнется кровавый режим»³.

Этот закон стал правовой основой политики репрессий и гонений, проводимой партией лжедемократов против демократии.

В декабре 1952 г. в Турции было основано «Общество борьбы с коммунизмом» — филиал международной антикоммунистической организации «Мир и свобода». Председателем общества был избран председатель парламентской фракции ДП Х. Кеймен, а генеральным секретарем — З. Эбюзия, депутат меджлиса от той же партии. Это общество проводило широкую кампанию клеветы против международного рабочего, профсоюзного и коммунистического движения и турецких коммунистов. Оно стало пособником правительства в преследованиях коммунистов. Впоследствии «Общество борьбы с коммунизмом» было переименовано в «Общество служителей общим интересам»⁴.

В период правления ДП в стране имели место многочисленные аресты. По заявлению Мендереса, к концу 1951 г. было арестовано 180 человек, заподозренных в «коммунистической деятельности». К этому времени были закрыты многие журналы и газеты, такие, как «Хюр Генчлик», «Чомур», «Нухун Гёмиси», «Герчек», «Марко-паша», «Хюр Марко-паша».

Дошло до того, что в начале декабря 1951 г. был арестован ученик средней школы Бурсы Н. Тектимур. Вся его вина заключалась в том, что в тетрадях своих товарищей он нарисовал серп и молот⁵.

В феврале 1952 г. в Денизли власти арестовали ученика девятого класса лицея С. Йылдыза, написавшего на стене «Да здравствует коммунизм»⁶. Такая же участь постигла плотника Низамеддина, осмелившегося крикнуть на измирской ярмарке — «Да здравствует Россия»⁷.

В декабре 1952 г. были арестованы артисты Анкарского государственного театра Р. Су, У. Ураз, Адж. Сайилган, К. Б. Позманов и С. Терек⁸, несколько позднее — В. Ашикян⁹, К. Элмаджи, восемь человек в Айвалыке¹⁰, 11 членов профсо-

³ „Новое время“, 1951. № 49, стр. 24.

⁴ „Yeni Istanbul“, 1957, 18 mart.

⁵ „Cumhuriyet“, 1951, 8 aralık.

⁶ „La République“, 1952, 11 février.

⁷ „Cumhuriyet“, 1952, 12 aralık.

⁸ „Vatan“, 1952, 10 aralık.

⁹ „Akşam“, 1952, 1 mayıs.

¹⁰ „Zafer“, 1953, 14 mart.

юза строительных рабочих в Стамбуле и четыре компаньона общества «Лале-фильм»¹¹.

Арестованных по обвинению в «коммунистической деятельности» или «коммунистической пропаганде» с каждым годом становилось все больше. В их числе были люди разных национальностей, профессий и политических взглядов. Характерно, что малейшее проявление симпатии к Советскому Союзу квалифицировалось как «коммунистическая пропаганда». Репрессии приняли широкий размах с тех пор, как правительство Мендереса стало объяснять пагубные последствия своей политики «кознями коммунистов». В частности, коммунистам было инкриминировано обвинение в организации погромов греков, армян и евреев в Стамбуле и Измире в начале сентября 1955 года. Последовали многочисленные аресты, однако провокация не достигла цели.

Осенью 1957 г. правительство Мендереса призвало к усилению борьбы с так называемым «тайным коммунизмом». В связи с этим была намечена программа сотрудничества между министерствами просвещения, внутренних дел и обороны. Программа предусматривала введение специальных уроков в школах и создание особых курсов для новобранцев с целью пропаганды антикоммунизма. Был поднят вопрос об усилении контроля на советско-турецкой границе¹². Все эти мероприятия послужили новым толчком к разжиганию антикоммунистического психоза, за которым последовали новые репрессии.

5 ноября 1957 г. был арестован генеральный председатель партии Ватан Х. Кывылджим¹³ по обвинению в «коммунистической пропаганде» накануне выборов в меджлис и использовании религии в политических целях¹⁴. Правда, вскоре Кывылджим был освобожден. Но в начале 1958 года власти запретили партию и вновь арестовали ее руководителя. Вместе с ним оказались в тюрьме и другие члены партии—всего 42 человека.

Правительство объявило преступниками сторонников мира и поставило их вне закона на том основании, что движение за мир якобы инспирировалось извне. 29 июля 1950 г. были задержаны руководители Общества сторонников мира—Б. Боран (председатель общества), А. Джемгиль (генеральный секретарь), К. Атиль (владелец типографии, где печата-

¹¹ «Работническо дело», 23 февруари 1954 година.

¹² „Zafer“, 1958, 5 osak.

¹³ Партия Ватан была организована в 1957 г., программа ее требовала улучшения жизненных условий трудящихся и проведения миролюбивой внешней политики.

¹⁴ „Istanbul“, 1957, 6 novembre.

лись воззвания), Б. Барут и О. Ф. Топракоглу (адвокаты), Н. Дж. Озремич (архитектор), М. Гюран (домашняя хозяйка) и др. Был арестован рабочий завода «Фесхане» А. Токер, приклеивший на стене цеха воззвание общества. Им были предъявлены обвинения в действиях, якобы направленных против «национальных интересов». Вслед за этим последовало закрытие органа общества, журнала «Барыш йолу». Подвергся гонениям и был обвинен в «коммунистической пропаганде» М. З. Сертель¹⁵ — активный деятель турецкого и международного движения сторонников мира, вынужденный в связи с этим покинуть пределы страны.

Турецкие власти преследовали сельские институты и их студентов. Правительство, как заявил министр «внутренних дел» Гедик, считало их «очагами коммунизма»¹⁶. «Мендерес, — писала «Монд», — не замедлил поддержать мнение о том, что эти институты нарушают общественный порядок. Некоторые из энтузиастов этих институтов были арестованы за «пагубную деятельность»¹⁷. Коммунистов искали всюду, в «коммунистической деятельности» подозревались почти все инакомыслящие. Маккартизм, «охота за ведьмами», газетная шумиха о «коммунистической опасности», — все это получило широкое распространение и было возведено в ранг государственной политики. В ноябре 1952 г. власти заподозрили «коммунистическую пропаганду» в носовых платках красного цвета, импортированных из Италии и якобы имевших изображение серпа и молота¹⁸.

Небезызвестный пантюркист П. Сафа, выражая мнения властей, писал: «Агенты коммунизма имеются в газетах, партиях, университетах и в большинстве клиник. Они действуют тайно, а порой даже открыто. Это агенты Кремля и те, кто восхищается Советами под влиянием этих агентов. Их цель состоит в том, чтобы присоединить Турцию к Советам»¹⁹. Сафа видел «коммунистическую опасность» даже в тканях красного цвета магазинов Сумербанка, в модернистских рисунках, в которых якобы обнаружил слово «Совет» и изображение серпа и молота²⁰. Небезынтересно отметить, что П. Сафа принимал активное участие в деятельности «Общества борьбы с коммунизмом»²¹.

¹⁵ „Cumhuriyet“, 1953, 23 haziran.

¹⁶ «Новое время», 1960, № 39, стр. 26.

¹⁷ „Monde“, 1960, 4 août.

¹⁸ „Yeni Istanbul“, 1952, 11 kasım.

¹⁹ „Tercuman“, 1959, 22 aralık.

²⁰ Там же.

²¹ „Milliyet“, 1957, 8 ocak.

О влиянии маккартизма на общественную жизнь Турции журналист А. Балкан писал следующее: «То, о чем у нас можно было свободно говорить, читать и писать в университетах и в печати пятнадцать лет назад, стало немыслимо теперь. Ныне учителя опасаются учеников, профессора — ассистентов, а редакторы газет — корреспондентов. Наша молодежь воспитывается в духе, далеком от гуманизма и действительного понимания положения в мире. Среди ремесленников и торговцев имеются даже такие люди, которые для устрашения своего конкурента сочиняют доносы, представляя его коммунистом»²².

Правительство Мендереса организовало ряд судебных процессов. Так, в апреле 1953 г. в Анкаре состоялся процесс против 11 лиц, привлеченных к суду по статье 141 уголовного кодекса. Все они были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Громкую известность получило провокационное судилище, затеянное правительством против коммунистов и других патриотов в Стамбуле. 15 октября 1953 г. в военном трибунале первой турецкой армии начался судебный процесс против 167 патриотов, арестованных еще в 1951 г. Из отрывочных сообщений турецкой печати известно, что подсудимые обвинялись в организации «коммунистического заговора» с целью «свержения существующего строя и установления диктатуры пролетариата». Среди подсудимых было 156 мужчин и 11 женщин, в том числе 43 рабочих, 35 чиновников, 34 студента, 21 ремесленник, 8 безработных, 7 артистов и музыкантов, 6 преподавателей, 3 переводчика, 2 фабриканта, 2 военных, 2 адвоката, 1 купец и другие. Перед трибуналом предстали также Деймер и еще несколько лиц, ранее осужденных по делу социалистической рабоче-крестьянской партии Турции.

В подготовке судебной расправы над демократами, продолжавшейся почти два года, приняли активное участие военная прокуратура и охранка в составе более 300 полицейских. Во время допроса арестованные подверглись нечеловеческим пыткам. Страха стамбульской тюрьмы изнасиловала арестованных женщин и девушек. Выпускник Стамбульского университета Ш. Акшык сошел с ума от пыток. Обвиняемый К. Эргин на суде заявил: «Среди арестованных, сидящих перед судом, 15 человек потеряли рассудок. Я не буду вызывать в памяти пытки, которым нас подвергали»²³. Несколько раз заключенные объявляли голодовку в знак протеста. Первые

---

²² „Cumhuriyet“, 1960, 8 mart.

²³ „Istanbul“, 1953, 16 octobre.

дни заседания трибунала проходили при открытых дверях, но вскоре власти решили перейти к закрытым заседаниям, опасаясь широкой огласки. Подсудимые, в частности С. Тары, заявили протест против рассмотрения их дела в военном трибунале и одновременно выразили недоверие членам трибунала и прокурору Х. Юлджеру. Эти возражения, однако, были отклонены. Процесс затянулся почти на целый год. За это время число обвиняемых увеличилось еще на 17 человек. 7 октября 1954 г. трибунал приговорил 131 человека к тюремному заключению сроком от одного до 10 лет²⁴. Среди них были Ш. Орман, А. Оздемир, Ы. Акшык, Э. Берктай и Ф. Урал. З. Баштымар, К. Эргин, М. Бильгю и А. Демирхан были приговорены к 10 годам тюремного заключения²⁵. После отбытия тюремного заключения приговоренные должны были находиться в ссылке в течение двух-трех лет. Процесс, фактически, окончился лишь в августе 1957 года. Военный трибунал Анкары, куда поступили дела остальных, лишенных права кассации 34 человек, приговорил их к различным срокам тюремного заключения и ссылки²⁶.

В дальнейшем турецкие правители организовали ряд других антикоммунистических процессов. 9 апреля 1954 г. было возбуждено судебное дело против 20 членов профсоюза строительных рабочих Стамбула, обвиненных в «коммунистической пропаганде». Суд и на этот раз проходил при закрытых дверях²⁷. В декабре 1954 г. в Кыркларели власти осудили еще пять человек: О. Баязида, Ф. Актана и Х. Йозгана — к восьми годам тюремного заключения и ссылке, Ш. Акынджиоглу и А. А. Ваштана — к 28 и 16 месяцам тюремного заключения и ссылке²⁸. В январе 1958 г. начался второй крупный процесс: перед судом предстали Х. Кывылджим и другие руководящие члены партии «Ватан». Все они обвинялись в «коммунистической деятельности» с применением той же статьи 141. В обвинительном заключении отмечалось, что партия «Ватан» играла роль подпольной компартии, в уставе которой якобы содержались некоторые статьи из Конституции СССР. В основе этой прокурорской стряпни фигурировало, что Кывылджим и ряд других членов партии в прошлом были несколько раз осуждены за «коммунистическую пропаганду». В декабре 1959 г. был объявлен перерыв в судебных заседаниях, и Кы-

²⁴ „Cumhuriyet“, 1954, 8 ekim.

²⁵ „Istanbul“, 1954, 8 octobre.

²⁶ „Ulus“, 1957, 8 agustos.

²⁷ „Istanbul“, 1954, 10 avril.

²⁸ „Cumhuriyet“, 1954, 12 aralik.

вылджим, генеральный секретарь партии Ахмед Джансузоглу, члены партии Осман Серджан и Хюсейн Казанджи были освобождены из-под ареста²⁹. Но их предупредили, что процесс будет продолжен.

Антикоммунистические процессы в Турции проходили почти беспрерывно во всех частях страны.

19 ноября 1950 г. в Анкаре был проведен постыдный процесс над руководителями Общества сторонников мира.

Несмотря на то обстоятельство, что они были арестованы за действия, якобы направленные против «национальных интересов», их обвинили согласно статье 161 уголовного кодекса «за подстрекательство армии к мятежу». Руководители общества опубликовали опровержение против этой гнусной клеветы и довели до сведения общественности факты издевательства над ними со стороны тюремных властей. В декабре 1950 г. семь руководителей и членов общества были приговорены к тюремному заключению сроком на 3 года и 9 месяцев. Судебная расправа над сторонниками мира была актом глумления над совестью турецкого народа. Самый факт осуждения их благородной деятельности явился разоблачением правителей ДП как ярых милитаристов и сторонников усиления «холодной войны».

С точки зрения юридической, в ходе судебных процессов были нарушены элементарные нормы судопроизводства, — отсутствие состава преступления, слушание дел военным трибуналом, при закрытых дверях и без права на защиту.

Правительство ДП широко рекламировало репрессии против коммунистов и других патриотов, выставляя тем самым турецкое правосудие на посмешище мировой общественности. При помощи этих полицейских мер оно пыталось расположить к себе американских империалистов. Характерно, что всякий раз, когда турецкое правительство встречало препятствия на пути увеличения американской «помощи», оно делало все, чтобы усилить роль Турции в качестве антикоммунистического барьера, спекулировало на том, что якобы ей угрожает «коммунистическая опасность». Об этом, в частности, свидетельствовали американо-турецкие переговоры, состоявшиеся в декабре 1959 г. во время визита президента США Эйзенхауэра в Турцию. Баяр доказывал американскому президенту, что для ликвидации «коммунистической опасности» внутри страны необходимо не только продолжить предоставление «помощи», но и увеличить сумму последней³⁰.

²⁹ „Cumhuriyet“, 1959, 4 aralık.

³⁰ „Revue de défense nationale“, 1960, février, p. 323.

Аресты коммунистов, организация судебных процессов и другие репрессии в Турции находили одобрение и поддержку со стороны реакционных кругов США.

Американские империалисты не скрывали своего восторга позицией правительства Мендереса и ставили Турцию в пример другим союзникам США по НАТО. Дж. Макги писал, что «коммунизм как таковой объявлен в Турции вне закона. С теми, кого обнаруживают, поступают решительно». Далее он отмечал, что турецкое правительство «последовательно выступало против внутреннего коммунизма и сажало в тюрьмы активных организаторов»³¹. «Вашингтон пост энд Таймс Геральд», вторя Дж. Макги, писала: «Для Турции (т. е. правительства Мендереса.— Р. К.) борьба против коммунизма — это не только политика, это образ жизни, смысл существования, оправдание всего, что сделано и не сделано»³².

* * *

Правительство Мендереса проводило курс на возрождение религиозного фанатизма, рассчитывая таким путем одурманить трудящиеся массы, задержать рост их классового самосознания. Этот курс был составной частью общего наступления реакции против прогрессивных сил, средством усиления позиции буржуазии и помещиков.

Известно, что в период буржуазных реформ, осуществленных в Турции после провозглашения республики, религия была отделена от государства, школы и суды перешли в гражданское ведомство, были запрещены секты, ношение религиозной одежды и т. п. Право ношения религиозной одежды сохранилось лишь за духовенством и то в мечетях. 9 апреля 1928 г. были внесены изменения в конституцию, согласно которым ислам более не считался государственной религией³³. Постепенно власти закрыли все религиозные школы. Так, например, если в 1924 г. в Турции насчитывалось 29 школ имамов и проповедников, то в 1940 г. остались только две. Впоследствии и они были закрыты³⁴. В 1924 г. в школе богословия обучалось 284 студента, в 1933 г.—20 студентов, а в 1941 г. она была вовсе упразднена³⁵. Такая участь постиг-

³¹ „Foreign Affairs“, 1954, July, p. 626.

³² „Washington Post and Times Herald“, 1959, 9 december.

³³ „Revue française de science politique“, 1955, octobre—décembre, p. 763.

³⁴ К. Н. Каргат, *ibid*, p. 56.

³⁵ Там же.

ла и богословский факультет Стамбульского университета. В результате осуществления политики ланцизма позиции духовенства в турецком обществе были сильно подорваны.

Накануне и в период второй мировой войны, когда проведение буржуазных реформ значительно замедлилось, духовенство активизировало свою деятельность, в особенности в сельских местностях. В период войны стал издаваться журнал «Бююк Догу», требовавший возврата к религии. Молитвы в мечетях начали читаться на арабском языке. Раздавались требования о преподавании в школах арабского языка....

После войны правительство НРП пошло на некоторые уступки духовенству. Оно стремилось использовать религию в межпартийной борьбе против ДП, начавшей кампанию за свободу религиозного верования.

19 февраля 1948 г. парламентская фракция НРП решила ввести факультативное, а в действительности обязательное преподавание религии в двух последних классах начальных школ. В решении подчеркивалось, что обучение религии должно вестись на турецком языке под контролем государства. Тогда же было решено открыть богословский факультет при Анкарском университете. Решение о преподавании религии в школах вступило в силу с 1 января 1949 года. Одновременно открылось несколько школ по подготовке преподавателей религии в Анкаре, Стамбуле, Трабзоне и других городах. Возобновили свою деятельность некоторые мечети под видом ознакомления публики с их архитектурой.

Правительство Мендереса с большим рвением продолжало политику уступок духовенству. Эти уступки, как заявил И. Акчал, государственный министр, ведавший делами религии, правительство оправдывало фальшивым лозунгом о свободе мысли и вероисповедания³⁶.

16 июня 1950 г. меджлис принял постановление о чтении молитв на арабском языке³⁷. «Первым законом, принятым правительством Мендереса, было разрешение молиться по-арабски»³⁸. Принятие этого закона было нарушением конституции.

7 июля правительство разрешило чтение Корана по государственному радио³⁹. Передачи эти велись три раза в неделю. Стало обязательным преподавание религии в начальных и средних школах. Были восстановлены школы по подготовке имамов и проповедников, открылся факультет богословия при

---

³⁶ „Monde“, 1958, 31 décembre.

³⁷ „Revue française de science politique“, *ibid.*, p. 767.

³⁸ „Monde“, 1960, 3 juin.

³⁹ G. Lenczowski, *The Middle East in World Affairs*, p. 151.

Анкарском университете. Полуофициальная «Зафер» перешла на мусульманское летосчисление.

Повсюду в стране на средства государства строились новые мечети и ремонтировались старые. По данным «Монд», в период 1950—1960 гг. было построено 5000 мечетей, в то время как 16 тыс. деревень не имели школ⁴⁰. Строительство мечетей в четыре раза превосходило строительство школ⁴¹. В Анкаре огромная мечеть была построена прямо напротив мавзолея Ататюрка, как бы символизируя этим отход от провозглашенной им политики лаицизма⁴². В сельских местностях приступили к преподаванию арабской письменности. Духовенство огромными тиражами издавало на арабском языке Коран, который сперва тайком, а потом публично продавался у мечетей. Женщины стали носить чадру не только в провинциях, но даже в городах, включая Анкару, Стамбул и Измир. Участились случаи многоженства. Власти открыли 12 новых религиозных школ⁴³. К началу 1959 г. в Турции уже насчитывалось 19 таких школ с 4233 учащимися⁴⁴. Несмотря на разрешение религиозного обучения в школах, духовенство зачастую умудрялось тайком преподавать религию и в мечетях⁴⁵. В ноябре 1959 г. в Стамбуле открылась высшая школа ислама. На ее торжественном открытии присутствовали депутаты меджлиса от правящей партии, губернатор Стамбула и другие официальные лица во главе с министром просвещения Т. Илери. Пришли также многочисленные представители духовенства. Илери в своем выступлении восхвалял политику правительства и роль мусульманской религии в духовном развитии турецкого народа. Присутствовавшие возгласами одобрения встретили выступление Илери⁴⁶. Высшая школа ислама, рассчитанная на 80 студентов, имеет двухгодичный срок обучения. Ее выпускники направляются на преподавательскую работу в школы по подготовке имамов. Правительство насаждало религию также в армии.

В новых условиях возобновили и активизировали свою деятельность различные религиозные секты — бекташи (Стамбул), накшибанде (восточные вилайеты), мевлеви (Конья), тиджани, бахаи, акифи, нурджи и другие. Секты имели свои

⁴⁰ „Monde“, 1960, 4 août.

⁴¹ „Monde“, 1960, 3 juin.

⁴² Там же.

⁴³ „Monde“, 1960, 4 août.

⁴⁴ „Vatan“, 1959, 20 kasım.

⁴⁵ „Yeni İstanbul“, 1952, 22 aralık.

⁴⁶ „Vatan“, 1959, 20 kasım.

отделения не только в деревнях, но и в крупных городах. По данным турецкой печати, общее число сектантов в 1960 г. составляло 8 млн. человек⁴⁷. Особенно усилила свою деятельность секта нурджи, объединявшая 600 тыс. человек⁴⁸. Глава секты С. Нурси при содействии властей свободно совершал поездки по стране, проповедовал ношение фесок и религиозной одежды, вербовал новых сектантов.

«Реакционная буржуазия везде заботилась... о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов...»⁴⁹. Эти слова В. И. Ленина точно характеризуют сущность политики уступок духовенству и разжигания религиозного фанатизма в Турции.

Турецкая реакция приветствовала мероприятия правительства в области религии также потому, что усматривала в них одно из важных средств борьбы против распространения коммунистических идей. Подтверждение этому мы находим также у Ф. Люилиэ⁵⁰ и М. Коломба⁵¹.

Политика ДП в области религии пользовалась поддержкой правящих кругов США. «Фостер Даллес и его окружение,— писала «Франс обсерватёр»,—одолеваемые идеями двух миров: одного — атеистического и другого — верующего, поддерживали Мендереса и Баяра в их религиозной политике, лишь бы они гарантировали им ракетные базы на подступах к Кавказу»⁵². Правящая партия рассматривала религию как средство политической борьбы, с одной стороны, против классовых врагов, а с другой — против буржуазной оппозиции, против политических противников.

Не случайно «Обсервер» писала: «Мендересу удалось расширить влияние правящей партии в деревнях тем, что он открыл мечети, закрытые Ататюрком»⁵³. Имамы обрабатывали умы крестьян в духе рабской покорности, они учили: «бунт против правительства — это бунт против аллаха»⁵⁴. Правящая партия посредством духовенства натравливала население против оппозиционных партий и их деятелей. Муллы в молитвах говорили: «Ататюрк был английским шпионом, Инёню — слу-

---

⁴⁷ „Forum“, 1960, 1 temmuz, s. 6.

⁴⁸ „Monde“, 1960, 13 janvier.

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 146.

⁵⁰ F. L'Huillier, *ibid.*, p. 178.

⁵¹ „Revue française de science politique“, *ibid.*, p. 764, 768.

⁵² См. «Международная жизнь», 1960, № 7, стр. 62.

⁵³ „Observer“, 1960, 29 may.

⁵⁴ „Forum“, 1960, 1 temmuz, s. 7.

жил русским»⁵⁵. Духовенство всячески проводило среди верующих мысль о том, что сотрудичают с оппозиционными партиями, в особенности с НРП, только гяуры, что истинный мусульманин должен следовать за ДП. После известной лондонской авиационной катастрофы 17 февраля 1959 года, когда Мендерес остался жив, духовенство на все лады твердило, что аллах сохранил ему жизнь, так как перед вылетом он совершил жертвоприношение в мечети Эйюба⁵⁶. С тех пор Мендерес стал «избранником аллаха». Когда он возвращался в Стамбул и Анкару, приносились жертвоприношения, по всей стране читались молитвы за скорейшее его выздоровление. Власти использовали этот религиозный спектакль, чтобы представить Мендереса в ореоле славы и перетянуть на свою сторону избирателей, поверивших в непогрешимость его личности.

О том, что правящая партия использовала религию в качестве средства борьбы за власть, много раз подчеркивалось и западной печатью⁵⁷.

Турецкие власти, используя религию в политических целях, не останавливались даже перед преступлениями, наказуемыми в уголовном порядке — от одного до пяти лет⁵⁸. Но уголовный кодекс применялся властями лишь против оппозиционных партий.

Политика уступок религии привела к возрождению фашизма, к усилению ее позиций в общественной жизни страны. Духовенство при содействии членов ДП выступало против перевода Корана на турецкий язык, против латинского алфавита, за сохранение старых молитвенных обрядов⁵⁹. Оно требовало возврата к конституции 1924 г., согласно которой ислам считался государственной религией Турции⁶⁰. На страницах печати и в парламенте все громче раздавались голоса о восстановлении халифата. Всем этим выступлениям задавали тон члены ДП. Еще в 1951 г. на вилайетской конференции партии в Конье было принято решение о восстановлении шариатских судов, ношении феса и чадры, введении многоженства, употреблении арабского алфавита и уничтожении всех

⁵⁵ „Milliyet“, 1956, 2 nisan.

⁵⁶ P. Rondot, *L'Islam et les musulmans d'aujourd'hui*, t. II, p. 177, 1960.

⁵⁷ „Revue française de science politique“, *ibid.*, p. 767; „Times“, 1960, 23 february; „Combat“, 1960, 8 avril; „Observer“, 1960, 29 may.

⁵⁸ Там же, стр. 766.

⁵⁹ „Forum“, 1960, 1 temmuz, s. 7.

⁶⁰ F. L'Huillier, *ibid.*, p. 176.

памятников⁶¹. Депутат от ДП Х. Набат потребовал провозглашения ислама государственной религией⁶². Другой депутат ДП потребовал, чтобы турки обучались в университете Аль-Азхар (Египет)⁶³.

В марте 1959 г. возобновилось издание журнала «Бююк Доку» (редактор — Н. Кысакюрек), выступавшего за восстановление ислама в качестве государственной религии.

Религиозный фанатизм, как и следовало ожидать, вскоре переступил за пределы желаемого. Сектанты начали разрушать бюсты и статуи Ататюрка. «Ислам запрещает воздвигать людям — живым или мертвым — памятники». Особенно отличались члены секты тиджани, которых возглавлял шейх К. Пилавоглу. В 1951 г. бюсты и памятники Ататюрка были разрушены в Кыршехире, Мардине, Конье, Эрзинджане, Анкаре, Кастамону и Эскишехире. Был разбит бюст Ататюрка и в селе Челтик (район Силиври)⁶⁴. Сектанты оскверняли портреты Ататюрка⁶⁵; публично ругали его⁶⁶. Они справляли религиозные обряды, запрещенные законом. Действия эти приняла такие масштабы, что правительство было вынуждено как-то ограничить их. 25 июля 1951 г. меджлис в спешном порядке принял закон о покровительстве памяти бывшего президента. Статья первая закона гласила, что лица, оскорбившие память Ататюрка, подлежат тюремному заключению сроком до трех лет, а разрушившие его бюсты и памятники — до пяти лет⁶⁷. Но и после такой острастки власти преследовали лишь наиболее зарвавшихся сектантов. Были арестованы некоторые шейхи и члены сект. Так, в конце марта 1951 г. в Кырыккале было привлечено к ответственности более 100 сектантов, в том числе 18 женщин⁶⁸.

В апреле 1953 г. в Эскишехире власти организовали судебный процесс над шейхом А. Бингёли и 31 сектантом. Затем последовала высылка из страны шейха С. Баба (декабрь 1953 года), арест 17 других шейхов в Мардине (февраль 1954 года) и другие факты. Однако все это проводилось в основном с показательной целью и арестованные сектанты весьма быстро освобождались.

⁶¹ К. Н. Каграт, *ibid.*, p. 287.

⁶² Там же.

⁶³ P. Rondot, *ibid.* t. I, 1958, p. 289.

⁶⁴ „Ulus“, 1957, 23 nisan.

⁶⁵ „Cumhuriyet“, 1954, 1 aralık.

⁶⁶ „La République“, 1952, 1 mai.

⁶⁷ „СНР'nin El kitabı“..., s. 144.

⁶⁸ „Istanbul“, 1951, 31 mars.

Эти меры были направлены исключительно на успокоение общественного мнения. Принятием закона от 25 июля 1951 г. ДП стремилась доказать свою верность личности Ататюрка и заработать на этом политический капитал. На деле же правительство Мендереса проводило политику возрождения религиозного фанатизма, противоречившую завету Ататюрка: Турция никогда не должна быть страной шейхов, дервишей и мюридов⁶⁹. Она способствовала усилению великодержавных и пантюркистских настроений, так как мусульманская религия известна своей нетерпимостью к иноверцам, в особенности к христианам.

* * *

Правительство Мендереса усиленно насаждало национализм и шовинизм, провоцировало вражду между трудящимися разных национальностей, чтобы ослабить классовую борьбу и укрепить буржуазно-помещичью форму правления. Дух национализма и шовинизма господствовал в системе школьного и вузовского образования. Учебники и «научные исследования» по истории турецкого народа, языка, литературы и искусства были призваны доказать превосходство турок над остальными нациями и национальностями, населяющими страну — греками, евреями, армянами и другими, отрицать их вклад в создание турецкой культуры. Все инородцы представлялись как враги турецкого народа и государства. Власти запрещали преподавание истории и литературы этих народов в турецких школах. Турецкая печать, при явном содействии властей, периодически проводила кампанию, направленную на то, чтобы не только в общественных местах, но и дома, все разговаривали только на турецком языке.

В апреле 1951 г. в Анкаре состоялся конгресс националистических организаций с целью их объединения. Работой конгресса непосредственно руководил депутат меджлиса от правящей партии С. Бильгич. Конгресс принял решение об основании единого «Общества националистов», во главе с С. Бильгичем, «духовным отцом» которого был Т. Илери — министр просвещения правительства Мендереса. «Общество националистов» развило кипучую деятельность по разжиганию национализма и натравливанию турок против национальных меньшинств, а также народов мировой социалистической системы. Деятельность общества вскоре приняла столь широкий размах, что вызвала протесты со стороны некоторых

⁶⁹ M. K. Su, K. Su, aynı eser, s. 150.

слов общественности, и правительство решило распустить его. В связи с этим Т. Илери был вынужден подать в отставку⁷⁰. 16 февраля 1953 г. в Стамбуле взамен распущенного было основано новое общество — «Фронт национальной солидарности». Задачей общества была борьба против коммунизма и всех «крайних левых организаций, ставящих под угрозу государственный и общественный строй».

В период правления ДП усилили свою деятельность также различные эмигрантские националистические организации, окопавшиеся в Турции и скрывающиеся под различными наименованиями. Так, например, в Турции действовало «Общество по оказанию помощи крымским туркам»⁷¹. На собраниях общества крымские эмигранты и их покровители выступали с клеветническими заявлениями по адресу Советского Союза. В Турции действовал также «Комитет помощи туркестанцам»⁷². Было создано и «Общество содействия иракским туркам». Кстати, следует отметить, что пока Ирак находился в составе Багдадского пакта, турецких властей не интересовала судьба турок этой страны. После свержения власти Хашимитской династии, они вдруг вспомнили о них, с целью вмешательства во внутренние дела Иракской республики. Правительство Мендереса не раз предъявляло ноты протеста правительству Иракской республики, якобы в связи с имевшими там место притеснениями турок.

В Турции действовали также «Общество защиты прав турок Западной Фракии и островов Додеканез», «Кавказское культурное общество», «Азербайджанское культурное общество» и др.

В Турции нашли приют и пользовались покровительством властей С. Агаоглу — сын известного пантюриста А. Агаоглу; бывший член парламента «независимой Азербайджанской Республики» — М. С. Аран; бывший глава правительства Северного Кавказа — Ч. И. Айдыноглу, С. Кырымер — руководитель пантюристского движения в Крыму в 1917—1918 гг.⁷³ и другие. Турецкие власти с большой помпой встретили бывшего главу националистического правительства Украины Я. Стецко⁷⁴.

---

⁷⁰ В последующем Т. Илери был повышен в должности — занимал посты заместителя председателя меджлиса, заместителя премьер-министра, государственного министра, а позже вновь стал министром просвещения.

⁷¹ „Son havadis“, 1957, 16 ekim.

⁷² „Vatan“, 1956, 13 şubat.

⁷³ „La République“, 1952, 30 avril.

⁷⁴ „Vatan“, 1956, 22 ağustos.

Правительство Мендереса продолжало политику насильственного отуречивания и подавления национальных меньшинств. Оно отрицало существование в стране национальных меньшинств и наличие национального вопроса. Так, например, около 3 млн. курдов, т. е. самое многочисленное в настоящее время в стране национальное меньшинство, проживающих главным образом в восточной и юго-восточной частях страны, именовались «горными турками»⁷⁵. Районы, населенные курдами, были оставлены на чрезвычайном военном положении⁷⁶. В этих районах действовала единая полицейская инспекция. Стремясь замести следы своей политики по отуречиванию курдов, власти запретили въезд иностранных туристов в курдские районы⁷⁷.

В начале 1960 года в Турции участились случаи притеснений национальных меньшинств. В Стамбуле и Анкаре началась травля евреев⁷⁸. Вслед за антиеврейской кампанией, развернувшейся в Западной Германии и других капиталистических странах, на стенах Стамбульского университета и кинотеатра в Бейоглу были начертаны фашистские знаки⁷⁹. Изображения свастики появились и на стенах домов в кварталах Бахчелизвлер, в Анкаре, построенных израильской фирмой⁸⁰. Вскоре подобные случаи вновь повторились⁸¹. Как и в других капиталистических странах, антиеврейская кампания в Турции была делом рук тайных фашистских организаций, центр которых находится в Западной Германии. Газета «Йени Йстанбул», стремясь выгородить истинных виновников, заявила, что организация этой кампании якобы является делом рук коммунистов⁸².

Свидетельством того, что кампания вражды против евреев соответствовала определенным целям правительства, являются следующие факты. 5 января 1960 г. «Йени Сабах» выступила против антиеврейской кампании, имевшей место в Западной Германии. Правда, газета допустила грубую ошибку, обвинив в этом всех немцев. Но турецкие власти распе-

⁷⁵ „Spectator“, 1951, 2 november, p. 562.

⁷⁶ См. «Проблемы мира и социализма», там же, стр. 48.

⁷⁷ G. Lenczowski, *ibid.*, p. 126.

⁷⁸ Травля евреев однажды уже имела место в 1952 г., когда одной из жертв оказался А. Э. Ялман — турецкий еврей, принявший ислам. 22.XI. 1952 г. в Малатье была сделана попытка покушения на его жизнь. Но последний уцелел, несмотря на пять пулевых ранений. „Yeni İstanbul“, 1952, 23 Kasım.

⁷⁹ „Cumhuriyet“, 1960, 12 Ocak.

⁸⁰ „Cumhuriyet“, 1960, 14 Ocak.

⁸¹ „Yeni İstanbul“, 1960, 19 Ocak.

⁸² Там же.

лили выступление газеты как стремление подорвать турецко-немецкую «дружбу» и запретили ей печатать официальные объявления и рекламы⁸³. Более того, в конце января группа фашиствующих молодчиков совершила покушение на С. Кылычоглу — председателя правления этой газеты, нанеся ему ранения⁸⁴.

Руководство ДП нашло повод для дальнейшего притеснения национальных меньшинств в проблеме Кипра. Правительство Мендереса исполняло справедливую борьбу киприотов и греческого народа против английского империализма для раздувания национализма и шовинизма против греков и других национальных меньшинств. Несмотря на то, что согласно международно-правовому статусу Кипра Турция не имела никаких прав на этот остров, правительство Мендереса вмешалось в англо-греческий спор по этому вопросу. Единственным «оправданием» правительства Мендереса послужило то, что оно якобы не могло равнодушно отнестись к судьбе турецкого меньшинства острова. Турция требовала возвращения Кипра или введения особого положения — автономии кипрских турок.

Турецкое правительство и печать всячески нагнетали атмосферу, разглагольствовали о «зверствах», якобы чинимых греками над турками. Турецкая печать, радио и официальные лица выступали с угрозами и оскорблениями в адрес Греции и греков. При покровительстве и содействии властей были основаны Национальный комитет защиты Кипра и общество «Кипр—турецкий», которые в основном состояли из членов ДП и других националистических элементов. Проводились демонстрации в поддержку позиции правительства в кипрском вопросе, в которых принимало участие также националистически настроенное студенчество. В заключение всего правительство выдвинуло явно провокационный лозунг — «Раздел острова или смерть». Положение греческого национального меньшинства стало угрожающим. Угроза нависла и над другими национальными меньшинствами — евреями и армянами.

Наивысшего накала эта шовинистическая кампания достигла в августе 1955 г., когда в Лондоне проходила англо-греко-турецкая конференция по вопросу Кипра. Логическим финалом всей этой политики правительства Мендереса был кровавый погром греков, евреев и армян, совершенный в Стамбуле и Измире 6—7 сентября 1955 года.

Погром задуман Мендересом и Зорлу. Непосредственным же организатором погрома был Гедик. 24 августа 1955 г.

---

⁸³ „Ulus“, 1960, 11 ocak.

⁸⁴ „Ulus“, 1960, 30 ocak.

Мендерес выступил в Стамбуле, в ресторане «Лиман», с подстрекательской речью против греков. В начале сентября он встретился с руководителями общества «Кипр — турецкий». Мендерес потребовал активизации деятельности общества для поддержки позиции Турции в период работы Лондонской конференции по Кипру. Одновременно в печать просочились провокационные слухи о готовящейся резне турок Западной Фракии и Кипра.

Непосредственным поводом к погрому послужила провокация, связанная со взрывом дома-музея Ататюрка в Салониках, в котором помещалось турецкое консульство. Турецкий консул в Салониках Бали и его помощник Четинер заложили бомбу под здание консульства и взорвали его, а вину взвалили на греков. Весть эта молниеносно распространилась по стране через вечерние газеты и радио, заведомо ждавших ее и оставивших для этого места на своих страницах и в программах.

В течение двух дней двадцатитысячная толпа громила и грабила лавки, магазины и дома греков, евреев и армян в Стамбуле, а также Измире. Было разрушено и сожжено 73 церкви и два монастыря греков. Были вскрыты могилы греческих патриархов, а их кости разбросаны в сторону Греции. Было осквернено также христианское кладбище Шишли и разрушены 24 греческие школы.

Значительный ущерб был нанесен и армянам — совершено нападение на здание армянского патриаршества, разрушено несколько церквей и 8 школ. Толпа напала также на еврейскую синагогу и здание главного раввина. Во время погрома было убито 3 человека. Есть данные о том, что было ранено 600 человек.

Что касается событий в Измире, то здесь было предано огню греческое консульство и церковь. Всего разгромлено и разграблено 5538 домов, магазинов и 1 завод. Общий материальный ущерб, нанесенный национальным меньшинствам, составил около 250—300 млн. лир⁸⁵. Турецкие власти явно занизили общую сумму ущерба до 69.578.744 тыс. лир⁸⁶.

Как отмечалось выше, правительство Мендереса виновниками и организаторами этих событий объявило коммунистов. На эту мысль натолкнул Мендереса начальник ЦРУ США А. Даллес, находившийся в это время в Стамбуле и принимавший участие в конгрессе криминалистов. Уже один тот факт, что А. Даллес во время этих событий находился инкогнито в Стамбуле, не случаен и свидетельствует о том, что он

⁸⁵ «Международная жизнь», 1955, № 10, стр. 115.

⁸⁶ „Cumhuriyet“, 1955, 16 ekim.

тайком вдохновлял турецких правителей на эту гнусную расправу над национальными меньшинствами. Много людей было арестовано и подвергнуто пыткам для признания в том, что они якобы являются коммунистами и организаторами погрома. Но все старания властей в этом направлении не дали никаких результатов. Это подтвердил впоследствии начальник тайной полиции Стамбула Дж. Санджак, который заявил, что «у нас не было никаких данных о какой-либо роли коммунистов в этих событиях»⁸⁷.

Выше было отмечено, что погром греков, евреев и армян был тщательно подготовлен турецкими властями. Это подтверждают следующие факты. Все дома греков были заранее обозначены мелом, внесены в списки и вручены погромщикам. Губернатор Стамбула Гёкай за два часа до событий сообщил патриарху Атенагору о том, что возможны серьезные антигреческие волнения, но его жизнь будет вне опасности. Для защиты здания патриаршества губернатор выслал отряд солдат. Примечательно также, что Мендерес в эти дни находился в Стамбуле, но ничего не предпринял для пресечения погрома. Более того, полиция и армия порой сами участвовали в погроме.

О причастности правительства Мендереса к этим событиям свидетельствуют также заявления Гёкай и Кёпрюлю — лиц, знавших всю закулисную историю этого дела. Так, например, Гёкай впоследствии заявил в адрес Мендереса и Гёдика, что «сами желали этого, а теперь подавай им виновников». Кёпрюлю признал, что погромы в Стамбуле и Измире были делом рук премьер-министра и министра внутренних дел⁸⁸.

Когда вопрос сентябрьского погрома разбирался на чрезвычайной сессии меджлиса в середине сентября 1955 г., Гедик обещал раскрыть тайну его организации⁸⁹. Многого стало бы ясно в этом вопросе, если бы он впоследствии не отказался от своего обещания.

Погром национальных меньшинств был закономерным результатом принятого правительством курса на их насильственное отуречивание, составной частью его реакционной внутренней политики.

* * *

Несмотря на все меры правительства Мендереса по отвлечению народных масс от социального движения, борьбы крестьян за землю, против помещичье-кулацкой эксплуатации не

⁸⁷ «Новое время», 1960, № 52, стр. 27.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ „Akis“, 1960, 30 mayıs, s. 8.

только не ослабла, но и усилилась. Борьбу безземельных и малоземельных крестьян за землю не смогла приостановить и аграрная реформа, проводившаяся правительством.

По данным турецкой печати, только за 6 месяцев 1951 г. имело место 718 случаев «нарушения крестьянами» общественного порядка, более четырехсот случаев угона помещичьего скота и 43 случая захвата земель помещиков⁹⁰.

2 июля 1952 г. в районе Эскишехира произошло столкновение между крестьянами четырех сел, захватившими помещичьи земли, и крупным отрядом жандармов. Столкновение это переросло в кровавое побоище. Были убиты и ранены с обеих сторон. Крупное столкновение крестьян с жандармерией произошло также в селе Коджаюрт Сивасского вилайета. Крестьяне этого села, начиная с 1950 г., часто совершали нападения на поместья помещиков—братьев Феридуна и Ихсиана. Летом 1952 г. крестьяне захватили значительную часть земли этих помещиков и начали обрабатывать ее. Один из помещиков — Феридун, неоднократно пытался отобрать землю обратно, но безуспешно. На помощь были вызваны судья и несколько жандармов. Произошло столкновение между крестьянами и жандармами, а помещик был сильно избит. Тогда в село прибыл крупный отряд жандармов. 300 крестьян с утра до поздней ночи оказывали упорное сопротивление жандармам, в результате чего последние были вынуждены отступить. Крестьяне вышли победителями в этой схватке с властями и остались жить на захваченных землях и еще угнали 600 овец помещиков.

Крупное столкновение между крестьянами и жандармерией произошло также в селе Бахчеджик (район Сиврихисара). Крестьяне этого села вспахали часть земель помещика Б. Кызылырмака. На помощь помещику пришел отряд жандармов. Но крестьяне, общим числом 200 человек, оказали стойкое сопротивление, окружили и разоружили жандармов⁹¹. Насильственные захваты помещичьих земель и вооруженные столкновения между крестьянами, помещиками и жандармами имели место в деревнях Гюнелли (вил. Чанкыри)⁹², Ханчайыз (район Диарбекира)⁹³, Булджук (вил. Коньи)⁹⁴, Лалаоглу (район Сарыкамыш)⁹⁵ и других.

Захваты помещичьих земель крестьянами продолжались

⁹⁰ „Cumhuriyet“, 1951, 7 aralık.

⁹¹ „Yeni İstanbul“, 1952, 24 ekim.

⁹² „Cumhuriyet“, 1953, 4 nisan.

⁹³ „Akşam“, 1953, 2 ocak.

⁹⁴ „Akşam“, 1953, 12 mayıs.

⁹⁵ „Dünya“, 1954, 2 temmuz.

и в последующие годы. Так, например, в мае 1957 г. крестьяне захватили помещичьи луга в горном эйлаге Камер (около Ардагана). Власти срочно вызвали жандармов из Ардагана, а также из Карса. Прибывшие 50 жандармов натолкнулись на вооруженное сопротивление крестьян. Один крестьянин был убит, трое получили серьезные ранения⁹⁶. Крестьяне захватили земли помещиков также в селах Думанлар (вил. Анталий)⁹⁷ и Согютли (вил. Коньи)⁹⁸.

Помимо насильственных захватов помещичьих земель и угона скота крестьянами, в стране имели место многочисленные случаи столкновения между самими крестьянами из-за земли, лугов и водоемов, что также явилось проявлением аграрного кризиса. Столкновения между крестьянами из-за земли, в результате чего проливалась кровь, произошли между селами Явручак и Балыкпынар (вил. Анкары)⁹⁹, Каракей и Баят (район Игдыра)¹⁰⁰ и в других местах. Как сообщала турецкая печать, крупное столкновение произошло между крестьянами сел Кызылчаболюкбуджаги и Вақыфлар (вилайет Денизли). Причиной столкновения послужила нехватка воды в селе Кызылчаболюкбуджаги, крестьяне которого решили воспользоваться питьевой водой соседнего села. Они обратились за помощью к уездным властям. Но крестьяне села Вақыфлар, приблизительно 700—800 человек, в том числе множество женщин, вооруженные камнями и палками и с криками: «Это вы пришли за нашей водой», — набросились на крестьян и представителей уездных властей и сильно избили их¹⁰¹.

Крупное столкновение произошло также между крестьянами сел Полатлы и Полатдере (вил. Малатйи). Стычка возникла по той причине, что крестьяне села Полатлы, общим числом 30 человек, решили рубить лес в местечке Согук Оз, принадлежащий селу Полатдере. Крестьяне этого села с палками и ножами набросились на своих соседей. Столкновение длилось больше часа, в результате чего 5 человек были тяжело ранены. Затем вмешались и остальные крестьяне¹⁰².

В декабре 1952 г. стычка между крестьянами произошла в селе Бейшехир (вил. Коньи). Она кончилась тем, что четыре крестьянина были убиты и два тяжело ранены¹⁰³. Стычки

⁹⁶ „Ulus“, 1957, 31 mayıs.

⁹⁷ „Ulus“, 1957, 14 haziran.

⁹⁸ „Yeni sabah“, 1959, 22 nisan.

⁹⁹ „Yeni istanbul“, 1952, 22 aralık.

¹⁰⁰ „Son telgraf“, 1953, 29 haziran.

¹⁰¹ „Yeni istanbul“, 1952, 11 aralık.

¹⁰² „Yeni istanbul“, 1952, 11 aralık.

¹⁰³ „Yeni istanbul“, 1952, 21 aralık.

между крестьянами произошли в селах Ягмурбаба (район Полатлы)¹⁰⁴ и Баксанлы (вил. Анталы)¹⁰⁵.

О том, что стычки и столкновения крестьян из-за земли, лесов и воды приняли широкий размах, свидетельствует также турецкая статистика. По ее данным, лишь в 1959 г. число вооруженных столкновений между крестьянами достигло 200¹⁰⁶.

Анализ крестьянской борьбы против помещичье-кулацкой эксплуатации и за землю показывает, что она принимала различные формы. Самой распространенной формой этой борьбы был насильственный захват помещичьих земель. Как свидетельствуют факты, крестьяне все чаще прибегали к оружию. Характерной чертой крестьянской борьбы следует считать также участие в ней женщин (в селе Доганлы, вил. Аданы, июль 1951 г., в селах Чорухского вилайета, март 1952 г., и вилайета Денизли, декабрь 1952 г. и др.).

Но бывали и случаи, когда крестьяне прибегали к пассивной форме борьбы — представление коллективных петиций и жалоб властям (село Испичиоба, вил. Коньи и другие).

Говоря об усилении крестьянской борьбы в период правления ДП, одновременно следует отметить, что она не приняла организованного и всеобщего характера. Борьба эта велась в основном стихийно, была разрознена как в территориальном отношении, так и по формам борьбы. Стычки и столкновения между крестьянами из-за земли и по другим причинам нарушали их единый фронт борьбы против помещичье-кулацкой эксплуатации. Отсутствие руководства со стороны рабочего класса ослабляло общий ход этой борьбы. Слабость общекрестьянской борьбы за землю, в свою очередь, обуславливала и слабость общедемократической борьбы турецкого народа.

В обозреваемый период сравнительно усилилась также борьба рабочего класса против эксплуатации, обнищания, политического бесправия.

В первой главе было отмечено, что во время предвыборной кампании 1950 г. ДП обещала рабочим право на организацию забастовок. В начале января 1951 г. министр труда нового правительства заявил, что законопроект о праве рабочих на забастовку вскоре станет предметом обсуждения. Согласно этому законопроекту, право на забастовку признавалось за рабочими всех предприятий, кроме рабочих электростанций, трамвая и предприятий коммунального хозяйства. Но правительство сохраняло за собой право запре-

¹⁰⁴ „Ulus“, 1957, 19 mart.

¹⁰⁵ „Akşam“, 1960, 1 mart.

¹⁰⁶ «Экономическое положение стран Азии и Африки в 1959 г.», стр. 231.

шения забастовок в период объявления чрезвычайного положения в стране. Вскоре законопроект был разослан министерствам и различным учреждениям для ознакомления.

Законопроект не обеспечивал права на забастовку рабочим всех отраслей промышленности и фактически предоставлял правительству неограниченное право на ее запрещение путем объявления военного положения в стране. Но и в этом виде законопроект остался под сукном и не был утвержден меджлисом. Продолжал оставаться в силе закон о труде от 8 июня 1936 г., запрещающий рабочие забастовки.

Несмотря на это, рабочий класс Турции сравнительно усилил свою забастовочную борьбу. Он боролся за восьмичасовой рабочий день, введение социального страхования, облегчение условий труда, снижение налогов, запрещение штрафов и предоставление права на организацию забастовок, за улучшение материального положения.

Бастовали текстильщики и кожевники, обувщики и табачники, рабочие пекарен, боев, цементных заводов и других предприятий. Например, в течение 1951 г. организовали забастовку рабочие и работницы текстильных и табачных фабрик Стамбула, рабочие анкарских боев, пекарен Мерсина и другие.

В конце марта 1952 г. владелец шелкоткацкой фабрики в Анкаре, без всякого на то основания, уволил с работы 150 женщин. Рабочие и работницы запротестовали против такого произвола фабриканта и добились восстановления на работе своих товарищей. В течение 1952 г. бастовали также текстильщики Стамбула, рабочие муниципалитета Измира и докеры Александретты.

В последующие годы забастовочное движение приняло более широкий размах. В январе 1954 г. объявили забастовку рабочие текстильной фабрики «Адалет» и ситценабивной фабрики «Вакко» в Стамбуле. Они требовали повышения заработной платы на 50%. В апреле 1954 г. владелец текстильной фабрики в Едикуле (Стамбул) Фуад Безмен уволил с работы 8 рабочих, которые были избраны в правление профсоюза. В ответ на это около тысячи рабочих не вышли на работу. Они объявили забастовку, требуя возвращения своих товарищей. И рабочие одержали победу. Все восемь рабочих были восстановлены на работе.

16 июля 1954 г. организовали забастовку около шестисот докеров Измира. Они запротестовали против изменения контракта на погрузочно-разгрузочные работы, заключенного еще в 1951 году. Власти сумели подавить забастовку при помощи войск¹⁰⁷. Был закрыт профсоюз докеров, произведены много-

¹⁰⁷ „Istanbul“, 1954, 17 juillet.

численные аресты и возбужден судебный процесс против рабочих. В июле 1955 г. портовые рабочие Измира опять организовали забастовку с требованием повышения зарплаты¹⁰⁸. Это была вторая крупная забастовка в течение года. Она была примечательна тем, что несмотря на продолжение судебного процесса рабочие не испугались его и вновь объявили забастовку¹⁰⁹.

Волна забастовочного движения в 1955 г. охватила Стамбул, Анкару, Измир, Адану, Битлис и другие города. Забастовочная борьба турецких рабочих ширилась и в последующие годы. Требовали повышения заработной платы рабочие ткацкой фабрики в Кайсери, пивоваренного завода в Анкаре и военного завода в Кырыккале. В мае 1959 г. объявили забастовку 50 работниц ткацкой фабрики «Ланатекс» в Рами (Стамбул). Это была первая забастовка работниц. Они требовали восстановления на работе своего мастера, чего и добились¹¹⁰.

Рабочий класс Турции организовал также ряд забастовок, направленных против иностранных монополий. Так, в конце декабря 1957 г. произошел конфликт между рабочими порта Алсанджак и руководством Голландской строительной компании. Рабочие требовали повышения зарплаты на 30%. В конфликт вмешалось правительство, прошедшее переговоры с рабочими, а также с компанией. Лишь после того, как компания удовлетворила требования рабочих, последние возобновили работу¹¹¹. В конце октября 1959 г. произошел конфликт также между рабочими и американской компанией «Миткоф Гамильтон». Причиной конфликта послужило увольнение компанией 550 рабочих, занятых на строительстве американского городка в Анкаре. Компания в течение недели отказывала рабочим в выдаче заработной платы. 2 ноября рабочие устроили демонстрацию молчаливого протеста перед министерством труда и зданием американского посольства. Демонстрация рабочих была разогнана полицией.

Кроме экономических забастовок, рабочие организовали ряд выступлений политического характера. Так, докеры Измира и Александретты несколько раз (июнь 1950 г., июль 1951 г.) отказались выгружать американское оружие. Рабочий класс Турции выступал также за вывод турецкой бригады из Южной Кореи, за мир и дружбу между всеми народами, прекращение вмешательства иностранных монополий и военщины во

¹⁰⁸ „Cumhuriyet“, 1955, 16 temmuz.

¹⁰⁹ Этот судебный процесс кончился в апреле 1957 г. оправданием рабочих.

¹¹⁰ „Yeni sabah“, 1959, 29 mayıs.

¹¹¹ „Milliyet“, 1957, 27 aralık.

внутренние дела страны, проведение национальной внешней политики и восстановление добрососедских отношений с Советским Союзом.

Но наряду с активными формами забастовочной борьбы, имели место также случаи, когда рабочие прибегали к составлению коллективных петиций на имя правительства (петиция десяти тысяч угольщиков Зонгуладского бассейна в декабре 1951 г., петиция министру труда от ткачей Анкары в марте 1952 года и др.).

Касаясь характера рабочего движения Турции, нельзя обойти вопрос о месте и роли профсоюзных организаций в этом движении. Закон о рабочих профсоюзах и союзах рабочих профсоюзов и предпринимателей был принят еще 30 февраля 1947 года. Согласно этому закону, рабочие профсоюзы могли быть организованы не по территориальному, а по профессиональному признаку, т. е. на одном предприятии разрешалась организация нескольких профсоюзов, объединяющих рабочих разных профессий. Закон предусматривал, что профсоюзы не имеют права на организацию забастовок, а также выступлений политического характера. Профсоюзы должны были работать под наблюдением представителей министерства труда¹¹².

С тех пор в Турции было организовано множество низовых профсоюзных организаций, а также их объединений. Число рабочих, объединенных в профсоюзы, к концу правления ДП составило более 350 тысяч. Турецкие власти позаботились о том, чтобы расставить верных себе людей в руководящих органах профсоюзов и держать профсоюзное движение под контролем правительства. Так, во главе Всеобщей конфедерации рабочих профсоюзов Турции, организованной в 1952 г., всегда стояли лица, близкие к правительственным кругам, в особенности последний из них — Нури Бешер.

Эти меры предопределили характер турецкого профсоюзного движения, которое верно служило интересам буржуазии. В период правления ДП не было такого случая, чтобы профсоюзы по своей инициативе возглавили забастовочное движение турецкого пролетариата. Забастовки и стачки организовывались помимо воли и желания профсоюзных бюрократов. Но в связи с тем, что в последние годы правления ДП материальное положение турецких рабочих значительно ухудшилось, лидеры профсоюзов, под прямым давлением трудящихся масс, начали выступать в поддержку их требований. Лидеры профсоюзов, с одной стороны, опасались оказаться дискредитированными в глазах трудящихся масс, а с другой —

¹¹² „Ulus“, 1947, 21 şubat.

стать неспособными выполнить свою роль по подчинению профсоюзного движения интересам буржуазии. На профсоюзных собраниях рабочие выступали не только за право на организацию забастовок, но и требовали повышения зарплаты, введения социального страхования и оплачиваемых отпусков, улучшения охраны труда женщин и детей, создания страхового фонда по безработице, льгот беременным женщинам и заключения коллективных договоров с предпринимателями. Эти требования на словах выдвигали и профсоюзные лидеры. Но они фактически ничего не делали для их практического осуществления.

Правительство Мендереса, испугавшись дальнейшего подъема профсоюзного движения, пошло на применение репрессий против него, с января 1957 г. были закрыты профсоюзы рабочих Чукурова, рабочих района Сакарьи (Эскишехира)¹¹³, объединение рабочих профсоюзов Стамбула¹¹⁴. Было закрыто также объединение рабочих профсоюзов Бурсы и т. д.¹¹⁵. Профсоюзы эти были закрыты якобы потому, что занимались политикой, а объединение рабочих профсоюзов Стамбула — за нарушение законодательства о профсоюзах, так как последнее состояло из рабочих разных профессий¹¹⁶.

Помимо репрессий против профсоюзов и рабочего класса, правительство Мендереса пошло и на частичные уступки — повышение зарплаты рабочих некоторых отраслей промышленности, чтобы ослабить их борьбу. Но это мероприятие правительства не дало желаемых результатов.

В годы правления правительства Мендереса забастовочная борьба рабочего класса по сравнению с предыдущим периодом значительно усилилась, возросла его классовая сознательность и укрепилась рабочая солидарность. Рабочие одержали ряд побед над владельцами фабрик и заводов. Особенно следует отметить участие женщин в забастовочной борьбе.

Основной формой борьбы рабочего класса являлась борьба за улучшение материального положения, т. е. экономическая борьба. Политическая борьба в основном сводилась к требованию права на забастовку. В виду того, что турецкая компартия находилась в глубоком подполье, рабочие почти не вели легальную идеологическую борьбу. Тем самым борьба рабочего класса в Турции в основном находилась на первой и отчасти на второй стадиях рабочего движения.

Профсоюзы Турции, как уже отмечалось, не оказались

¹¹³ „Ulus“, 1957, 12 ocak.

¹¹⁴ „Ulus“, 1957, 15 ocak.

¹¹⁵ „Ulus“, 1957, 6 mayıs.

¹¹⁶ „Ulus“, 1957, 15 ocak.

на должной высоте отчасти по вине их руководителей — верных прислужников правящей партии. Тем самым широкие массы трудящихся продолжали оставаться без организаторов профсоюзного движения. Некоторая часть рабочих еще уверовала в правительство, что говорило о ее недостаточной классовой сознательности.

В силу этих причин рабочее движение в Турции не сумело объединиться в национальном масштабе, оно развивалось в отрыве от крестьянской борьбы. Более того, рабочий класс Турции не сумел обеспечить руководство крестьянским движением, что ослабляло единый фронт общедемократической борьбы турецкого народа. Борьба трудящихся масс города и села не приняла форму общенародной борьбы за социальное освобождение.

Г Л А В А IV

МЕЖПАРТИЙНАЯ БОРЬБА В ТУРЦИИ В 1950—1960 гг.

До прихода к власти Мендерес и другие лидеры ДП выдавали себя за сторонников многопартийной системы правления¹. В связи с этим они заявляли, что будут соблюдать нормы и правила межпартийной борьбы. Став правящей партией, ДП предала забвению свои обещания и вскоре стала на путь постепенной ликвидации буржуазной оппозиции.

Репрессии правительства Мендереса против оппозиционных буржуазных партий явились проявлением борьбы, развернувшейся между различными группировками турецкой буржуазии. Они были призваны способствовать установлению монополярной власти крупной буржуазии над экономикой, а также политикой страны.

Правительство Мендереса первым долгом начало преследовать НРП — наиболее сильную и организованную оппозиционную партию и главную соперницу ДП.

Пользуясь большинством в меджлисе, ДП провела ряд законов с целью подавления оппозиции. Оформлением этих мер в законодательном порядке правящая партия стремилась представить дело таким образом, что якобы ее политика в этой области отражает волю нации.

Первый такой закон был принят меджлисом 8 августа 1951 года. Согласно закону, все «народные дома» и «народные комнаты» НРП подлежали роспуску, а их имущество—

¹ S. Parsadan, C. Hunca ve I. Gökürk, aynı eser, s. 70—71.

передаче в государственную казну. Официальной версией роспуска «народных домов» и «народных комнат» послужило то, что эти учреждения были основаны НРП за счет государства в период нахождения у власти². В результате НРП лишилась своих опорных пунктов.

Следующим мероприятием правительства Мендереса, направленным против НРП, было принятие закона о конфискации ее движимого и недвижимого имущества, приобретенного на средства государства. Подлежало конфискации даже имущество, завещанное М. Кемалем НРП.

8 декабря 1953 г. парламентская фракция ДП одобрила законопроект по этому вопросу. Автором законопроекта был депутат меджлиса А. Тюркан. 14 декабря меджлис принял закон, через день он был утвержден президентом, а 17 декабря — вступил в силу.

Кроме конфискации всего движимого и недвижимого имущества НРП, закон предусматривал также взыскание с последней сумм, которые она получила от государства на нужды партии под предлогом обеспечения деятельности «народных домов» и «народных комнат». Задолженность НРП государству, согласно этому закону, составила 20 млн. тыс. лир. Закон предусматривал, что в случае неуплаты этой суммы на НРП будет распространен «Закон о банкротстве». Это повлекло бы за собой роспуск партии. Чтобы уплатить эту сумму, НРП должна была продать не только все свое имущество, но и газеты «Улус» и «Дюнья». Орган НРП, газета «Улус» с 15 декабря 1953 г. начала выходить под названием «Ени Улус»³.

Обращает на себя внимание то, с какой поспешностью был обсужден и принят этот закон. Один из видных членов ДП А. Х. Башар в этой связи впоследствии писал, что «этот закон наподобие молнии пронесся через партийную фракцию, комиссию и меджлис»⁴.

НРП встретила в штыки решение меджлиса. Особенно неистовствовал Ялчин. Он писал, что конфискацией имущества НРП правительство Мендереса стремится ликвидировать

---

² Решения об учреждении «народных домов» и «народных комнат» были приняты правительством НРП соответственно в 1931 и 1940 гг. «Народные дома» были учреждены в крупных и мелких городах. Первые «народные дома» были открыты в 1932 году, а в 1949 г. их число составило 478 (см. G. Lewis, *ibid*, p. 107). «Народные комнаты» были основаны большей частью в деревнях и поселках, число которых в 1950 г. составляло 4392 (см. G. Lewis, *ibid*, p. 107—108). «Народные дома» и «Народные комнаты» являлись пропагандистско-просветительскими центрами НРП.

³ 23 мая 1954 г. эта газета начала выходить под названием «Халкчи», а с 10 июня 1955 г. опять под названием «Улус».

⁴ А. Н. Ваşар, *Demokrasi buhranları*, s. 100.

ее и что путь, на который встал премьер-министр, ведет к установлению диктатуры⁵. Позже он писал, что теперь Турция «будет рассматриваться как страна, идущая по стопам Гитлера и Муссолини так как Мендерес поправ юридические нормы государства, растоптал демократию и встал на путь установления личной диктатуры»⁶. Газеты «Джумхурнет», «Хюрриет», «Ватан», «Ени Сабах» и «Акшам» расценили принятие этого закона как орудие политической борьбы накануне выборов в меджлис десятого созыва.

Закон нашел неблагоприятные отклики также на Западе. Некоторые органы западной монополистической печати были возмущены тем, что в Турции был принят закон, ущемляющий буржуазную демократию. Так, «Экономист» писал: «Верно, что правительство иногда было повинно в деспотическом поведении: в частности, проведенную правительством конфискацию имущества и активов народно-республиканской партии всего за несколько месяцев до выборов трудно оправдать»⁷. «Форчун» отмечал, что «... в декабре прошлого года она (т. е. ДП.—Р. К.) оказалась способной провести через парламент закон, лишаящий оппозиционную партию почти всех ее активов, включая газету «Улус». Право оппозиции на эти активы возможно и было спорным, но метод вынесения решения скорее походил на воровство, чем на законный процесс»⁸.

В 1954 г. НРП была также лишена возможности пользоваться государственным радио⁹. В связи с этим обращает на себя внимание утверждение П. Сафа о том, что «радио в Турции не нейтрально». Он считал, что это уже означало отсутствие свободы слова на 90%¹⁰. Таким образом, государственное радио Турции было полностью поставлено на службу правящей партии.

Правительство Мендереса не останавливалось и перед репрессиями против Инёню, тогдашнего генерального секретаря НРП К. Гюлека и других ее руководящих деятелей.

Одним из методов преследования лидеров НРП был срыв их выступлений на собраниях и митингах партии. Так, в октябре 1952 г. намерению Инёню выступить в Балыкесире воспротивился губернатор вилайета¹¹. Этого было достаточно, чтобы члены правящей партии стали чинить ему всякие пре-

⁵ „Ulus“, 1953, 12 aralık

⁶ „Ulus“, 1953, 14 aralık.

⁷ „Economist“, 1954, ... p. 2.

⁸ „Fortune“, 1954, June,

⁹ „Monde“, 1960, 3 août.

¹⁰ T. Feyzioğlu, Demokrasiye ve Diktatörlüğe dair, s. 35.

¹¹ N. Berkсан, Başvekil, s. 118.

пятствия. Они привезли на площадь пчелиные ульи с расчетом пустить пчел на Иненю. В довершение ко всему этому председатель муниципалитета Айвалыка, член правящей партии А. Баскин, приехал в Балыкесир и привез с собой 6 ящиков гнилых помидор, чтобы ими швыряли в Иненю. Члены НРП, в свою очередь, решили предупредить срыв митинга. На этой почве произошла свалка, в ходе которой многие члены НРП были избиты. Сам Иненю вынужден был отказаться от поездки в Балыкесир и направился в Бурсу. В Бурсе Иненю заявил, что в создавшейся обстановке он вынужден отменить свою поездку по стране, так как в «настоящее время в Турции невозможно проводить политические собрания и выступать на них». Инцидент этот получил широкий резонанс в стране. Чтобы как-то сгладить впечатление, Мендерес выступил с публичным заявлением. Он заявил по этому поводу: «Уважаемый лидер оппозиции весьма прав. Губернатор Балыкесира злоупотребил властью, и мы ему дали указание, чтобы этого больше не повторялось впредь. От имени правительства я прошу прощения у Иненю»¹².

Как показали дальнейшие события, это заявление Мендереса носило чисто формальный характер, так как власти продолжали чинить препятствия Иненю во время его выступлений на публичных собраниях и митингах. Дело доходило до того, что полиция прибегала к газовым и слезоточивым бомбам, применяла конницу и пускала в ход дубинки против членов НРП и других лиц, встречавших Иненю.

Примечателен в этом отношении случай, происшедший в городе Зиле (вил. Токата). 17 октября 1958 г. полиция запретила сторонникам и членам НРП собираться на пути следования Иненю. Последние воспротивились этому. Произошло столкновение. Полиция сумела разогнать их, применив дубинки, приклады и слезоточивые газы. Столкновение между членами НРП и полицией произошло также в Бурдуре. А 30 апреля 1959 г. власти организовали покушение на Иненю в Ушаке, в результате чего он был ранен в голову¹³. Полиция была вынуждена применить слезоточивые газы, чтобы разогнать демонстрацию. В организации покушения на Иненю принял непосредственное участие Гедик.

Неудача покушения на Иненю в Ушаке не остановила властей. Они решили расправиться с ним в Стамбуле, куда он возвратился сразу же после событий в Ушаке. 4 мая 1959 г. огромная толпа членов правящей партии, около 5 тысяч человек, с камнями и палками набросилась на машину Иненю в

¹² N. Berksan, aynı eser, s. 118.

¹³ „Vatan“, 1959, 2 mayıs.

Топкапы с намерением убить его. Но тут вмешались майор турецкой армии К. Байрактар и 6 солдат, которым силой оружия удалось спасти Инёню¹⁴. Небезынтересно отметить, что некоторые члены ДП выступили с требованием выслать Инёню за пределы страны¹⁵.

Подвергался преследованиям и Гюлек. В августе 1955 г. он был арестован в Синопе за то, что поставил под сомнение законность выборов в меджлис десятого созыва¹⁶. Правда, вскоре власти были вынуждены освободить Гюлека. Но в декабре он предстал перед уголовным судом Стамбула. По требованию прокурора дело Гюлека рассматривалось при закрытых дверях¹⁷. Процесс длился почти полтора года. В мае 1957 г. он был приговорен к восьми месяцам тюремного заключения и денежному штрафу в сумме 15533 тыс. лир¹⁸. Таким образом Гюлек был лишен возможности принимать участие в выборах меджлиса одиннадцатого созыва.

Правительство Мендереса подвергало преследованиям не только НРП и ее лидеров, но и национальную партию. 3 сентября 1953 г. была запрещена газета «Миллиет» — орган этой партии. 26 сентября 1953 г. власти возбудили судебное дело против 13 руководящих деятелей партии, обвинив их в том, что они якобы использовали религию как средство политической борьбы и имели намерение создать теократическое государство¹⁹. Фактически руководство национальной партии было предано суду из-за оппозиционной деятельности. Решением анкарского суда партия была распущена, а ее лидеры арестованы и оштрафованы²⁰. 10 февраля 1954 г. бывшие руководящие деятели национальной партии основали новую партию — республиканскую национальную партию (впредь РНП. — Р. К.)²¹. На этот раз власти стали преследовать и ее, всячески мешая в развертывании оппозиционной деятельности.

8 июня 1954 г. был заключен в тюрьму сроком на 3 месяца и 6 дней один из активных членов этой партии, генерал в отставке С. Алдоган. Последний подверг резкой критике деятельность правительства Мендереса. 1 июля 1955 г. он вновь

¹⁴ „Ulus“, 1960, 24 haziran.

¹⁵ „Akşam“, 1959, 12 ekim.

¹⁶ „Ulus“, 1955, 14 agustos.

¹⁷ „Ulus“, 1955, 15 aralik.

¹⁸ „Ulus“, 1957, 31 mayis.

¹⁹ „Middle East Journal“, 1954, № 1, p. 90.

²⁰ G. Lewis, *Ibid.*, p. 135.

²¹ Генеральным председателем РНП был избран А. Тахтакылыч, а генеральным секретарем А. Бояджигилер. На первом конгрессе партии, имевшем место в октябре 1956 г., А. Тахтакыча заменил О. Бёлюкбаши.

был арестован за свою речь в Чанкыры, в которой якобы «оскорбил» меджлис. 20 июля 1955 г. его приговорили к тюремному заключению сроком на 9 месяцев и 10 дней²².

2 июля 1957 г. был арестован лидер РНП О. Бёлюкбаши. Мотивы ареста состояли в следующем: 12 июня 1957 г. меджлис принял решение о том, чтобы город Кыршехир вновь стал вилайетским центром. Однако район, уроженцем которого был Бёлюкбаши, продолжал оставаться в подчинении Невшехира. Бёлюкбаши потребовал, чтобы район остался в составе вилайета Кыршехир, откуда он был избран депутатом меджлиса. 24 июня 1957 г. его лишили депутатской неприкосновенности 247 голосами против 49, а в начале июля арестовали. Тогда члены РНП организовали митинг протеста перед зданием палаты правосудия. 23 июля Бёлюкбаши был освобожден из-под ареста, но 25 июля опять заключен в тюрьму²³. Он был освобожден из тюрьмы 30 ноября 1957 г. лишь после того, как был избран депутатом меджлиса²⁴. Примечательно, что Бёлюкбаши освободили из тюрьмы не непосредственно после объявления итогов выборов в меджлис, а спустя месяц.

В ноябре 1959 г. О. Бёлюкбаши был осужден на 10 месяцев тюремного заключения с лишением избирательного права²⁵.

Наряду с репрессиями правительство Мендереса прибегло также и к другим мерам с целью подавления и ликвидации официальной оппозиции. Одной из таких мер было принятие меджлисом 27 июня 1956 г. закона № 5761 о собраниях и демонстрациях. Согласно статье 12 этого закона, запрещались всякие открытые и закрытые собрания и демонстрации в общественных местах, частных домах и учреждениях. Подобные собрания и демонстрации могли проводиться лишь по разрешению властей. Тем самым оппозиционные партии фактически лишались свободы в проведении собраний и демонстраций. Закон (статья 13-я) предоставлял властям право разгона не разрешенных ими собраний и демонстраций при помощи оружия. Нарушители закона могли подвергнуться тюремному заключению сроком от одного до трех лет и штрафу от 1000 до 5000 лир²⁶. Закон целиком и полностью был направлен против оппозиционных партий²⁷. В то же вре-

²² „Ulus“, 1955, 21 temmuz.

²³ „Ulus“, 1957, 24 ve 26 temmuz.

²⁴ „Ansiklopedik politika sözlüğü“, s. 72.

²⁵ „Akşam“, 1959, 8 kasım.

²⁶ „CHP'nin El Kitabı“, s. 125—126.

²⁷ M. Alpaslan, Son tadillere göre Cemiyetler kanunu ve toplantılarla ilgili mevzuat, s. 73.

мя получили полную свободу действий члены ДП, которым всегда было обеспечено согласие властей на проведение любых собраний и демонстраций.

Закон от 27 июня 1956 г. был важным этапом в политике правительства Мендереса на пути ликвидации буржуазных прав и свобод. Одна из целей принятия этого закона заключалась в том, чтобы сковать возможности оппозиционных партий накануне выборов в одиннадцатый меджлис.

После принятия закона власти начали повсеместно запрещать собрания оппозиционных партий. Так, власти запретили собрание членов НРП в Чебеджи (вил. Анкары)²⁸, работу конгресса НРП в Бартыне²⁹ и т. д. Были арестованы и преданы суду секретарь вилайетской организации НРП в Диарбекире Ф. Қалфаги и восемь других членов партии. Им были предъявлены обвинения в нарушении закона о собраниях и демонстрациях. В действительности, они сидели в кафе и обсуждали партийные вопросы³⁰. В апреле того же года конгресс НРП в Соке проходил в присутствии жандармов³¹.

В марте 1960 г. полиция разогнала собрание женской организации при НРП в Стамбуле, якобы потому, что оно проводилось в политических целях³².

Власти запрещали проводить собрания и демонстрации также членам РНП и партии свободы. В январе 1957 г. губернатор Анкары Гёктан запретил проведение закрытого собрания партии Свободы³³. Далее, 22 января 1958 г. 22 члена и сторонники партии были приговорены к шести годам тюремного заключения. Вина их заключалась в том, что 12 мая 1957 г. они собрались на встречу Фетхи Челикбаша — одного из лидеров партии. Этого было достаточно, чтобы власти усмотрели в ней организацию незаконного политического митинга³⁴. Властей не смутило и то, что закон не предусматривал столь длительный срок тюремного заключения — почти в два раза больше, чем полагалось за подобные «преступления».

Однажды в кругу приближенных Мендерес хвастливо заявил, что он в течение «трех—пяти месяцев наденет мешок на голову партии Свободы», т. е. заставит ее замолчать³⁵.

²⁸ „Ulus“, 1957, 20 ocak.

²⁹ „Ulus“, 1957, 1 eylül.

³⁰ „Ulus“, 1957, 3 nisan.

³¹ „Ulus“, 1957, 15 nisan.

³² „Ulus“, 1960, 7 mart.

³³ „Ulus“, 1957, 20 ocak.

³⁴ „Ulus“, 1958, 23 ocak.

³⁵ „1962 Türkiye yıllığı“, s. 143.

Правительство Мендереса широко практиковало также лишение парламентской неприкосновенности депутатов НРП и других партий. Только в период 1954—1957 гг. меджлис рассмотрел 33 дела депутатов оппозиции о лишении их права неприкосновенности, что составляло почти половину их общего числа. Были лишены депутатской неприкосновенности депутаты НРП С. Аталай, О. Алишироглу, К. Кырыкоглу, И. Су и другие³⁶.

Репрессии и другие меры властей против оппозиции явились грубым нарушением элементарных норм буржуазной демократии, — свободы слова, собраний и демонстраций, свободы личности.

Характеризуя политику преследований правительства Мендереса в отношении оппозиционных партий, «Вашингтон Пост энд Геральд» писала: «Турки подавили не только коммунистов, но фактически уничтожили всякую политическую оппозицию, причем самыми резкими мерами»³⁷. Репрессии властей против оппозиции значительно усилились накануне выборов в меджлис осенью 1957 года. Конечной целью этой политики правительства Мендереса было установление однопартийной системы правления.

Правительство Мендереса подавляло также свободу печати. Ко времени прихода к власти ДП прогрессивная турецкая печать уже была разгромлена усилиями правительства НРП. Следовательно, когда мы говорим о политике ликвидации свободы печати, проводившейся ДП, то подразумеваем подавление оппозиционной буржуазной печати.

Печать, находившаяся на службе у НРП, РНП, партии Свободы и других партий, восхваляла американскую военную, экономическую и техническую «помощь» Турции, политику гонки вооружений, репрессий против коммунистов, сторонников мира и других патриотов. Она превозносила до небес «традиционную дружбу» Турции с западными странами. Лишний раз это было продемонстрировано по случаю столетия Крымской войны.

Турецким газетам было запрещено печатать объективные материалы о СССР и других социалистических странах. Страницы турецкой печати были наводнены материалами антисоветского характера. Турецким газетам запрещалось критиковать американскую агрессивную внешнюю политику, что вызывало восторг правящих кругов США. «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» писала по этому поводу, что в Тур-

³⁶ „Hürriyet“, 1951, 14 şubat.

³⁷ „Washington Post and Times Herald“, 1959, 9 december.

ции «антиамериканизм запрещен, а критиковать США значит совершить политическое самоубийство»³⁸.

Несмотря на непринципиальность и непоследовательность критики, с которой оппозиционная печать выступала против деятельности правительства Мендереса, правящая партия встала на путь ее окончательной ликвидации. Политика ликвидации оппозиционной печати явилась составной частью политики ликвидации буржуазной оппозиции в целом.

Первый закон, направленный против оппозиционной печати, был принят меджлисом 7 марта 1954 года. Он предусматривал, что журналисты и авторы статей, критикующие государственных деятелей и наносящие ущерб их авторитету, должны были подвергаться тюремному заключению сроком от пяти месяцев до трех лет и денежному штрафу от 1000 до 10000 лир. Закон предусматривал увеличение меры наказания, если нарушитель его являлся высокопоставленной личностью³⁹.

Если прежний закон о печати (статья 159 уголовного кодекса) предусматривал наказание лишь лиц, публично оскорбивших «честь» Турецкой республики, меджлиса, министерств, армии и органов государственной безопасности, то новый закон шел намного дальше — наказанию подлежали все лица, оскорбившие в печати любого государственного чиновника. Согласно этому закону, были учреждены специальные суды по делам печати, полностью находившиеся под контролем властей. Такие суды были учреждены в Стамбуле и Анкаре.

Оппозиция голосовала против нового закона, принятие которого власти заведомо приурочили к началу предвыборной кампании в десятый меджлис. Закон нанес сильный удар по позициям оппозиционных партий и органов их печати. Т. Фейзиоглу отмечал, что закон был принят именно накануне выборов в меджлис 1954 г., чтобы оставить НРП без газет и издательств⁴⁰.

Опираясь на этот закон, власти привлекли к судебной ответственности и заключили в тюрьму ряд турецких журналистов. Первой жертвой стал Ялчин — главный редактор газеты «Халкчи». 25 сентября 1954 г. он был арестован за критику правительства и лично Мендереса. Надо отметить, что еще 18 апреля 1952 г. меджлис лишил его депутатской неприкосновенности за статью «Голосование с закрытыми глазами», в которой он подверг резкой критике выборы в меджлис 1950 г. и внутреннюю политику ДП. На сей раз суд приговорил Ял-

³⁸ „United States News and World Report“, 1954, 13 august, p. 38.

³⁹ A. E. Yalman, *ibid.*, p. 263.

⁴⁰ T. Feyzioglu, *ayni eser*, s. 110.

чина к тюремному заключению сроком на 26 месяцев и 20 дней и денежному штрафу в сумме 4444,5 лир. 1 декабря 1954 г. он был заключен в тюрьму Искюдара, где и отметил свое восьмидесятилетие⁴¹. Вместе с Ялчином власти упрятали за решетку ответственного директора газеты «Халкчи» Дж. Саглама—на 46 месяцев 20 дней с штрафом 7777,5 лир⁴². Владелец газеты Н. Эрим был оштрафован на сумму в 22,222 лир. В октябре 1954 г. был приговорен к 14 месяцам тюремного заключения и штрафу в сумме 2500 лир Джеляль Карныч-оглу—владелец выходящей в Эскишехире газеты «Халк-йолу» за критику деятельности министра финансов и губернатора вилайета⁴³. Затем в тюрьме оказались также журналисты Ф. Арна, Б. Фаик, Т. Туран, Э. Адемхан, З. Ханхан, Ш. Беркер, Х. З. Сойлемезоглу и другие.

Однако и этот драконовский закон о печати не удовлетворял правительство Мендереса.

6 июня 1956 г. меджлис принял новый закон о печати, согласно которому газетам и журналам запрещалось печатание статей и заметок об экономическом положении страны; опубликование подобных статей, заимствованных из иностранных газет, журналов и книг; статей, критикующих депутатов меджлиса. Лица, нарушившие этот закон, могли быть приговорены к тюремному заключению сроком от одного до пяти лет и штрафу от 1 тыс. до 5 тыс. лир⁴⁴. Закон лишал журналистов права апелляции и права на доказательство, и судьи могли сами определить, допущено ли обвиненным журналистом оскорбление в отношении лица, возбуждвшего иск. Как явствует из текста нового закона, последний охватывал более широкий круг «преступлений», не говоря уже о том, что срок тюремного заключения был продлен на два года.

Депутаты оппозиции в своих выступлениях в меджлисе подвергли резкой критике новый закон. Они, в частности, отмечали, что даже в период султанской Турции власти не оказывали такого давления на печать, что закон является новым шагом к установлению режима тьмы и мрака⁴⁵. Согласно заявлению Инёню, новый закон о печати был призван

---

⁴¹ 18 марта 1955 г. Ялчин был амнистирован президентом, а 18 октября 1957 г. он умер.

⁴² Джемаль Саглам умер 20 октября 1955 г. Он был привлечен к судебной ответственности 60 раз, больше, чем какой-либо другой журналист, см. „Vatan“, 1955, 21 ekim.

⁴³ „Istanbul“, 1954, 20 octobre.

⁴⁴ „Zafer“, 1956, 8 haziran.

⁴⁵ „Istanbul“, 1956, 7 juin.

окончательно ликвидировать всякую критику печати и оппозиции в адрес правительства⁴⁶.

После того как меджлис принял этот закон, власти обрушили новые репрессии и преследования на оппозиционную печать. В феврале 1957 г. был арестован владелец и главный редактор журнала «Акис» — М. Токер за статью, опубликованную более года назад и направленную против министра печати и информации. Токера заключили в тюрьму сроком на 7 месяцев и оштрафовали на сумму 5 тыс. лир. В конце мая 1957 г. суд приговорил к тюремному заключению сроком на 8 месяцев Гюлека — как издателя «Улуса»⁴⁷. Вскоре оказались в тюрьме также издатель газеты «Заман акшам постасы» Н. С. Джошкун и редактор той же газеты Р. Экинджи⁴⁸.

Преследование оппозиционной печати еще более усилилось в период предвыборной кампании 1957 г. и после нее. Было закрыто Стамбульское общество журналистов за опубликование манифеста, в котором выражалось недовольство отношением властей к журналистам во время их встречи 1 июля 1957 г. с Бёлюкбаши⁴⁹. Закрылась и газета «Ени гюн» — орган партии Свободы⁵⁰. Подвергся аресту Дж. С. Барлас — владелец газеты «Сон Хавадис»⁵¹, был заключен в тюрьму ответственный редактор газеты «Ени гюн» — Э. Токатли⁵².

Впоследствии власти закрыли газеты «Улус», «Ени гюн», «Демократ Измир», журналы «Акис» и «Ким».

В период 1958—1960 гг. в Турции было арестовано и посажено в тюрьму большое число журналистов, в том числе З. Бумут, А. Оймен, Ю. З. Адемхан, У. Арман, Б. Джежкчи, Х. Сойтюрк, А. Гюнгор, М. Гюльгенджи, Эмин М. Адисом, Бахчиоглу, Ф. Гирей и другие.

Не избежал тюрьмы и Ялман. 30 мая 1959 г. его осудили на 15 месяцев тюрьмы и ссылку в Самсун на три месяца и 10 дней. «Преступление» Ялмана заключалось в том, что он «оскорбил добропорядочность правительства», перепечатав статью американского журналиста Юджина Пуллоэма из газеты «Стар», в которой критиковалась экономическая политика Мендереса и приводились факты распределения американской «помощи» среди окружения премьер-министра. Вместе с Ялманом были приговорены к тюремному заключению

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ „Ulus“, 1957, 31 mayıs.

⁴⁸ „Ulus“, 1957, 11 mayıs.

⁴⁹ „Istanbul“, 1957, 6 juillet.

⁵⁰ „Ulus“, 1957, 21 agosto.

⁵¹ „Ulus“, 1957, 2 kasım.

⁵² „Ulus“, 1957, 22 kasım.

на 16 месяцев его сын — журналист Т. Ялман и ответственный редактор газеты «Ватан» — С. Акпынар. В начале января 1960 г. власти отложили на 6 недель приведение в исполнение приговора по делу Ялмана. Однако в марте Ялман все же оказался в тюрьме, несмотря на свой 72-летний возраст и плохое состояние здоровья. Вскоре он был переведен в больницу. В середине апреля 1960 г. он вышел из больницы, и отбывание тюремного заключения было отложено на шесть месяцев. Арест Ялмана получил широкую огласку на Западе и вызвал протесты со стороны Международного института печати, в который он входил в качестве члена исполнительного конгресса. 18 декабря 1959 г. институт призвал всех редакторов газет «свободного мира» заявить самый решительный протест против преследования свободы буржуазной печати в Турции. 25 марта 1960 г. институт опубликовал копию письма Ялмана Мендересу. В письме отмечалось, что в Турции нет свободы печати. Ялман писал, что глубоко огорчен действиями правительства и сожалеет по поводу того, что Мендерес, которого он в свое время поддерживал и которому помог основать партию, подвергся «недугу», угрожающему людям, стоящим у власти. 25 марта 1960 г. в Токио состоялся конгресс института. Ялман был переизбран членом исполнительного конгресса. Участники конгресса потребовали освобождения Ялмана из тюрьмы. Конгресс потребовал также восстановления свободы печати в Турции. В этой обстановке власти вынуждены были отложить отбывание тюремного заключения Ялманом из-за неблагоприятных международных откликов.

В общей сложности, как об этом заявил в меджлисе Гедик, в период с 14 мая 1950 г. по 14 мая 1958 г. турецкими судами было рассмотрено 2324 обвинения против журналистов, 811 журналистов были присуждены к 144 годам 8 месяцам и 3 дням тюремного заключения и денежному штрафу в сумме 41 862 960 лир⁵³. 1959 год явился «самым тяжелым годом турецкой печати», в течение которого 61 журналист был приговорен к 48 годам 10 месяцам и 1 дню тюремного заключения и 21 тыс. лир штрафу⁵⁴.

Правительство Мендереса не останавливалось перед насильственными мерами в отношении оппозиционной печати. Примером может служить разгром редакции оппозиционной газеты «Демократ Измир». В мае 1959 г. члены правящей партии с бутылками горючего и криками — «Громите коммунистическую газету», подожгли здание редакции газеты, вы-

⁵³ „Ulus“, 1958, 19 aralık.

⁵⁴ „Cumhuriyet“, 1960, 1 ocak.

ступавшей с критикой деятельности правительства. Это чудовищное по своему характеру преступление против свободы печати было равноценно фашистским разбоям.

Однако правительство не собиралось ограничиться этими мероприятиями. Без согласия меджлиса оно приняло решение: с 1 января 1958 г. частные объявления и рекламы предоставлялись газетам и журналам только акционерным обществом официальных объявлений Союза турецкой печати. Доходы от реклам и объявлений являлись важными статьями поступлений для турецких газет и журналов. Поэтому установление правительственного контроля над ними сильно подорвало их финансовые дела. Вскоре журналам «Форум» и «Акис» вовсе было запрещено печатать рекламы⁵⁵.

В августе 1959 г. правительство приняло новое постановление, согласно которому право публикации реклам и объявлений предоставлялось газетам с тиражом 10 тысяч экземпляров. Для вечерних газет устанавливалась норма не менее 6 тыс. экземпляров. Примечателен нашедший отражение в постановлении пункт, согласно которому одним из условий получения реклам и объявлений власти считали публикацию «объективной информации» газетами, т. е. восхваление политики правительства и личности лидеров правящей партии. Это постановление правительства поставило под угрозу закрытия 45 газет, а газета «Истикляль газетеси» (Анкара) сразу же была закрыта. Оказались на краю краха также газеты «Анкара телеграф», «Ени сес» и «Хер-гюн экспресс».

В знак протеста против этого постановления правительства подал в отставку председатель федерации профсоюза журналистов Месут Оздемир. Причину своей отставки он объяснил тем, что при режиме, созданном правительством для турецких журналистов, они не в состоянии выполнять свои обязанности. Как подчеркнул М. Оздемир, журналистов даже избивают при исполнении служебных обязанностей...⁵⁶

Одним из рычагов давления властей на оппозиционную печать было также неравномерное распределение газетной бумаги среди редакций. Правительство щедро поставляло бумагу редакциям газет, восхвалявшим политику ДП, в то время как оппозиционные газеты держались на голодном пайке.

Принятые меджлисом законы о печати противоречили элементарным нормам буржуазной демократии и конституции Турции.

После второй мировой войны реакция в Турции приняла против оппозиционной буржуазной печати такие ре-

⁵⁵ „Economist“, 1958, 19 april, p. 223.

⁵⁶ „Akşam“, 1959, 6 ekim.

прессии и преследования, какие не знала ни одна из самых реакционных стран капиталистического мира. Дело доходило до того, что журналиста, отбывавшего тюремное заключение, власти приговаривали к новым срокам заключения (У. Арман, Ю. Зия Адемхан и другие).

Эта позиция правительства неоднократно вызывала протесты не только со стороны турецкой, но и западной печати, пытавшейся спасти «честь» буржуазной свободы.

Против подавления свободы печати выступали «Нью-Йорк-таймс», «Нью-Йорк геральд Трибюн»⁵⁷, «Вашингтон пост», «Манчестр гардиан», «Монд» и другие органы монополистической печати Запада. «Вашингтон пост» писала: «Преследование печати в Турции столь же печальное, как и *всем знакомая история* (подчеркнуто нами. — Р. К.). Вновь Международный институт печати сообщает, что турецкие редакторы оштрафованы или брошены в тюрьмы за высказывание мыслей, которые правительство считает безответственными, или, как это имело место в одном случае, «могущими подорвать уважение к министру юстиции». Одной из жертв нынешней кампании является 16-летний разносчик газет, обвиняемый в том, что, продавая газеты, он кричал: «Пишут, что цена на сахар будет повышена»⁵⁸. «Манчестер гардиан» отмечает, что в Турции «каждый месяц редакторов газет бросают в тюрьмы, издателей подвергают штрафу, а газеты закрывают. Со времени прихода к власти правительством Мендереса в тюрьмы было брошено более 800 журналистов»⁵⁹.

Характеризуя действия властей в отношении печати, «Монд» указывала: «Произвол закона доходил до того, что газета обязана была публиковать опровержение объемом в три раза больше, чем сама статья, и притом под заголовком, который предлагали власти»⁶⁰.

Следует подчеркнуть, что западная печать, критикуя действия правительства Мендереса в отношении оппозиционных газет, словом не упоминала о том, что прогрессивная печать в Турции была разгромлена правительствами НРП и ДП.

В упомянутой нами книге Э. Бисби утверждается, что «сегодняшняя турецкая печать вполне свободна от репрессий»⁶¹. Преследования и репрессии правительства Мендереса

---

⁵⁷ „New York Times“, 1956, 10 may; 1958, 21 october; „New York Herald Tribune“, 1959, 11 january.

⁵⁸ „Washington Post“, 1959, 23 may.

⁵⁹ „Manchester Guardian“, 1959, 8 may.

⁶⁰ „Monde“, 1960, 3 août.

⁶¹ E. B i s b e e, *ibid.*, p. 277.

против буржуазной печати начисто опровергали эти утверждения. Меры правительства ДП были направлены на достижение ее конечной цели — подавить буржуазную демократию и ликвидировать оппозицию, установить однопартийную буржуазную систему правления в стране.

* * *

Оппозиционные буржуазные партии, в особенности НРП, стремились использовать борьбу крестьянских масс и рабочего класса в своих узкопартийных целях. В целях привлечения на свою сторону широких народных масс, недовольных последствиями политики правительства, оппозиционные партии рядились в тогу выразителей их интересов.

В этой связи они подвергали острой критике экономическую политику правительства. Газеты оппозиционных партий пестрели объявлениями о нехватке питьевой воды, хлеба, мяса, кофе, масла и других товаров первой необходимости. Зачастую это иллюстрировалось снимками длинных очередей за продуктами питания. Вопрос дороговизны жизни почти всегда затрагивался в выступлениях руководящих деятелей оппозиционных партий.

Оппозиционные партии и органы печати «возмущались» по поводу повышения цен, «сочувствовали» беднейшим слоям населения, в густых красках описывали тяжелое экономическое и финансовое положение страны. Оппозиция обвиняла правящую партию, ее руководящих деятелей — депутатов меджлиса и членов правительства во взяточничестве, в использовании своего служебного положения в целях личного обогащения как за счет государства, так и за счет народных масс. Вместе с тем оппозиция стремилась вовлечь рабочий класс и крестьян в межпартийную борьбу, отвлекая их от классовой борьбы.

Правительство подвергалось критике за плачевное состояние просвещения и здравоохранения, особенно в восточных вилайетах страны.

Оппозиция выступила против проводимой правительством политики привлечения иностранного капитала. Парламентская фракция НРП, например, проголосовала против закона № 6224 от 18 января 1954 г. о поощрении иностранного капитала. Оппозиция выступила также против закона № 6326 от 7 марта 1954 г. о привлечении иностранного капитала в нефтяную промышленность. Подверглось критике и соглашение о неприкосновенности собственности американских монополий, подписанное между Турцией и США в январе 1957 года.

Оппозиционные партии воспротивились вступлению Турции в «общий рынок». Газета «Ени гюн» писала по этому поводу, что промышленность стран—участниц этого рынка раздавит и уничтожит турецкую промышленность⁶².

Оппозиция критиковала правительство и лично Мендереса в том, что они не возмещали ущерб владельцам деревянных и других лавок и домов, снесенных якобы в целях благоустройства Стамбула. Это квалифицировалось как нарушение конституции, согласно которой отбираемое государством имущество подлежало оплате⁶³.

Что касается отношения оппозиции к внутривнутриполитическим мероприятиям правительства, то они сводились к критике политики возрождения религиозного фанатизма, насаждения национализма и др.

На чрезвычайной сессии меджлиса 12 сентября 1955 г. НРП, РНП и крестьянская партия осудили поведение правительства во время событий 6—7 сентября в Стамбуле и Измире, чтобы привлечь на свою сторону симпатии национальных меньшинств. Правящая партия обвинялась в этой связи и на последующих заседаниях меджлиса, в частности в январе 1956 года. НРП выражала свой протест против репрессий, применяемых против нее властями, репрессий против оппозиционных партий и печати, нарушений властями избирательной системы.

Негодование оппозиции вызвал закон о собраниях и демонстрациях. Критикуя антидемократический характер этого закона, Т. Фейзиоглу провел параллель между султанской Турцией и Турцией республиканской и напомнил, что закон, разрешавший политические и другие собрания, впервые был принят в Турции еще в 1909 году⁶⁴. Некоторые депутаты указывали, что новый закон противоречит как конституции, так и Всеобщей декларации прав человека. М. Хазер (депутат меджлиса от НРП) вслед за Т. Фейзиоглу отмечал, что еще 50 лет назад, т. е. в период правления султанов, в Турции был принят закон, разрешавший ее подданным проведение свободных собраний и демонстраций, что ныне запрещено делать гражданам республики⁶⁵.

Оппозиция обвиняла правящую партию также в том, что она оказывала давление на чиновников государственного аппарата, судей и использовала последних в своих партийных целях, вела дело к сращиванию партийного аппарата с госу-

⁶² „Yeni gün“, 1959, 2 eylül.

⁶³ „Ulus“, 1959, 8 aralık.

⁶⁴ Т. Feyzioglu, aynı eser, s. 68.

⁶⁵ „Ulus“, 1960, 25 şubat.

дарственным, превышению полномочий полицейских, жандармерии и судов, установлению в стране режима «полицейской демократии»⁶⁶.

Лишение прав пользования государственным радио она характеризовала как нарушение закона № 5332 от 1949 г. об учреждении Главного управления печати, информации и туризма⁶⁷.

Критика оппозиции в адрес правительства Мендереса и ДП была справедливой, но далеко не полной, не принципиальной и не последовательной. Взять хотя бы критику оппозицией экономических мероприятий правительства. Когда дело доходило до вскрытия подлинных причин создавшегося экономического и финансового положения страны и обнищания трудящихся масс, оппозиция предпочитала умалчивать и уходить от ответа на этот злободневный вопрос. Типичным примером в этом отношении может служить мнение турецкого экономиста Хашима Х. Эрбиля, написавшего специальную работу о дороговизне жизни. На свой же вопрос: «Каковы причины дороговизны» он с напускной наивностью заявлял: «Нет людей, которые ответили бы правильно на этот вопрос»⁶⁸. Подобное заявление фактически являлось оправданием политики милитаризации, послужившей одной из главных причин ухудшения экономического и финансового положения страны и обнищания трудящихся масс. Зачастую, выступая против мероприятий правительства по поощрению иностранного капитала, НРП умышленно предавала забвению тот факт, что эта политика началась еще в бытность ее у власти. В то же время НРП и другие оппозиционные партии всячески оправдывали политику репрессий против компартии, сторонников мира, передовой интеллигенции, судебные расправы над патриотами, — все то, что целиком и полностью было унаследовано от нее.

Выступая против преследований оппозиционных партий, НРП предавала забвению то, что еще в начальный период своего правления она провела через меджлис закон (1925 г.), запрещавший партии и общества, невзирая на их классовую принадлежность. НРП заложила также основу политики уступок духовенству.

Чтобы пользоваться поддержкой США и внутренней реакции, НРП поддерживала проводимую правительством Мендереса политику милитаризации страны, — политику, которую ДП также целиком и полностью унаследовала от НРП.

⁶⁶ „Ulus“, 1957, 16 mayıs.

⁶⁷ T. Feyzioğlu, aynı eser, s. 83.

⁶⁸ H. H. Erbil, aynı eser, s. 4.

Более того, лидеры НРП постоянно утверждали, что в случае их возврата к власти изменений в политике милитаризации не произойдет. Они постоянно подчеркивали, что приоритет проведения этой политики принадлежит НРП. Как писал журнал «Монд нуво парю», «политика милитаризации страны является равным образом общей для двух партий»⁶⁹.

Примечательно, что парламентские фракции НРП и других оппозиционных партий, голосуя против проектов государственного бюджета в целом, в то же время голосовали за утверждение военных расходов, вступление Турции в НАТО, СЕНТО, принятие «доктрины Эйзенхауэра» и т. п. Оппозиция всецело поддерживала агрессивную внешнюю политику правящей партии. Лидеры НРП и в этом случае заявляли, что, вновь оказавшись у власти, они не внесут изменений во внешнюю политику Турции⁷⁰. Это они поясняли тем, что ДП в свое время сама унаследовала ее от НРП. В этой связи обращает на себя внимание то, что вопросы внешней политики редко обсуждались на конгрессе НРП. НРП была в принципе согласна на участие Турции в американской агрессии против КНДР, но осуждала ее неконституционный характер⁷¹. В дальнейшем вынужденные считаться с недовольством народных масс агрессивным характером внешней политики страны, лидеры оппозиции стали критиковать и некоторые внешнеполитические шаги правительства.

Было, в частности, осуждено поведение делегации Турции на Бандунгской конференции, выступившей в поддержку колониализма. Оппозиция выступила также против американотурецких планов развязывания агрессии против Сирии осенью 1957 года. Она подняла бурю протеста по поводу того, что американо-турецкое соглашение об использовании американской авиацией военно-воздушной базы Инджирлик было подписано без ведома меджлиса. Использование базы в Инджирлике против Ливана расценивалось как предательство национальных интересов. Оппозиционные партии и печать осуждали провокационную деятельность правительства в отношении Иракской республики. Они выступали против разгула и финансовых махинаций американских военнотурецких, чувствовавших себя в Турции более свободно, чем в своей стране. Оппозиция отмечала, что американским военнотурецким фактически предоставлено право экстерриториальности и что

⁶⁹ „Monde Nouveau paru“, 1954, mai, p. 21.

⁷⁰ „Akşam“, 1958, 23 eylül.

⁷¹ A. Kılıç, Turkey and the World, p. 149. Решение о посылке турецкой бригады в Южную Корею правительство Мендереца приняло без ведома и согласия меджлиса.

соглашение по этому вопросу было подписано в глубокой тайне, без утверждения меджлиса.

Следует указать, что многочисленные преступления военнослужащих США, кончавшихся трагически для турецких граждан, объявлялись американскими военными властями совершенными при исполнении служебных обязанностей. Тем самым преступники получали возможность миновать турецкое законодательство и предстать перед американским военным судом. Последний выносил легкий приговор или же вовсе оправдывал преступников. Возмущение оппозиции вызвал случай с американским полковником Моррисоном, который в январе 1960 г. в пьяном состоянии врезался на машине в турецкий отряд, убив и ранив нескольких солдат⁷². Но американский суд оправдал его под тем предлогом, что якобы это случилось во время исполнения служебных обязанностей.

Особенно резкой критике со стороны оппозиции подверглось американо-турецкое военное соглашение от 5 марта 1959 года. Депутат Х. Эроглу и другие в комиссии по иностранным делам отмечали, что соглашение может привести к грубому иностранному вмешательству во внутренние дела страны, что оно несовместимо с независимостью и национальным достоинством Турции. Указывалось, что США получали право военного вмешательства во внутренние дела Турции даже в случае вероятной «невооруженной военной агрессии» против нее, «проникновения международного коммунизма» или «наличия тайной подрывной деятельности» в стране⁷³. Депутаты оппозиции были явно обеспокоены тем, что военное вмешательство США во внутренние дела страны в пользу правительства Мендереса могло иметь место даже в случае междоусобицы буржуазных партий. Депутаты НРП указывали, что такие права Соединенным Штатам не предоставлялись ни одной страной — участницей НАТО и что соглашение стало осуществляться еще задолго до утверждения его меджлисом.

В начале апреля 1960 г., когда соглашение вновь стало предметом обсуждения в комиссии, депутаты оппозиции опять выступили против него. И когда 9 мая 1960 г. меджлис без обсуждения ратифицировал соглашение, парламентские фракции НРП и других оппозиционных партий в полном составе бойкотировали заседание меджлиса.

Поведение оппозиции на заседаниях комиссии показывает, что ее критика в адрес правительства носила формальный характер. Оппозиция не выступала против главной цели

---

⁷² „Monde“, 1960, 9 août.

⁷³ „Ulus“, 1960, 26 şubat,

соглашения — превращения страны в атомно-ракетный плацдарм по соседству с СССР, чреватый пагубными последствиями для Турции. Критика оппозиции исходила не из интересов страны и народа, а отвечала лишь целям оппозиционной борьбы. Оппозиция использовала антиамериканские настроения для усиления своего влияния в стране.

Оппозиционные партии выдвигали также и свои требования. В частности, выдвигались требования о введении пропорциональной системы представительства в меджлисе, взамен мажоритарной системы выборов⁷⁴, создании двухпалатного меджлиса⁷⁵, предоставлении права на доказательство, об автономии университетов, независимости судей и обеспечении свободы выборов. Оппозиция требовала также нейтральности президента республики и государственного радио, учреждения высшего конституционного суда (совета) и др.⁷⁶ В отношении государственного радио оппозиция открыто заявляла, что оно является всего лишь громкоговорителем ДП⁷⁷.

Оппозиция выступала также за нейтральность председателя меджлиса. Что же касается права на доказательство, то представители оппозиции указывали на существование этого права еще в древней Греции и Италии, а также в положениях мусульманской религии⁷⁸. Т. Фейзиоглу писал по этому поводу, что все диктаторы были против права на доказательство, начиная с Наполеона и кончая итальянскими и германскими фашистами⁷⁹. Оппозиция требовала также предоставления рабочим права на забастовку⁸⁰. Она обещала, что в случае прихода к власти наделит крестьян дополнительными участками земли и т. д.

Межпартийная борьба в период правления ДП напоминала аналогичную борьбу в США, о которой В. И. Ленин в свое время писал: «Никакого *серьезного* значения для массы народа эта борьба *не имела*. Народ обманывали, отвлекали от его насущных интересов посредством эффектных и бессодержательных *дуэлей* буржуазных партий»⁸¹.

⁷⁴ „Istanbul“, 1957, 24 mai.

⁷⁵ „Cumhuriyetçi Millet Partisi“, s. 10.

⁷⁶ T. Feyzioğlu, aynı eser, s. 68—175; Cumhuriyetçi Millet Partisi“, s. 10.

⁷⁷ „Ulus“, 1960, 25 ocak.

⁷⁸ T. Feyzioğlu, aynı eser, s. 122.

⁷⁹ T. Feyzioğlu, aynı eser, s. 177.

⁸⁰ „Monde“, 1957, 7 septembre.

⁸¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 193.

Ухудшение экономического и финансового положения страны, возросшее недовольство трудящихся масс внутренней и внешней политикой правительства, усиление их борьбы против эксплуатации и обнищания, активизация деятельности оппозиционных партий, — все это пошатнуло позиции правящей партии, послужило причиной ее глубокого внутреннего кризиса.

Ослабление позиций партии нашло свое отражение в итогах выборов в меджлис 27 октября 1957 года. Об этом говорит простое сопоставление результатов выборов в меджлис в мае 1954 и осенью 1957 годов.

На выборах в десятый меджлис правящая партия получила 5 150 924 голоса, или 58,22% голосов всех избирателей⁸². НРП тогда получила 3 214 885 голосов, или 36,34% голосов всех избирателей⁸³. РНП провела в меджлис пять своих кандидатов. Все они были от вилайета Кыршехир.

Победе ДП на предыдущих выборах способствовал ряд факторов. Прежде всего, наделение крестьян землей. В 1953 г. был собран самый богатый урожай зерновых культур — более 14 млн. тонн. Правящая партия не преминула приписать это себе. В этот год продолжала удерживаться высокая конъюнктура на продукцию сельского хозяйства, связанная с агрессией американского империализма против корейского народа. Во время предвыборной кампании правительство сыграло на том, что обещало сохранить высокие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию (30—35 курушей на центнер пшеницы).

Произошли некоторые сдвиги и в сфере промышленного производства. Было заложено и введено в эксплуатацию несколько новых промышленных предприятий — меры, специально приуроченные к началу предвыборной кампании.

Официозная печать широко пропагандировала экономическую политику правительства Мендереса. Руководство правящей партии в пропагандистских целях козыряло цифрами роста валовой продукции сельского хозяйства и промышленности, данными сельскохозяйственного кредита. Оно восхваляло законы о поощрении иностранного капитала, которые якобы призваны были способствовать развитию экономики страны. Демократическая партия акцентировала на том, что она намерена уделить особое внимание развитию восточных вилайетов⁸⁴.

⁸² „Seçim neticeleri...“ s. 5; G. Lewis, *ibid.*, p. 138.

⁸³ „Seçim neticeleri...“ s. 5.

⁸⁴ O. Şahingiray, *aynı eser*, s. s. 90—97, 139.

Накануне выборов меджлис принял законы о выплате три раза в год наградных государственным чиновникам и военнослужащим и один раз — рабочим государственных предприятий в размере их месячной зарплаты. Законы эти представляли собой своеобразную форму подкупа избирателей. Следует иметь в виду, что в тот период экономическое и финансовое положение страны лишь начинало ухудшаться, и многие избиратели верили, что правительству удастся стабилизировать экономику. Победе ДП содействовало также принятие меджлисом законов о поощрении иностранного капитала, денационализации нефтяной промышленности, обеспечившие ей поддержку иностранных монополий и правящих кругов США.

Демократическая партия получила большинство голосов в 60 вилайетах и потерпела поражение в вилайетах Карс, Синоп, Малатья и Кыршехир.

Иную картину представляли выборы в меджлис одиннадцатого созыва. Выборы эти были проведены досрочно, потому что ДП сознавала, что в связи с наметившимся ухудшением экономического и финансового положения страны ей вряд ли удалось бы одержать победу в 1958 году. Правительство Мендереса приурочило выборы к моменту подготовки агрессии против Сирии, чтобы путем раздувания военного психоза отвлечь внимание избирателей от насущных внутренних проблем. Власть повысила закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, отсрочила на пять лет погашение крестьянами долгов по кредитам, полученным от государства.

В тех районах, где ДП не была уверена в успехе, власти призвали в армию резервистов, тем самым лишив их участия в выборах. ДП прибегала также к широкому подкупу избирателей и давлению на них, использованию влияния духовенства на избирателей в свою пользу. В то же время власти предприняли новые репрессии против оппозиции. 11 сентября 1957 г. меджлис одобрил закон, запрещающий оппозиционным партиям выступать на выборах единым списком. Правящая верхушка использовала государственные средства и аппарат в узкопартийных целях. Щедрую финансовую поддержку ей оказали Деловой банк и многие крупные промышленники⁸⁵.

Но ни финансовая помощь со стороны крупного капитала, ни предвыборные обещания, ни подкупы и нажим не помогли правящей партии. На выборах в меджлис она получила на 375814 голосов меньше, чем оппозиционные партии. И лишь мажоритарная система обеспечила большинство депутатских мест за правящей партией. Несмотря на то, что НРП, РНП и

⁸⁵ „Ulus“, 1960, 18 haziran.

партия Свободы вместе взятые, получили 4 770 717, или 52,9% голосов всех избирателей, эти партии получили всего 186 депутатских мест в меджлисе против 424 мест ДП. НРП получила 41,03% голосов всех избирателей⁸⁶ и 178 депутатских мест, РНП—4 места (вил. Кыршехир) и партия Свободы—4 места (вил. Бурдур).

Демократическая партия одержала победу в 46 вилайетах.

Распределение депутатских мест в меджлисе не отражало фактического соотношения сил между правящей и оппозиционными партиями. Недовольство оппозиционных партий итогами выборов в меджлис настолько усилилось, что привело к кровавым столкновениям между сторонниками оппозиции и властями в Газиянтепе, Хатайе, Кайсери, Чанаккале, Самсуне, Гиресуне и Кастамону. Имелись убитые и раненые.

После выборов в меджлис процесс ослабления позиций правящей партии продолжался.

Этот процесс послужил непосредственной причиной внутреннего кризиса в правящей партии. Об этом свидетельствовало создание новых буржуазных партий бывшими ее членами, выход рядовых и видных членов из ее рядов, принявший со временем довольно широкие масштабы. Лица, недовольные политикой правительства, заблаговременно порывали с ней связи, пока еще не пробил час ее неизбежного политического краха.

Об усилении этого процесса говорили частые отставки министров и самого правительства во главе с Мендересом, возникновение новой оппозиции внутри партии и т. д.

Признаки раскола внутри партии имелись еще до ее прихода к власти. Так, в январе 1948 г. из партии вышел проф. К. Онер — председатель Стамбульской вилайетской организации. 10 марта ЦК исключил из партии пять депутатов меджлиса, из-за чего возникли разногласия внутри ЦК. Вскоре шесть членов ЦК вышли из его состава в знак протеста против исключений. Основной причиной исключений и ухода из рядов партии послужили закулисные махинации, имевшие место между лидерами ДП и НРП.

20 июля 1948 г. была образована новая, национальная партия, организаторами которой явились маршал Ф. Чакмак, Е. Акайген, О. Кони, проф. Ю. Баюр, К. Онер, д-р М. Кентли, помещик О. Бёлюкбаши и генерал С. Алдоган⁸⁷. Впоследствии в национальную партию вступили А. Тахтакылыч,

⁸⁶ „Seçim neticeleri...“ s. 5.

⁸⁷ Т. З. Ту п а у а, аум есер, s. 712.

Х. Димчер, А. Огуз, С. Лачин, Р. Айдынлы, Э. Кок, С. Батур и Ю. Тенгиршенк. Почетным председателем ЦК партии был избран Ф. Чакмак, генеральным председателем — Ю. Баюр⁸⁸.

В национальную партию вошли представители мелкой и средней буржуазии, помещичье-кулацкие элементы. Она выступала в защиту западной демократии, постепенной ликвидации этатизма, привлечения иностранного капитала, за преподавание богословских предметов и преследование прогрессивных элементов.

Другой партией, образованной бывшими членами ДП, была крестьянская партия Турции. История ее формирования следующая. 28—29 мая 1951 г. в Адане происходила вторая конференция Сейханской вилайетской организации ДП, на которой ряд делегатов подверг резкой критике ЦК и его председателя Мендереса. В знак протеста против самоуправства Мендереса они покинули конференцию и вышли из состава партии. Среди них находились депутаты меджлиса проф. Р. Арык, д-р Дж. Тюрк, Ю. Экер и Т. Чошкун (депутаты от вилайета Сейхан)⁸⁹. В своем заявлении о выходе из ДП они указывали, что руководители правящей партии «растоптали принципы демократии и гигантскими шагами ведут партию к диктатуре»⁹⁰.

19 мая 1952 г. вышеуказанные лица и их сторонники собрались на свой первый конгресс, состоявшийся в Анкаре, и провозгласили образование крестьянской партии Турции⁹¹. Организаторами этой партии явились: почетный председатель ЦК партии проф. Э. Мелеменджиоглу, председатель ЦК партии проф. Р. О. Арык⁹², генеральный секретарь — Т. Демиррай (публицист), члены ЦК — д-р Дж. Тюрк, Ю. Экер, д-р С. Эндик (деп. от Чанаккале), Х. Беше (бывший генеральный секретарь вануфов), А. Гюнч, А. Илбай и Дж. Кантемир⁹³.

Крестьянская партия Турции выражала интересы кулацких элементов. Она выступала против обложения кулаков подоходным налогом⁹⁴. Однако крестьянская партия не сумела превратиться в сильную оппозиционную партию.

⁸⁸ О роспуске национальной партии и ее преобразовании в республиканскую национальную партию см. выше, стр. 92.

⁸⁹ „Cumhuriyet“, 1951, 30 mayıs.

⁹⁰ „Cumhuriyet“, 1951, 31 mayıs.

⁹¹ „Türkiye köylü partisi“, s. 71.

⁹² Проф. Р. Арык умер 3 апреля 1954 г. в районе Аданы в результате авиационной катастрофы.

⁹³ Т. З. Туная, aynı eser, s. 774.

⁹⁴ „Vatan“, 1955, 4 aralık.

В ноябре 1955 г. бывшими членами ДП была образована еще одна буржуазная оппозиционная партия — партия Свободы. Ее история берет начало с августа 1953 г., когда группа членов ЦК партии в составе С. Агаоглу⁹⁵, Э. Гюрелли, Р. Индже и других, при поддержке около 40 депутатов меджлиса, попыталась отнять у Мендереса пост председателя ЦК партии⁹⁶. Эта оппозиция внутри ДП выступала против закона о конфискации имущества НРП⁹⁷, законов о печати, демонстрациях и собраниях. Она также высказывалась против принятия законов о поощрении иностранного капитала и о нефти до выборов в меджлис 1954 года⁹⁸.

Некоторые депутаты меджлиса от правящей партии подвергли острой критике поведение правительства в период сентябрьских событий 1955 г. в Стамбуле и Измире. В парламентской группе партии прошло бурное заседание по этому вопросу. Не подозревая, что эти события были делом рук правительства, парламентская группа приняла резолюцию, требовавшую проведения расследования. Но Мендерес путем грубого нажима на председателя фракции сумел отклонить резолюцию. Оппозиция, несмотря на противодействие Мендереса, требовала предоставления журналистам права на доказательство. Входящие в нее 19 депутатов меджлиса потребовали объяснения по поводу репрессий против печати и журналистов, изменения закона о печати. 14 октября 1955 г., т. е. за день до открытия четвертого конгресса ДП, ЦК исключил 9 депутатов меджлиса из партии, в том числе — Ф. Караосманоглу (бывший министр внутренних дел в первом правительстве Мендереса, а впоследствии государственный министр, член ЦК с 1951 г.), Э. Устюндаг (бывший министр здравоохранения), Б. Каяальп, С. Каранакчи, И. Акъюз, Р. Караосманоглу, Э. Эбюззия, М. Тимуроглу и С. Чираджиоглу⁹⁹.

Ф. Караосманоглу направил выдержанное в резком критическом тоне письмо Мендересу. В этом письме, сам этого не желая, он метко характеризовал деятельность правящей партии. Он писал: «Придя к власти, мы ничего не изменили. Существует такой же тоталитарный режим, как и при наших

---

⁹⁵ Следует указать, что С. Агаоглу и впоследствии оставался в рядах оппозиции к Мендересу, но не принимал активного участия в ее борьбе против правительства и до свержения правления ДП занимал различные министерские посты.

⁹⁶ „Gece postası“, 1953, 15 agosto.

⁹⁷ „Economist“, 1954, 15 may, supp. „Turkey“, p. 2.

⁹⁸ А. Е. Y a l m a n, ibid, p. 270—271.

⁹⁹ „Cumhuriyet“, 1955, 16 ekim.

предшественниках. Наш режим не только не обеспечивает прав личности, но и является своего рода диктатурой. Все виды махинации и интриг считаются обычными методами. Программа нашей партии осталась в стороне, а на практике получилось и получается совсем другое. Не принципы, а групповщина господствует в национальных делах. Даже внутри партии, пришедшей к власти под знаменем свободы, отсутствует свобода»¹⁰⁰.

15 октября 1955 г. в знак протеста против исключения своих единомышленников из партии 10 депутатов меджлиса в письме на имя съезда заявили о выходе из партии, в том числе проф. Ф. Челикбаш (бывший министр государственных предприятий, член ЦК с 1951 года), К. Кюфреви, Э. Гюрелли, М. Экинджи, М. Байрамоглу, Ш. Менгю, Р. Айбар, И. Окмен, Т. Гюнеш и Э. Аляджан¹⁰¹. К ним примкнули Ф. К. Эркин, бывший министр национальной обороны, исключенный из партии в августе того же года, Ю. Очаклы, генерал в отставке Ю. Эгели, И. Тигрел. По случаю исключения из партии Ф. Л. Караосманоглу и Э. Х. Устюндага, члены 18 отделений партии вышли из ее состава, а отделения эти закрылись. Вышли из партии также все организации в Манисе, кроме ее секретаря, и члены «Организации молодых демократов» в Анкаре.

20 ноября 1955 г. эти лица и основали партию Свободы. Генеральным председателем партии первоначально был избран Э. Устюндаг. Но он отказался от этого поста из-за болезни¹⁰² и был избран председателем парламентской фракции партии. Генеральным председателем партии был избран Ф. Караосманоглу, председателем партии — Э. Гюрелли, генеральным секретарем — И. Октем. Партия Свободы выступала за планируемую свободную экономику.

Эти партии были сформированы исходя из целей оппозиционной борьбы. Но борьба этой партии, как и борьба остальных оппозиционных партий, не была принципиальной и последовательной. Причиной их образования были разногласия с правящей партией не по коренным социальным проблемам страны, а исходя из целей захвата власти.

Образование партии Свободы не положило конец оппозиционным тенденциям внутри ДП, так как недовольных политикой правительства внутри руководства партии было больше, чем организаторов новой партии. Оппозиция внутри ДП, несмотря на ряд исключений и другие репрессии, не прекратила свою борьбу против руководства.

¹⁰⁰ „Vatan“, 1955, 16 ekim.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Э. Х. Устюндаг умер 15 июня 1956 г.

Цель оппозиции заключалась в захвате руководства партии. В состав новой оппозиции входили 75—150 депутатов меджлиса, избранных осенью 1957 года. Эти лица образовали свою почти отдельную фракцию в меджлисе и именовались «яйляджистами», т. е. сидящими на верхних скамьях меджлиса. Яйляджисты выступали за отмену законов о печати, собраниях и демонстрациях, за прекращение репрессий против оппозиции, разрядку внутривластической обстановки, равноправное отношение ко всем гражданам независимо от их партийной принадлежности, рациональное расходование средств на экономику и т. д. Группу эту возглавляли С. Ырджали (бывший министр печати, туризма и информации), Ш. Эргин (бывший министр национальной обороны) и С. Агаоглу.

В 1958 г. яйляджисты выдвинули свои кандидатуры на посты председателя меджлиса и председателя парламентской фракции партии. Кандидату этой группы на пост председателя меджлиса — Ш. Эргину не хватило всего несколько голосов, чтобы занять этот пост¹⁰³. Однако яйляджисты так и не сумели оформиться в самостоятельную партию.

О внутреннем кризисе ДП свидетельствовали также многочисленные случаи выхода влиятельных и других членов из ее рядов. В декабре 1953 г. вышел из партии А. Башар — депутат от Стамбула¹⁰⁴. Как писал впоследствии Башар, он вышел из партии в знак протеста против конфискации имущества НРП и диктаторских форм правления правительства Мендереса¹⁰⁵.

В августе 1954 г. вышли из партии С. Эренгил, Х. Эрдоду, А. Эфе, Н. Кадынан и Х. Кямиль — кандидаты в депутаты меджлиса на выборах 1954 года¹⁰⁶.

Вышли из ДП также Ш. Инал, Х. Э. Нутку, М. Эте, А. Окур, Х. Балык, С. Токар, Х. Индже, Дж. Кыпчак, Э. Термен, Дж. Кёпрюлю, С. Ялим и другие¹⁰⁷.

В период 1957 г. и в особенности накануне парламентских выборов отставки депутатов меджлиса от правящей партии и выход отдельных лиц из ее рядов приняли весьма широкий размах. Так, только в сентябре-октябре 1957 г. из состава партии вышли депутаты меджлиса Б. Онат, Д. Бинерлей, А. Измен, М. Себук, М. Обуз и Р. Озал, И. Шакироглу,

¹⁰³ «Новое время», № 15, 1959, стр. 12.

¹⁰⁴ А. Н. Ваşар, *Demokrasi buhranları*, s. 17.

¹⁰⁵ А. Н. Ваşар, *aynı eser*, s. 99—100.

¹⁰⁶ „Ekonomi gazetesi“, 1954, 4 ağustos.

¹⁰⁷ „Vatan“, 1955, 19 kasım; 15 aralık; 30 aralık; 1956, 2 şubat; 8 şubat, 19 mayıs; 1959, 2 ocak.

М. Тимур, У. Аксу, Дж. Бойнук, Х. Балык и Э. Сатар, генерал Ф. Белен, редактор газеты «Демократ улкю» Ф. Мухсиноглу (Газиантеп) и другие. А. Гедикоглу, З. Гёкчер, Х. Булгурлу и А. Бендерлиоглу, депутаты меджлиса от Анкары, отказались от выдвижения своих кандидатур на предстоящих выборах.

Вслед за выходом из партии видных членов, ее стали покидать также и рядовые члены в вилайетах Алтындаг, Диарбекир, Кайсери, Эрзинджан, Мараш, Элбистан, Ван, Стамбул, Адьяман, Сивас, Токат, Мерсин, Сарьер, Александретта и других. Были случаи, когда более сотни членов сразу покидали партию, как это произошло в селах Тахова (вил. Кыршехир), Чирлик (вил. Диарбекир), Эскишехире, Мугле.

Чувствительным ударом по престижу ДП был выход из ее рядов Ф. Кёпрюлю¹⁰⁸. В своем заявлении об уходе из партии Ф. Кёпрюлю отмечал, что правительство Мендереса, пренебрегая программой партии, проводит совершенно противоположный курс. «Я ожидал, — говорил он, — что руководство партии и правительства накануне всеобщих выборов произведет ряд изменений в соответствии с программой партии. Однако решение о проведении досрочных выборов показало, что в руководстве партии и правительстве не осталось возможностей даже для самых минимальных демократических перемен»¹⁰⁹. Ушел из рядов партии и сын Ф. Кёпрюлю — О. Кёпрюлю, председатель Стамбульской вилайетской организации¹¹⁰.

Проявлением внутренней неустойчивости правящей партии могут послужить также многочисленные изменения в составе правительства, отставки министров, а также случаи отставки правительства во главе с Мендересом. В период правления ДП подали в отставку следующие министры: Ф. Белен, Ф. Кёпрюлю, Ф. Караосманоглу, Х. Ойзерюк, Р. Индже, М. Алакан, О. Капани, Коймен, С. Куртбек, Ш. Эргин, Н. Озам, Ф. Челикбаш, А. Озель, С. Бурчак, Э. Гюрелли, З. Устюндаг, З. Будакоглу, а также Э. Велибеши, Н. Эгрибоз, М. Эте, М. Сароль, Н. Окмен и многие другие.

Почти все министры правительства Мендереса были вынуждены подавать в отставку, притом не один, а порой по несколько раз. За период правления ДП не было такого ми-

¹⁰⁸ Ф. Кёпрюлю пользовался большим авторитетом в партии. На выборах в центральное правление партии осенью 1955 г. он получил 1004 голоса из 1284, т. е. занял второе место после А. Мендереса по полученным голосам. См. „Akşam“, 1955, 17 ekim.

¹⁰⁹ „Ulus“, 1957, 8 eylül.

¹¹⁰ „Ulus“, 1957, 19 ağustos.

нистра, который не подал бы в отставку из-за своих разногласий с Мендересом.

Вместе с тем следует отметить, что правительство зачастую оказывалось в таком безвыходном положении, что бывало вынуждено подавать в отставку. За весь период нахождения у власти правительство Мендереса подавало в отставку четыре раза: 20 декабря 1950 г., 8 марта 1951 г., 8 апреля 1953 г. и 29 ноября 1955 г.

В последнем случае на заседании парламентской фракции присутствовали и все члены правительства. Члены фракции Ортакчиоглу и Танйювер, воспользовавшись тем, что правительство резко осуждалось со стороны оппозиции по поводу сентябрьских событий, а также выходом из ее рядов видных членов, подвергли острой критике деятельность министра экономики и торговли С. Ырджали и всю экономическую политику правительства. С. Ырджали подал в отставку, но это не удовлетворило парламентскую фракцию. Ортакчиоглу и Танйювер выступили против валютных и импортных махинаций министра финансов Х. Полаткана и его родственника¹¹¹, а также Ф. Зорлу — председателя комиссии меджлиса по ассигнованиям. Член фракции Ю. Азизоглу потребовал отставки правительства. Перед тем как подать в отставку, Мендерес потребовал отставки Х. Полаткана и Ф. Зорлу, которые согласились с ним. Затем ушло в отставку и все правительство.

Это был первый случай, когда парламентская фракция ДП выразила вотум недоверия правительству. Если в прежние времена правительственные кризисы преодолевались в сравнительно короткий срок, то на сей раз Мендересу потребовалось на это около месяца. Парламентская фракция выдвинула следующие требования: образование правительства во главе с Мендересом и некоторыми старыми министрами или назначение нового премьер-министра¹¹². Оппозиционные партии потребовали образования коалиционного правительства¹¹³, а С. Алдоган выступил даже с требованием о назначении Инёню премьер-министром¹¹⁴. Один из лидеров партии Свободы Э. Устюндаг заявил о необходимости основательной чистки ДП¹¹⁵. Сформирование нового правительства в конце декабря лишь формально разрешило правительственный кри-

---

¹¹¹ Речь шла о свояке Полаткана Я. Союгенче, присвоившем в течение пяти лет более 2 млн. лир. „Vatan“, 1955, 7 aralık.

¹¹² „Vatan“, 1955, 2 aralık.

¹¹³ „Vatan“, 1955, 3 aralık.

¹¹⁴ „Vatan“, 1955, 3 aralık.

¹¹⁵ „Vatan“, 1955, 28 aralık.

зис, но оно не устранило и не могло устранить породившие его причины — экономические и финансовые последствия политики милитаризации, подавление оппозиции.

Стремясь предупредить дальнейшее ослабление позиций ДП, Мендерес в сентябре 1958 г. выступил с планом создания так называемого «Отечественного фронта». Чтобы расширить свое влияние в стране, ДП вовлекала в эту организацию различные слои населения, оказывая материальное и моральное давление. Руководство партии намеревалось в будущем объединить ее с партией.

Демократическая партия с особым рвением взялась за организацию ячеек Отечественного фронта в различных частях страны. К апрелю 1960 г. было основано 144 ячейки¹¹⁶, которые возглавлялись членами партии и пользовались покровительством Мендереса. Церемония открытия новых ячеек сопровождалась шумной помпезностью: присутствовали лидеры местных организаций партии и т. д. Но ничто не сумело задержать процесс ослабления позиций партии. Организация Отечественного фронта не оправдала надежд, возложенных на него правящей партией.

По мере того как возрастало недовольство народных масс политикой правительства, усиливалось влияние оппозиции, в особенности НРП. В этом отношении весьма характерен 1957 год, когда особенно участились переходы членов ДП в НРП, включая членов меджлиса, целых низовых организаций, а также отдельных членов партии. Из рядов правящей партии уходили рабочие и крестьяне, мелкие ремесленники, мелкая и средняя буржуазия, представители национальных меньшинств.

Так, вступили в ряды НРП и многие депутаты меджлиса от ДП, в том числе М. Обуз, Р. Озал, Д. Бинербей, У. Диздар, Х. Балык, Б. Асутай и другие. Вступили в ряды НРП также известный юрист Х. Юджекок¹¹⁷, генерал в отставке А. Сандер¹¹⁸, бывший генеральный директор государственных воздушных линий Н. Асрал, проф. Т. Фейзиоглу, доцент истории культуры Стамбульского университета д-р З. Умре, генерал А. Октай, художник С. Теки и другие. Случалось, что члены ДП, ушедшие из ее рядов, группами вступали в ряды НРП.

Увеличилось число низовых организаций НРП. Лишь в течение 1957 г. было основано 4 новых отделения в вилайете

¹¹⁶ „Zafer“, 1960, 8 nisan.

¹¹⁷ „Ulus“, 1957, 15 haziran.

¹¹⁸ „Ulus“, 1957, 21 agustos.

Диарбекир¹¹⁹, два отделения—в вилайете Карс, 17 отделений — в селах вилайета Эскишехир и других местах¹²⁰.

Усилилось влияние также партии Свободы, в состав которой вошли Ф. Кёпрюлю¹²¹, О. Кёпрюлю, Э. Термен и другие. За сравнительно короткий срок партия Свободы сумела основать 8742 низовые организации, количество членов которых составило более одного миллиона человек. Наряду с вышеуказанными партиями произошло также усиление позиций крестьянской и республиканско-национальной партий.

Начиная с марта 1957 г., между оппозиционными партиями велись переговоры о единстве действий на предстоящих выборах в меджлис. 5 сентября НРП, РНП и партия Свободы опубликовали общую предвыборную программу, повторяющую в основном их прежние требования.

В единстве действий оппозиционных партий на выборах правительство усмотрело явную угрозу для себя. Оно в спешном порядке протащило через меджлис закон, запрещающий оппозиционным партиям выступать на выборах единым списком. И действительно, как показали итоги выборов в меджлис, если бы оппозиционным партиям удалось выступить единым блоком, они сумели бы прийти к власти и сформировать правительство.

Оппозиционные партии сделали соответствующие выводы из этого мероприятия правительства. Было ясно, что и на будущих выборах в меджлис им вряд ли удастся выступить единым блоком против правящей партии. Поэтому они решили объединить свои силы, тем более что, как мы уже отметили, Мендерес выступил с планом организации Отечественного фронта.

В октябре 1958 г. партия Свободы выступила с проектом создания фронта Объединенных сил оппозиции (гючбирлиги), который был поддержан НРП и другими оппозиционными партиями.

16 октября 1958 г. путем объединения РНП и крестьянской партии была образована новая оппозиционная партия — республиканская-крестьянская-национальная партия (РКНП)¹²², лидером которой остался Бёлюкбаши. В октябре того же года имело место объединение партии Свободы с НРП, во главе которой остался Инёню¹²³.

¹¹⁹ „Ulus“, 1957, 18 mart.

¹²⁰ „Ulus“, 1957, 29 mart ve 23 temmuz.

¹²¹ „Ulus“, 1957, 1 kasım.

¹²² „Cumhuriyetçi Millet Partisi“, s. 29.

¹²³ Кстати, следует отметить, что еще в ноябре 1955 г. К. Гюлек будущих лидеров партии Свободы пригласил «в отцовский дом», т. е. вернуться в НРП. „Vatan“, 1955, 7 kasım.

Таким образом, как правящая партия, так и оппозиция заметно усилили борьбу за расширение своего влияния накануне очередных выборов в меджлис. Политическая арена, находившаяся во власти буржуазных партий, продолжала оставаться в их руках. На одной ее стороне стояла ДП, старавшаяся во что бы то ни стало сохранить власть, на другой — оппозиционные партии во главе с НРП, стремившиеся использовать растущее недовольство народных масс политической властью для прихода к власти.

* * *

Накануне 1960 г. внутривластная обстановка в Турции достигла высокого накала. Положение внутри страны все осложнялось по мере приближения новых выборов в меджлис. Верховная ДП отдавала себе отчет в том, что если выборы в меджлис будут проведены в установленный срок, то ей не избежать поражения. Поэтому правящая партия решила и на этот раз провести досрочные выборы, которые были назначены на 14 мая 1960 года¹²⁴. Но в печать просочились также слухи, что якобы выборы намечены на 22 мая 1960 г.¹²⁵

Оппозиция неоднократно требовала от правительства, чтобы была внесена ясность в этот вопрос. Но оно упорно уклонялось от ответа. Руководство ДП намеревалось заставить оппозицию врасплох. Правительство исходя из предвыборных соображений объявило об образовании 17 новых вилайетов. Были искусственно раздроблены те вилайеты, где избиратели на прошлых выборах голосовали за НРП и другие оппозиционные партии. В ответ на это руководство НРП направило обращение ко всем своим организациям, чтобы они были готовы к новым выборам. Оно решило оставить в Анкаре 30 депутатов меджлиса, а остальных направить в пропагандистское турне по стране¹²⁶.

Правящая партия и оппозиция начали усиленно готовиться к предстоящим выборам, невзирая на то, что точная дата выборов не была известна. Именно в этот разгар предвыборной кампании правительство и решило начать новые репрессии против оппозиции и ее печати с целью их окончательной ликвидации.

В двадцатых числах февраля 1960 г. ЦК ДП за подписью Мендереса разослал циркуляр всем своим организациям, в котором предлагалось начать работу по развалу и ликвида-

¹²⁴ „Revue de défense nationale“, 1960, février p. 231.

¹²⁵ „Cumhuriyet“, 1960, 9 ocak.

¹²⁶ „Revue de défense nationale“, ibid, p. 231.

ции оппозиции. Члены ДП на местах настолько распоясались, что при содействии властей стали поголовно избивать членов оппозиции. Имели место случаи применения оружия против них, как, например, в уезде Ешилхисар (вил. Кайсери). Полиция открыла огонь по сторонникам оппозиции, собравшимся у полицейского участка и протестовавшим против избияния члена НРП М. Бозкурта. Были тяжело ранены трое¹²⁷.

В конце февраля канцелярия Мендереса направила в меджлис два отношения о лишении парламентской неприкосновенности Инёню и депутатов НРП А. Акбийыкоглу, Р. Салиджи, А. Чаликоглу, А. Урала, Н. Армана, С. Байкана, Р. Текели, Х. Теза, С. Солея и Ш. Китапчи¹²⁸. Когда 24 марта Инёню приехал в Кайсери, чтобы принять участие в работах вилаетской конференции НРП, губернатор А. Кынык, по приказу Мендереса, двинул войска против собравшихся встречать Инёню, и он не был допущен в город.

В знак протеста против использования армии в политических целях три высокопоставленных офицера К. Саваш, О. Озкоджак и С. Четинер 8 апреля 1960 г. подали в отставку, но были посажены в тюрьму¹²⁹.

Власти начали с еще большей свирепостью преследовать оппозиционную печать. Были арестованы и заключены в тюрьму Дж. Юнлю—редактор газеты «Ени гюн»¹³⁰, Б. Дженкчи—директор газеты «Улус»¹³¹, Барлас—владелец газеты «Сон-Хавадис» и Е. Тамер — редактор той же газеты¹³², О. Верел — писатель-романист¹³³. Были упрятаны за решетку также П. Сафа, С. Тудрул и Дж. Хунал—сотрудники газеты «Терджуман» и А. Эрдем — владелец газеты «Керван» (Назилли). Власти приговорили к тюремному заключению сроком на 20 месяцев и Н. Шумну — редактора газеты «Дженуби Постасы» (Мерсин). Она была первой журналисткой, приговоренной к тюремному заключению¹³⁴.

В Карсе за «оскорбление губернатора» был осужден О. Кырал—владелец газеты «Ени Сарыкамыш»¹³⁵.

Помимо чисто административных репрессий, власти ока-

---

¹²⁷ „Ulus“, 1960, 25 mart.

¹²⁸ „Ulus“, 1960, 27 şubat.

¹²⁹ „New York Times“, 1960, 25 april.

¹³⁰ „Ulus“, 1960, 29 ocak.

¹³¹ „Ulus“, 1960, 26 şubat.

¹³² „Ulus“, 1960, 26 şubat.

¹³³ „Monde“, 1960, 8 avril.

¹³⁴ „Cumhuriyet“, 1960, 21 ocak.

¹³⁵ „Cumhuriyet“, 1960, 22 ocak.

зывали на печать и финансовое давление. Лишились прав публикации официальных объявлений и реклам газеты «Улус», «Ени гюн», «Ватан», «Дюнья». Была лишена прав публикации реклам и объявлений газета «Экинджи» (Карс), в результате чего последняя стала выходить три раза в неделю. Рекламы и объявления, согласно решению губернатора, были распределены между газетами ДП¹³⁶.

В ответ на репрессии правительства оппозиция за подписью 147 депутатов меджлиса от НРП потребовала расследования меджлисом вопроса об участии Мендереса и Гедика в организации репрессий против Инёню в Ушаке и Стамбуле.

16 февраля 1960 г. меджлис обсудил запрос НРП, но не применил никаких санкций против Мендереса и Гедика¹³⁷. На следующий день оппозиция потребовала расследования вопроса о незаконных доходах С. Агаоглу и его зятя Вернера Ташенбрекера. Требование оппозиции было отклонено большинством голосов правящей партии. В ходе обсуждения возникла перебранка и драка между депутатами ДП и НРП. Депутат НРП И. Инан, получивший серьезное повреждение, был отправлен в больницу¹³⁸.

В январе-феврале 1960 г. оппозиция усилила свои нападки на правительство. Поводом к этому послужило обсуждение в меджлисе проекта государственного бюджета на 1960/61 финансовый год.

В последующие месяцы борьба между ДП и оппозицией еще более обострилась. 13 апреля 1960 г. НРП решила внести в меджлис предложение о проведении парламентского расследования по вопросу незаконных действий руководителей правящей партии и правительства. В ответ на это некоторые депутаты на заседании парламентской фракции ДП выступили с требованием приговорить Инёню к смертной казни через повешение¹³⁹. Но по предложению Мендереса было решено создать парламентскую комиссию по расследованию «подрывной, тайной и незаконной деятельности» НРП и ее печати.

15 апреля парламентская фракция ДП внесла в меджлис резолюцию за подписью председателя фракции М. Калаяра и заместителя председателя фракции Б. Акшина об образовании комиссии. В резолюции содержались обвинения в том, что НРП якобы проводила разрушительную и незаконную деятельность, вооружала сторонников партии, пыталась втя-

¹³⁶ „Cumhuriyet“, 1960, 22 ocak.

¹³⁷ „Ulus“, 1960, 17 şubat.

¹³⁸ „Ulus“, 1960, 18 şubat.

¹³⁹ „Ulus“, 1961, 16 mayıs.

нуть армию в политику и создавала тайные ячейки. Резолюция требовала, чтобы в ходе расследования деятельности НРП комиссии было предоставлено право запретить всякую политическую деятельность в стране. Такой запрет мог быть наложен без какого-либо предварительного разрешения меджлиса или судебных органов. Имелось в виду, что деятельность комиссии, которая должна была состоять лишь из депутатов правящей партии, могла проводить свою работу вне здания меджлиса¹⁴⁰.

17 апреля парламентская фракция НРП опубликовала резолюцию, требовавшую, чтобы меджлис расследовал незаконные действия Мендереса. НРП мотивировала это тем, что правительство подавляло «конституционные свободы» граждан. В качестве примера был приведен случай с Инёню в Кайсери. В резолюции отмечалось, что чиновники государственного аппарата подвергаются партийному давлению, а Мендерес стал врагом свободы печати, так как не выносит отрицательные высказывания печати о его действиях¹⁴¹. В тот же день НРП внесла в меджлис новое предложение — предать Мендереса высшему государственному суду. Но это предложение, как и вышеупомянутая резолюция, были отклонены большинством голосов депутатов правящей партии¹⁴².

На следующий день меджлис большинством голосов одобрил образование комиссии в составе 15 человек: О. Кавунджу, Б. Дюлгер, И. Улусой, С. Билгич, А. Санджар, В. Асена, К. Бибероглу, К. Озер, Х. Дура, Э. Анит, Н. Киришчиоглу, Т. Бахадир, С. Динджер, Х. Олчмен и Н. Ондер. Председателем комиссии был назначен А. Санджар¹⁴³. Как писала «Монд», в состав комиссии были включены самые «твердые» депутаты меджлиса от ДП¹⁴⁴. Комиссии поручили представить меджлису свой доклад о расследовании деятельности НРП в течение трех месяцев.

День 18 апреля был одним из самых шумных дней меджлиса, бушевавшего от взаимных нападок, оскорблений и обвинений депутатов ДП и оппозиции. Депутат от НРП Х. Эрдоган был лишен права присутствия на последующих 12 заседаниях меджлиса за то, что бросил ящик на А. Сакина — депутата от ДП. Выяснилось, что А. Сакин вызвал гнев оппозиции тем, что вытащил пистолет в здании меджлиса.

Создание комиссии явилось вопиющим нарушением кон-

¹⁴⁰ „Zafer“, 1960, 16 nisan.

¹⁴¹ „Ulus“, 1960, 17 nisan.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ „Zafer“, 1960, 19 nisan.

¹⁴⁴ „Monde“, 1960, 3 août.

ституции и устава меджлиса. Предоставление комиссии полномочий исполнительной власти превратило ее в правительство в меджлисе. Создание комиссии было равносильно роспуску меджлиса. История Турции, как и других капиталистических стран, еще не знала такого случая, чтобы в законодательном органе государства создавалась комиссия с полномочиями исполнительной власти. После создания комиссии в стране фактически правили два правительства одной и той же партии. Созданием комиссии правящая партия попрадала конституцию страны и вставала на путь установления своей неприкрытой диктатуры.

Вечером того же дня комиссия в экстренном порядке приняла два решения. Согласно первому решению, запрещалось проведение собраний и съездов НРП и других оппозиционных партий в течение трех месяцев. Второе решение запрещало публикацию газетами оппозиции «любыми способами любой информации, заявлений, коммюнике, мнений, документов, фотографий или статей, помимо сообщений о деятельности меджлиса и комиссии»¹⁴⁵. На следующий день полиция наложила арест на тиражи газет «Улус», «Дюнья» и «Демократ Измир», не подчинившихся этому решению¹⁴⁶.

19 апреля 1960 г. около 10 тысяч человек организовали демонстрацию на пл. Кызылай. Среди них находились Инёню и другие депутаты меджлиса от оппозиции. Полиция разогнала демонстрантов, арестовав 22 человека¹⁴⁷. В связи с этим Инёню заявил, что будет оказано сопротивление мерам, которые предпринимает комиссия. Он дал понять, что в обстановке продолжающихся репрессий «восстание является законным правом наций»¹⁴⁸.

21 апреля комиссия опубликовала новое решение, в котором указывалось, что газеты, не печатающие материалы о расследовании НРП, будут конфисковываться.

Несмотря на то, что комиссия была наделена широкими полномочиями, правительству это показалось недостаточным, и 26 апреля депутаты ДП внесли в меджлис законопроект о предоставлении ей чрезвычайных полномочий¹⁴⁹. Согласно законопроекту, комиссии предоставлялось право конфискации и закрытия газет и типографий, а также право приговаривать к тюремному заключению сроком от одного до трех лет лиц, не подчиняющихся ее решениям. Тем самым комиссия получи-

¹⁴⁵ „Zafer“, 1960, 20 nisan.

¹⁴⁶ „Zafer“, 1960, 20 nisan.

¹⁴⁷ „Ulus“, 1960, 20 nisan.

¹⁴⁸ „Ulus“, 1960, 20 nisan.

¹⁴⁹ „Zafer“, 1960, 27 nisan.

ла право заключать людей в тюрьму без суда и следствия. Законопроект был внесен на обсуждение меджлиса 310 головами против 130. Инёню заявил, что принятие законопроекта будет означать изменение режима и полное подавление конституции¹⁵⁰. Следует отметить, что некоторые депутаты ДП воздержались от голосования. Один из лидеров внутривластной оппозиции С. Ырджали заявил, что предоставление комиссии чрезвычайных полномочий противоречит конституции и что такого рода полномочия не предоставляются даже тогда, когда объявляется осадное положение¹⁵¹.

Оппозиция воспротивилась продолжению заседания, и президиум меджлиса лишил 12 депутатов НРП права посещать меджлис от трех до шести заседаний. Но они отказались покинуть меджлис. Была вызвана полиция, которая и вывела их из зала заседаний¹⁵². Инёню, который был лишен права посещать 12 заседаний меджлиса, немедленно покинул зал. Несмотря на решительный протест НРП, других оппозиционных партий и некоторых депутатов ДП законопроект все же был принят.

Предоставление комиссии чрезвычайных полномочий поставило ее над правительством и меджлисом, превратило в фактического правителя страны и государства. Правительство Мендереса, решившее пойти на такой шаг, имело целью с помощью комиссии ликвидировать оппозицию, а самому остаться в стороне. Создавалось впечатление, что все делается с согласия меджлиса. В крайнем случае, ответственность за последствия правительство могло легко переложить на комиссию.

«Решив сохранить в своих руках правление страной,— писала «Монд»,—демократы со всей силой обрушили эти драконовские законы против противников»¹⁵³.

27 апреля комиссия приступила к выполнению своих обязанностей. Первым делом она запретила ежегодную конференцию студенческого общества медицинского факультета Стамбульского университета, арестовав некоторых ее участников. На следующий день комиссия ввела осадное положение в Стамбуле и Анкаре. Ответственным за соблюдение порядка в Стамбуле был назначен генерал Ф. Оздилик (командующий первой армией), в Анкаре — генерал Н. Аргюч (командующий второй армией)¹⁵⁴. Были закрыты газеты «Улус»,

¹⁵⁰ „Ulus“, 1960, 26 nisan.

¹⁵¹ „Ulus“, 1960, 27 nisan.

¹⁵² „Zafer“, 1960, 28 nisan.

¹⁵³ „Monde“, 1960, 30 avril.

¹⁵⁴ Н. Аргюч был командиром турецкой бригады в Южной Корее. См. „Yeni Istanbul“, 1952, 4 eylül.

«Дюнья», «Джумхуриет» и журнал «Акис». Директор газеты «Улус» Ч. Четинел был приговорен к тюремному заключению сроком на 4 месяца и 12 дней за статью, якобы оскорбительную для министра общественных работ.

Наделение комиссии чрезвычайными полномочиями вызвало волну антиправительственных демонстраций почти во всех крупных городах страны. Первыми вышли на демонстрацию протеста студенты Стамбульского университета¹⁵⁵.

28 апреля более тысячи студентов собрались у памятника Ататюрку в парке университета, чтобы выразить молчаливый протест против незаконных действий правительства. Полиция ворвалась в парк и стала разгонять демонстрантов. Ректор университета проф. С. Онар заявил протест по поводу нарушения автономии университета. В ответ начальник полиции З. Шахин нанес несколько ударов ректору. Последний при падении разбил себе голову. Присутствовавшие при этом студенты напали на полицейского и избили его. Они разгромили также полицейскую машину. Тогда полиция пустила в ход гранаты со слезоточивыми газами и дубинки. Студенты не сдались и с пением национального гимна вышли на площадь Баязида. Они несли портреты Ататюрка и флаги. Полиция предложила им разойтись. Но студенты не подчинились и продолжали выкрикивать лозунги одобрения по поводу свержения южнокорейского диктатора Ли Сын Мана. В ответ полиция открыла огонь по студентам. Был убит студент Т. Эмексиз и ранено более 25 человек. Имелись раненые также среди полицейских.

Под нажимом властей сотрудники морга представили подложное заключение о вскрытии тела Т. Эмексиза. В заключении утверждалось, что Т. Эмексиз якобы умер от ножевой раны, т. е. полиция тут не причем¹⁵⁶. Примечательно, что в качестве вознаграждения за подавление студенческой демонстрации власти раздали полицейским 250 тыс. лир¹⁵⁷.

Это была первая схватка между полицией и студенчеством накануне свержения правительства Мендереса. Она свидетельствовала о намерении властей огнем и мечом распра-

---

¹⁵⁵ Начиная с января 1960 г. студенты Стамбульского университета, в большинстве своем выходяцы из мелкой и средней буржуазии, организовали ряд демонстраций протеста против правительства. Так, 9 января 1960 г. они устроили молчаливую демонстрацию в парке университета, протестуя против приезда в Стамбул главы религиозной секты «Нурджи» и ношения им религиозной одежды. Они пели марш независимости, собравшись у памятника Ататюрку. Полиция разогнала демонстрацию и арестовала около 300 студентов. (См. «Cumhuriyet», 1960, 10 ocak).

¹⁵⁶ «Ulus», 1961, 10 ocak.

¹⁵⁷ «Ulus», 1961, 10 ocak.

виться с оппозицией. В тот же день власти ввели комендантский час в Стамбуле. Были закрыты все увеселительные заведения.

В день, когда в Анкаре было введено военное положение, Аргюч запретил всякого рода собрания и общественные митинги¹⁵⁸. Военное командование отдало приказ всем силам безопасности «немедленно и самым жестоким образом пресекать действия, противоречащие существующим законам», применять самые решительные меры против лиц, которые прибегнут к действиям, противоречащим закону о собраниях и демонстрациях¹⁵⁹. Университеты в Анкаре и Стамбуле были закрыты до 29 мая.

29 апреля 1960 г. около четырех тысяч студентов юридического факультета и факультета политических наук Анкарского университета в знак солидарности со студенчеством Стамбула организовали демонстрацию протеста против правительства. Полиция начала избивать студентов дубинками. Но студенты оказали им упорное сопротивление. На помощь полиции были двинуты войска. Н. Аргюч обратился к студентам с предложением разойтись. В ответ студенты заявили, что разойдутся, если он подаст в отставку. Н. Аргюч обещал выполнить их требование с условием, что это произойдет через день и в случае, если они тотчас разойдутся и восстановят спокойствие. Студенты потребовали его немедленной отставки. В это время на стенах здания факультета появились написанные кровью раненых студентов лозунги: «Мендереса в отставку», «Убийцы», «Мы следуем за Ататюрком». Тогда Аргюч отдал приказ солдатам стрелять по студентам. Солдаты вместе с полицией обстреляли аудиторию факультета из автоматов. Была учинена кровавая бойня над безоружными студентами.

Приказ министру внутренних дел о применении оружия против студентов отдал Баяр, а тот, в свою очередь, Аргючу. Заместитель начальника тайной полиции Анкары И. Кютай, посылая своих подчиненных на подавление студенческой демонстрации, отдал провокационный приказ: «Идите и убивайте: они — коммунисты. Демонстрация — это дело рук коммунистов». В качестве вознаграждения полицейские получили от Аргюча 250 тыс. лир¹⁶⁰.

День 29 апреля вошел в историю Турции как «кровавая пятница». Использование армии в целях подавления студенческой демонстрации было грубейшим нарушением консти-

¹⁵⁸ „Zafer“, 1960, 29 nisan.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ „Ulus“, 1961, 10 ocak.

туции. Совершив убийство безоружных студентов и студенток, правительство Мендереса не остановилось перед новым преступлением — тела убитых не были переданы их родителям. Правительство боялось нового взрыва гнева оппозиции и студенчества. Тела убитых студентов наспех были спрятаны в холодильниках, колодцах и кладбищах.

Расстрел студентов Анкарского университета вызвал широкую волну протестов. 30 апреля состоялись демонстрации протеста студентов технического факультета Анкарского университета и студентов Диарбекира. В тот же день демонстрации протеста студентов и адвокатов состоялись в Измире. 2 мая около 35 турецких студентов пикетировали здание ООН в Нью-Йорке в знак протеста против репрессий правительства Мендереса. В тот же день организовали демонстрацию протеста и студенты Стамбула. В ней приняли участие около двух тысяч человек. Они пели национальный марш и с криками «убийца Мендерес» пошли по главной улице города. Студенты выкрикивали вслед за машиной государственного секретаря США К. Гертера, приехавшего на сессию НАТО в Стамбул: «Почему вы поддерживаете тех, кто нас притесняет?», «Почему вы на нашей земле?», «Что вы здесь ищете?»¹⁶¹.

3 мая командующий сухопутными войсками турецкой армии армейский генерал Дж. Гюрсель направил письмо министру обороны Э. Мендересу. В нем он высказался за немедленную отставку Баяра, как главного виновника кровавых событий, удаление непопулярных членов правительства, образование нового кабинета, смещение губернаторов и начальников служб безопасности Анкары и Стамбула, Аргюча, освобождение арестованных журналистов и студентов и отмену закона о создании комиссии меджлиса по расследованию деятельности НРП и ее печати¹⁶². Через два дня он подал в отставку и уехал в Измир¹⁶³. Об этом инциденте знали лишь немногие, и правительство не придало этому особого значения.

4 мая устроили демонстрацию студенты Измирского университета. Около 5 тыс. студентов потребовали отставки Мендереса.

Но самой мощной демонстрацией протеста студентов была демонстрация 5 мая 1960 г. в Анкаре, на площади Кызылай. В этот день около 4 тыс. студентов и молодежи заполнили бульвар Ататюрка. Молодежь пела марш «Гази Осман-

¹⁶¹ „Cumhuriyet“, 1960, 14 haziran.

¹⁶² M. A t a l a y, Cemal Gürsel ve hayatı, İstanbul, 1960, s. 22.

¹⁶³ «Проблемы мира и социализма», № 8, 1960, стр. 41.

паша». Затем демонстранты на мотив этого марша начали распевать слова: «Где это видано, чтобы брат убивал брата? Разве проклятые диктаторы оставят вам этот мир»¹⁶⁴. На зов этой песни собралось около 15 тыс. человек. Вскоре появились полиция и солдаты во главе с начальником анкарской полиции Н. Биджиоглу. Полицейские и солдаты стали избивать демонстрантов. Были произведены аресты. Мендерес, беседовавший за чашкой чаю с генералами в Доме армии, вышел оттуда и направился к площади Кызылай, полагая, что началась запланированная им демонстрация в его поддержку. Но демонстранты начали выкрикивать слова: «Позор», «Отставка». Тогда Мендерес обратился к ним со словами: «Зачем вы устроили демонстрацию?». Студенты ответили: «Отставка». «Тогда лучше убейте меня», — сказал Мендерес и положил правую руку на сердце¹⁶⁵. Демонстранты двинулись на него, но его спас Биджиоглу. Он втолкнул Мендереса в машину и увез.

Мендерес распорядился немедленно арестовать всех демонстрантов, а Баяр — отрезать демонстрантов от толпы и открыть огонь по ним. Однако власти не рискнули устроить новую кровавую расправу над мирными демонстрантами.

5 мая 1960 г. 18 депутатов НРП внесли в президиум меджлиса резолюцию, требовавшую расследования действий премьер-министра. Резолюцию, требовавшую расследования деятельности парламентской комиссии, внесла в президиум меджлиса РКНП. Меджлис отклонил эти резолюции.

15 мая власти спровоцировали в Измире драку между сторонниками ДП и НРП. 4 тысячи юношей и девушек, сторонников НРП, собрались у здания партии и начали кричать: «Свобода, свобода», «Мендереса — в отставку». Почти такое же число членов и сторонников правящей партии напали на них и стали избивать. На помощь сторонникам ДП пришли власти. Через два дня молодежь Измира организовала новую демонстрацию протеста. Демонстранты прошли по главным улицам города с пением марша «Гази Осман-паша».

Демонстрации протеста против властей были организованы и в последующие дни — 19 мая в Анкаре, по случаю праздника 19 мая 1919 г., 20 мая в Анкаре — в день приезда Дж. Неру и 21 мая. Демонстрация молодежи имела место также в Стамбуле, где 19 мая около 2 тыс. студентов, собравшись у памятника Ататюрку, скандировали: «Мы следуем твоему примеру, Ататюрк», «Мы боремся за свободу». Де-

---

¹⁶⁴ „Akis“, 1960, 30 mayıs, s. 22.

¹⁶⁵ „Monde“, 1960, 7 mai.

монстрацию студентов возглавлял бывший преподаватель университета проф. Р. Батурбай—член НРП¹⁶⁶.

Наряду с репрессиями и гонениями против оппозиции и студенчества, военные власти Анкары закрыли газеты «Ени Сабах» за опубликование фотоснимков демонстрации студентов в Сеуле и «Зафер» — за печатание фотоснимков демонстрации 5 мая 1960 года. Были закрыты также и другие газеты. Создалось такое положение, что в первой декаде мая помимо уже упомянутых выше газет не выходили газеты «Улус», «Ени гюн», «Миллиет», «Акшам», «Ени Анд» (Бурса), «Ени Адана» и «Тюрк сёзю» (Адана). Впоследствии была закрыта также газета «Хабер» (Анкара). Власти закрыли кинотеатры «Улус», «Бююк Синема», «Анкара» и «Гюльбаши».

Однако движение за отставку правительства все ширилось, принимая массовый характер. Вслед за студентами против правительства Мендереса выступили курсанты анкарской военной школы. 21 мая около 1000 курсантов этой школы устроили молчаливую демонстрацию протеста против правительства. Вместе с курсантами на демонстрацию вышли также офицеры средних чинов. Курсанты вышли на площадь Кызылай, а затем направились к памятнику Ататюрку у Дома армии. Там к ним присоединились почти 20 тыс. человек. Вскоре число демонстрантов достигло 50 тысяч.

Аргюч попытался уговорить курсантов разойтись, но его старания успеха не имели. Курсанты прошли мимо здания министерства обороны, а затем направились к своему училищу.

Демонстрация курсантов была первым открытым выражением недовольства военных против политики правительства. Она показала, что в армии идет брожение против властей и что она присоединится к тем политическим силам, которые борются за свержение правительства Мендереса.

Таким образом, правительству Мендереса противостояли буржуазные оппозиционные партии, печать, студенчество, молодые офицеры. Они ставили вопрос о немедленной отставке правительства. На этом этапе трудящиеся массы не принимали непосредственного участия в борьбе за свержение власти ДП.

Касаясь выступления курсантов военной школы, «Монд» писала, что «начиная с этого момента судьба правительства Мендереса практически была решена»¹⁶⁷. Она далее отмечала: «На первый взгляд кажется, что премьер-министр со своей стороны понял значение этого предупреждения. Он был го-

¹⁶⁶ „Combat“, 1960, 20 mai.

¹⁶⁷ „Monde“, 1960, 28 mai.

тов, как кажется, если не к капитуляции перед требованиями оппозиции, но к уходу с политической арены, что создало бы возможность образовать временное правительство. Он предложил также, как первую меру, объявить об отставке министров внутренних дел и обороны, которые вместе со своим коллегой — министром иностранных дел, вызывали главное недовольство оппозиции. Это... Баяр, который, если верить некоторым данным, воспротивился уступкам и, став перед необходимостью выбора, предпочел лучше продолжить борьбу, чем пойти на смягчение мер, принятых против оппозиции»¹⁶⁸.

После демонстрации курсантов наступило некоторое затишье. Но создававшаяся обстановка была обманчивой. В этом убедили последующие события. 25 мая комиссия по расследованию деятельности НРП на два месяца раньше срока закончила свою работу, проведя ее вне меджлиса. Весть эта вызвала вспышку протеста со стороны оппозиции. Заседание меджлиса проходило в бурной обстановке и продолжалось до вечера. В последние 15 минут депутаты оппозиции и правящей партии дрались кулаками. Для восстановления порядка была вызвана полиция. Это был второй случай, когда власти вынуждены были прибегнуть к помощи полиции. В этой обстановке было принято решение о роспуске меджлиса до 20 июня. Было также решено, что меджлис после возобновления работы приступит к обсуждению законопроекта об изменении некоторых статей избирательного закона.

Итак, работа меджлиса была парализована. Страна осталась без высшего законодательного органа. Роспуск меджлиса развязал руки властям, получившим полную свободу действий.

Начиная с 25 мая в стране установилась ничем не ограниченная диктатура ДП и ее правительства. Этого мнения придерживались все иностранные наблюдатели¹⁶⁹. Даже К. Гертер, поддерживающий Мендереса, придерживался мнения, что последний установил в стране диктаторский режим¹⁷⁰.

Тем временем правительство начало тайком вербовать иррегулярную армию из людей, проживавших в окрестностях Стамбула. Оно подготовило обмундирование и оружие почти на 7 тыс. человек. Склады оружия и обмундирования находились в Стамбуле и Анкаре¹⁷¹. Идея организации этой армии

¹⁶⁸ „Monde“, 1960, 28 mai.

¹⁶⁹ „New York Times“, 1960, 30 april; „Washington Post and Times Herald“, 1960, 3 may; „Yorkshtr Post“, 1960, 25 may.

¹⁷⁰ „Yeni Istanbul“, 1960, 30 mayıs.

¹⁷¹ „Ulus“, 1960, 30 mayıs.

исходила от Баяра¹⁷². В ее задачи входило физическое уничтожение членов оппозиционных партий и студентов, а также выступление против населения Стамбула. Более того, Баяр и Мендерес намеревались использовать эту армию также для физического уничтожения курсантов военной школы Анкары¹⁷³. Баяру принадлежат слова: «Нет никакой опасности для 30-миллионного населения Турции, если мы убьем 1500 курсантов военной школы»¹⁷⁴.

26 мая в Анкаре и других городах было относительно спокойно. В этот день Зорлу принял гостившую в стране делегацию французских журналистов и на вопрос одного из них, какова, мол, позиция армии в сложившейся обстановке, ответил: «Правительство уверено в верности и нейтральности армии, понимающей чувство своего долга»¹⁷⁵.

И тут, неожиданно для правительства, в ночь на 27 мая 1960 г. в стране был совершен военный переворот, свергнувший власть ДП и ее правительства.

Первоначально переворот был намечен на 28 мая. Но так как Мендерес днем раньше намеревался выступить в Конье, центре религиозных сект, с заявлением о повышении закупочных цен на пшеницу¹⁷⁶, дата переворота была перенесена на 27 мая.

Военный переворот был осуществлен высокопоставленными офицерами турецкой армии, заблаговременно образовавшими Комитет национального единства во главе с Гюрселем. Комитет национального единства (далее КНЕ) сосредоточил в своих руках всю верховную законодательную и исполнительную власть. Гюрсель занял посты председателя КНЕ, главы государства, премьер-министра и главнокомандующего вооруженными силами. В стране была установлена военная диктатура. В заявлении КНЕ по поводу свержения правительства Мендереса говорилось: «В связи с кризисом, в котором оказалась наша демократия, в связи с недавними прискорбными инцидентами и для того, чтобы предотвратить братоубийство, турецкие вооруженные силы взяли на себя управление страной»¹⁷⁷. В заявлении также отмечалось, что решение о свержении правительства было принято с целью предотвращения гражданской войны в стране и устранения пропасти, разделяющей две крупные партии. В нем со-

¹⁷² „Monde“, 1960, 1 juin.

¹⁷³ „Aktis“, 1960, 30 mayıs, s. 11.

¹⁷⁴ „Dünya“, 1960, 11 haziran.

¹⁷⁵ „La Croix“, 1960, 31 mai.

¹⁷⁶ „Monde“, 1960, 4 août.

¹⁷⁷ „Ulus“, 1960, 28 mayıs.

держалось обещание обеспечить справедливые и свободные выборы, которые должны быть проведены по возможности скорее под наблюдением и арбитражем стоящего выше партий беспристрастного правительства, и передать управление страной той партии, которая победит на выборах¹⁷⁸.

Свержение правительства Мендереса вызвало оживленные толки в политических кругах западных стран. Турецкие оппозиционные партии, газеты и журналы утверждали, что причиной свержения правительства послужили диктаторские методы правления, грубое подавление буржуазных прав и свобод, кровавые репрессии против оппозиции и студенчества. Целью переворота, по их мнению, было установление «новой эпохи демократической системы правления Ататюрка»¹⁷⁹. «Акис», в частности, писала, что целью переворота являлось свержение антиконституционного режима Мендереса и установление конституционной системы правления¹⁸⁰. Переворот был охарактеризован как «бескровная революция»¹⁸¹.

Монополистическая печать США узрела причину свержения власти ДП в личной трагедии Мендереса, перешедшего к диктаторским методам правления. Так, «Нью-Йорк таймс» писала: «По мнению специалистов по средневосточным делам, трагедия премьера Мендереса состояла в том, что он не понимал, что невозможно сочетать программу экономического развития XX века с политическими репрессиями образца XIX века»¹⁸². Близорукость газеты заключалась в том, что в «трагедии Мендереса» она не видела порочности всей внутренней и внешней политики возглавляемого им правительства, партии и класса, чьи интересы он выражал и защищал.

Английская буржуазная печать, в частности «Обсервер», назвала свержение правительства Мендереса «гибелью диктатора»¹⁸³. Ей вторила «Скотсмен», писавшая, что «армия захватила власть в свои руки, поскольку правительство Мендереса становилось все более диктаторским»¹⁸⁴. К. Гертер причину падения правительства Мендереса также усмотрел в диктаторском режиме правления¹⁸⁵.

Как свидетельствуют высказывания американских и английских газет, западная печать закрывала глаза на то, что

¹⁷⁸ „Ulus“, 1960, 28 mayıs.

¹⁷⁹ „Dünya“, 1960, 30 mayıs.

¹⁸⁰ „Akis“, 1960, 30 mayıs, s. 3.

¹⁸¹ M. Atalay, aynı eser, s. 28.

¹⁸² „New York Times“, 1960, 28 may.

¹⁸³ „Observer“, 1960, 29 may.

¹⁸⁴ „Skotsman“, 1961, 17 february.

¹⁸⁵ „Yeni İstanbul“, 1960, 30 mayıs.

диктаторские методы правления правительства Мендереса явились следствием антинародной внутренней политики правительства, вдохновляемой и поддерживаемой западными державами во главе с США.

Французская «Монд» пыталась найти причину свержения правительства Мендереса в намерении военных кругов предотвратить «кровавые взрывы»¹⁸⁶.

На самом деле, руководители переворота — высокопоставленные чины турецкой армии ставили перед собой цель предотвратить прогрессирующее обострение межпартийной борьбы, ликвидировать напряженность внутривнутриполитической обстановки в стране.

Участники переворота ясно осознавали, что в условиях сильного углубления кризиса в правящих верхах обычные средства буржуазной демократии были уже непригодны для установления равновесия между буржуазными политическими организациями. На данном этапе сохранение власти в руках господствующих классов было возможно лишь путем осуществления военного переворота.

Правительство Мендереса было принесено в жертву во имя интересов турецких капиталистов и помещиков, во имя сохранения буржуазной формы правления. Военный переворот был лишь одной из форм борьбы между буржуазными партиями во время преодоления кризиса в правящих кругах.

ВЫВОДЫ

После второй мировой войны в Турции стал назреть глубокий экономический и внутривнутриполитический кризис, явившийся следствием антинародной и антинациональной внутренней и внешней политики правящей народно-республиканской партии. Для выхода из кризиса НРП пошла на псевдodemократические уступки, приняла закон об аграрной реформе, разрешила деятельность новых буржуазных партий, а также обратилась за помощью к США.

Среди буржуазных партий видное место заняла демократическая партия — партия разбогатевшей на войне торгово-промышленной буржуазии и помещиков, стремившихся к свободному промышленному предпринимательству и привлечению иностранного капитала. США предоставили Турции военную, экономическую и техническую «помощь», с одной стороны, для спасения позиций турецкой реакции, а с другой, для превращения страны в военно-стратегический плацдарм

¹⁸⁶ „Monde“, 1960, 3 août.

против СССР и освободительной борьбы народов Ближнего и Среднего Востока. Агрессивная политика США в Турции отвечала целям внутренней и внешней политики турецкой реакции. Оппозиционная ДП, используя недовольство турецкого народа правлением НРП, в мае 1950 г. одержала победу на выборах в меджлис.

Тем самым власть в Турции перешла от одной буржуазной партии к другой. США оказали помощь ДП, будучи уверенны в том, что она более ревностно станет проводить политику подчинения национальных интересов страны американскому империализму.

Политика ДП в области экономики и финансов исходила из интересов крупной буржуазии и помещиков. В период ее правления усилились позиции помещиков и кулаков в деревне. Активизировал свою деятельность турецкий частный капитал. На средства частного и государственного капитала был построен ряд промышленных предприятий. Сравнительно усилилось проникновение в страну иностранного монополистического капитала. Увеличилась валовая продукция промышленности.

Однако Турция по-прежнему оставалась слаборазвитой страной. Она переживала серьезные экономические и финансовые трудности. Не только военная, но и более половины американской невоенной «помощи» расходовались на милитаризацию страны. Американская военщина взвалила на плечи трудящихся масс Турции тяжелое бремя вооружений. Турция израсходовала на военные цели намного больше, чем вся сумма американской «помощи».

Политика милитаризации еще более углубила противоречия в социально-экономической структуре Турции и явилась одной из главных причин серьезных экономических и финансовых затруднений. Милитаризация страны привела к разбуханию расходной части государственного бюджета и его хроническому дефициту. В результате дефицит бюджета достиг огромной суммы. Увеличились также суммы внутреннего и внешнего государственных долгов. Если ко времени прихода к власти ДП сумма внутреннего долга более чем в два раза превышала сумму внешнего долга, то к маю 1960 г., наоборот, внешний долг почти в два раза превысил сумму внутреннего долга.

Увеличилось количество бумажных денег в обращении. Это привело к обесценению турецкой лиры, снижению ее эквивалентной стоимости по соотношению с долларом и золотой лирой. В августе 1958 г. правительство Мендереса произвело фактическую девальвацию лиры. Ее стоимость по соотношению с долларом была снижена более чем в три раза. Но это

мероприятие не возымело действия и падение стоимости бумажной лиры продолжалось.

Обесценение лиры привело к повышению цен на товары первой необходимости, квартирной платы и коммунальных услуг, удорожанию стоимости жизни, ухудшению материального положения трудящихся масс. В результате Турция по уровню жизни заняла одно из последних мест в мире. Правительство Мендереса повысило зарплату рабочим некоторых отраслей промышленности. Но так как цены на продукты питания и другие товары первой необходимости продолжали расти, положение трудящихся масс не изменилось к лучшему.

Таким образом, ДП не выполнила своих обещаний в отношении улучшения жизненных условий трудящихся масс, ликвидации безработицы, стабилизации экономического и финансового положения страны. В поисках выхода из создавшегося положения летом 1958 г. правительство Мендереса обратилось за «помощью» к западным странам, что еще более усилило финансовую зависимость Турции от своих «партнеров» по НАТО. С этой же целью правительство ДП приняло решение о присоединении Турции к «Общему рынку».

Политика милитаризации Турции была выгодна американским монополиям, которые использовали усиление военно-стратегических позиций США для превращения Турции в выгодную сферу приложения капитала и рынок сбыта. Но политика милитаризации, с другой стороны, создала благодатную почву для обогащения турецкой буржуазии и помещиков. Это привело к увеличению частных банковских вкладов, появлению большого числа миллионеров. Произошла значительная концентрация национального частного капитала, усилились позиции крупной торговой, банковской и промышленной буржуазии. Эта политика привела также к обогащению верхушки правящей партии, видевшей в ней средство легкой наживы за счет турецкого налогоплательщика.

Основной целью внутренней политики ДП было дальнейшее усиление позиций реакции. Средством достижения этой цели служила политика антикоммунизма, подавления прогрессивных и демократических сил. Правительство Мендереса направило свой главный удар против Коммунистической партии, прогрессивных и демократических сил. Был принят закон о смертной казни и долгосрочной ссылке членов Компартии, положивший начало кампании антикоммунистической истерии и кровавым репрессиям против коммунистов. Этот закон применялся не только против коммунистов, но и против всех патриотов. Власти использовали его также для подавления гражданских прав и свобод. Антикоммунизм служил пра-

вительству Мендереса одним из условий для пребывания у власти¹.

В целях борьбы против роста классового самосознания рабочих и крестьян, отвлечения пролетариата и его союзников от классовой борьбы правительство Мендереса усиленно возрождало религиозный фанатизм и национализм. Использование религии и национализма против своих классовых врагов рассматривалось как одно из средств политической борьбы. Путем разжигания религиозного фанатизма ДП расширяла свои позиции среди крестьянства, использовала религию в узкопартийных целях как орудие борьбы против влияния оппозиционных буржуазных партий. Разжигание религиозного фанатизма нанесло значительный вред светским началам турецкого общества, явилось грубым нарушением конституции.

Несмотря на мероприятия правительства, борьба крестьянства и рабочего класса за свои права по сравнению с прошлым периодом несколько усилилась, хотя и не приняла характера общенациональной борьбы против системы угнетения и эксплуатации. Борьба крестьянских масс и рабочего класса за свое социальное освобождение была обособленной. Пролетариат Турции не сумел обеспечить руководства крестьянской борьбой.

Правительство Мендереса предприняло ряд репрессий против оппозиционных буржуазных партий, в особенности против своей главной соперницы за власть — НРП. Оно поставило перед собой задачу постепенной и окончательной ликвидации всякой буржуазной оппозиции с целью установления однопартийной буржуазной системы правления. Преследование оппозиционных буржуазных партий со стороны правительства Мендереса явилось одним из звеньев в цепи мероприятий, направленных на дальнейшее усиление процесса концентрации экономической и политической власти в руках крупной буржуазии. Были ликвидированы «народные комнаты» и «народные дома», принадлежащие НРП, конфисковано все ее имущество. Клика Баяра — Мендереса запретила свободную деятельность оппозиционных партий и их газет, тем самым ликвидировав свободу слова и собраний, свободу печати и изданий — важнейшие элементы буржуазных прав и свобод. Правительство Мендереса фактически ликвидировало буржуазную демократию и перешло к диктаторским формам правления.

Как указывается в Заявлении совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в ноябре 1960 г., «в ряде стран усиливается процесс фашизации в но-

---

¹ См. «Программа КПСС», стр. 35.

вых формах: диктаторские методы управления сочетаются с фикцией парламентаризма, лишенного демократического содержания и сведенного к чистой формальности»². Это целиком и полностью относилось к Турции того периода.

Обещания ДП — «Сперва материальное благополучие, потом свобода»³ — оказались блефом. Правящая партия не дала народу ни того, ни другого. Оппозиционные партии, в особенности НРП, используя недовольство широких народных масс пагубными последствиями политики милитаризации страны, усилили борьбу против правительства Мендереса. Основной упор оппозиционные партии делали на критику внутренней политики правительства, но затем, перед лицом ряда внешнеполитических провалов, начали критиковать и внешнюю политику Мендереса. Итоги досрочных выборов в меджлис одиннадцатого созыва свидетельствовали об ослаблении позиций ДП. Лишь мажоритарная система выборов смогла на время оставить ее у власти.

После выборов борьба оппозиционных партий за власть еще более активизировалась. Ослабление позиций правящей партии сопровождалось расширением сферы влияния оппозиции. Ее позиции усилились также в результате образования единого фронта борьбы против ДП, что было сделано в противовес организации правящей партией так называемого «Отечественного фронта».

Накануне 1960 г. внутренняя и внешняя политика правительства Мендереса потерпела полное банкротство, она переживала глубокий кризис. Но это был кризис не только правления ДП, но и всей правящей верхушки страны. Кризис обозначился и внутри самой правящей партии, о чем свидетельствовали факты образования новых политических партий бывшими ее членами, уход из нее видных членов и депутатов меджлиса, отставки министров и правительства, возникновение внутренней оппозиции — яйляджистов.

В связи с приближением очередных выборов в меджлис ДП предприняла новые преследования и репрессии против оппозиционных партий. Была организована комиссия по расследованию деятельности НРП и ее печати, впоследствии наделенная чрезвычайными полномочиями. Власть ввела осадное положение в Стамбуле и Анкаре, запретили политическую деятельность оппозиции, закрыли ее органы печати, арестовали большое число журналистов. В стране воцарилась беззаконие и полный произвол властей. Репрессии и пресле-

² «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 71.

³ „Döğüşmüz...“, s. 11.

дования правительством оппозиции, студенчества и др. находили поддержку у правящих кругов США. К концу правления ДП в Турции нашло свое наиболее полное выражение одно из проявлений третьего этапа общего кризиса капитализма — небывалое усиление политической реакции по всем линиям, отказ от буржуазных свобод и установление фашистского, тоталитарного режима и глубокий кризис буржуазной политики и идеологии⁴.

Правительство Мендереса подавило в крови студенческие выступления в Стамбуле и Анкаре, встало на путь использования армии как орудия политической борьбы. Власти замыслили физическое уничтожение оппозиции при помощи банды наемников и расправу над курсантами анкарской военной школы, присоединившимися к оппозиции.

Обострились противоречия между рабочим классом и крестьянством, с одной стороны, и эксплуататорскими классами — с другой. Обострилась также борьба между демократической партией и оппозиционными буржуазными партиями. Внутриполитическая обстановка накалилась как никогда, а межпартийная борьба сопровождалась потасовкой в меджлисе. Правительство Мендереса завело страну в тупик. Буржуазная оппозиция требовала немедленной отставки правительства. Но верхушка ДП не проявляла никакой готовности передать власть другим буржуазным партиям. Обычные формы буржуазной демократии оказались непригодными разрешить кризис межпартийной борьбы. Правящие круги стали проявлять сильное беспокойство перспективой дальнейшего углубления кризиса. Турецкая буржуазия свои последние надежды связывала с армией. Так зародилась идея военного переворота 27 мая 1960 года. В стране была установлена власть Комитета национального единства, совершившего переворот.

Переворот носил верхушечный характер. Основной целью свержения власти ДП и правительства Мендереса была разрядка напряженности в межпартийной борьбе, преодоление кризиса в пользу правящих классов страны.

Подлинной причиной политического краха ДП и клики Баяра—Мендереса была их антинародная и антинациональная внутренняя и внешняя политика, политика превращения Турции в военно-стратегический плацдарм американского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. Это свидетельствовало о перерождении турецкой национальной буржуазии, еще накануне второй мировой войны исчерпавшей свои и без того ограниченные прогрессивные способности, в реакционный класс, препятствующий прогрессивному развитию страны.

⁴ См. «Программа КПСС», стр. 26.

ԹՈՒՐԹԻԱՅԻՆ ՆԵՐՔԻՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ

(1950—1960 թթ.)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Աշխատութիւն մեջ լուսարանվում է Թուրքիայի ներքաղաքական վիճակը համաշխարհային երկրորդ պատերազմից հետո, շահագործող դասակարգերի ձգտումը հաղթահարելու ներքաղաքական և կառավարող վերնախավի իշխանութիւն ձգնաժամը, Դեմոկրատական կուսակցութիւն կազմակերպումը, նրա ընդդիմադիր պայքարը, անցումը իշխանութիւն գլուխ և երկկուսակցական կառավարման սխտեմի հաստատումը:

Աշխատութիւն մեջ լուսարանված է Բայար—Մենդերեսի կառավարութիւն քաղաքականութիւնը գյուղատնտեսութիւն և արդյունաբերութիւն բնագավառում, օտարերկրյա կապիտալի նկատմամբ, երկրի ֆինանսական դրութիւնը ու աշխատավոր դասակարգերի վիճակը: Ուսումնասիրվող ժամանակաշրջանում այստեղ կառուցվեցին մի շարք նոր արդյունաբերական ձեռնարկութիւններ, վերակառուցվեցին գործարաններ ու ֆաբրիկաներ, ավելացավ արդյունաբերութիւն ու գյուղատնտեսութիւն արտադրանքի ծավալը, այնուամենայնիւ Թուրքիայի էկոնոմիկան, Դեմոկրատական կուսակցութիւն կառավարման վերջում, պահպանում էր իր թույլ զարգացած բնույթը: Դեռ ավելին, երկիրը կրում էր ծանր ֆինանսական դժվարութիւններ, որոնց զլխավոր պատճառներից մեկը ռազմական անհամեմատ բարձր ծախսումներն էին: Սակայն երկրի ուժգին ռազմականացման քաղաքականութիւնը աջակցում էր կալվածատերերի և բուրժուազիայի հարստացմանը, մասնավոր կապիտալի կենտրոնացմանը ու նրա դիրքերի ամրապնդմանը արդյունաբերութիւն պետական սեկտորի նկատմամբ:

Բացահայտվում է դեմոկրատական ու առաջադիմական ուժերի հետապնդումը կառավարող շրջանների կողմից, ռեակցիայի դիրքերի հետագա ամրապնդումը երկրի քաղաքական կյանքի բոլոր բնագավառներում: Այդ քաղաքականութիւն հիմնական լծակներն էին հակակոմունիզմը, կրոնական մոլեռանդութիւն բորբոքումը և ազգային փոքրամասնութիւնների ճնշումը:

Առանձնակի ուշադրության է առնված բուրժուական ընդդիմադիր կուսակցությունների, հատկապես ժողովրդա-հանրապետական կուսակցության հետապնդումը Դեմոկրատական կուսակցության կառավարության կողմից, միջկուսակցական պայքարը և ներքաղաքական իրադրությունը 1960 թ. մայիսի 27-ի զինվորական հեղաշրջման նախօրյակին:

Դեմոկրատական կուսակցության ներքին քաղաքականության ուսումնասիրությունը բերել է հետևյալ եզրակացություններին.

1. Դեմոկրատական կուսակցությունը գալով իշխանության գլուխ, մոռացության մատնեց իր ծրագրային ու նախընտրական խոստումները՝ աշխատավոր ղանգվածների կենսամակարդակի բարելավման, էկոնոմիկայի ու ֆինանսների կայունացման, քաղաքացիական ազատությունների ու իրավունքների ապահովության հարցերում:

2. Երկրի ուժգին ռազմականացման քաղաքականությունը, որը հանդիսանում է տնտեսական ու ֆինանսական դժվարությունների գլխավոր պատճառներից մեկը, էլ ավելի սրեց Թուրքիայի սոցիալ-տնտեսական վիճակը և դասակարգային հակասությունները:

3. Դեմոկրատական կուսակցության ներքին քաղաքականության հիմնական նպատակն էր՝ ամրապնդել խոշոր առևտրա-արդյունաբերական բուրժուազիայի ու կալվածատիրության իշխանությունը:

4. Դեմոկրատական կուսակցության կառավարման ժամանակաշրջանում թուրքական բուրժուազիան վերջնականապես սպառեց իր համեմատաբար առաջադիմական ունակությունները և վերածվեց հետադիմական դասակարգի:

5. 1960 թ. մայիսի 27-ի զինվորական հեղաշրջման նպատակըն էր հաղթահարել ժայր աստիճան լարված ներքաղաքական իրադրությունը և կառավարող կուսակցության իշխանության ճշգրնաժամը: Այն շունք սոցիալական կամ հակաիմպերալիստական բնույթ, այլ վերնախավային էր և շահագեցրեց էական ներքին և արտաքին քաղաքական փոփոխություններին: